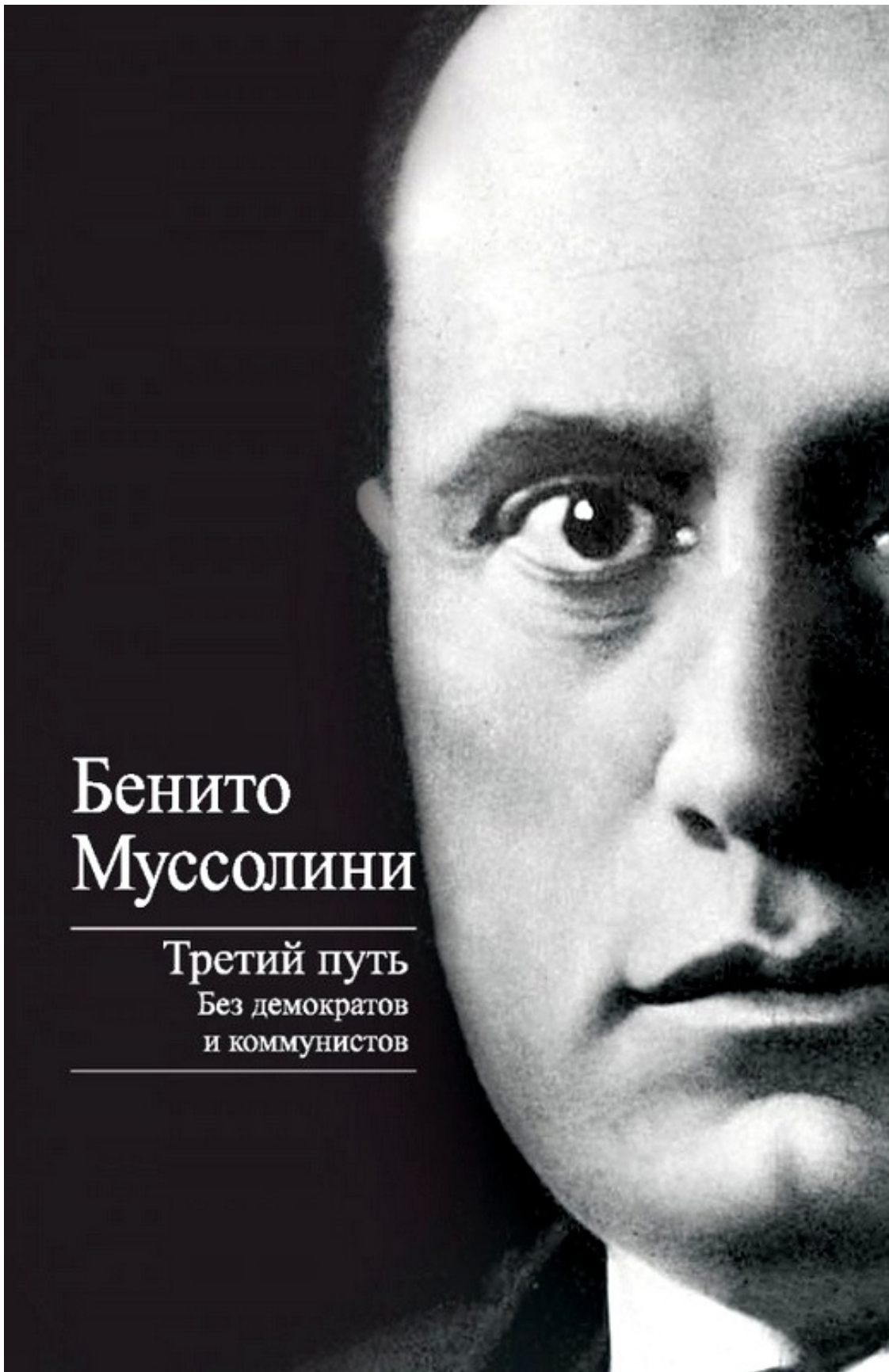

Бенито
Муссолини

Третий путь
Без демократов
и коммунистов

БЕНИТО МУССОЛИНИ

Третий путь
Без демократов
и коммунистов

Бенито Муссолини

**Третий путь. Без демократов и
коммунистов**

Предисловие

Я вовсе не ставлю себе целью перерабатывать материал данной книги, интерпретировать или дополнять его.

Будучи в то время послом Соединенных Штатов Америки, я был непосредственно в курсе большей части изложенных ниже драматических событий. А раскрытый здесь выдающийся характер уже давно стал для меня открытой книгой, поскольку я очень хорошо знал человека, который наконец-то характерно, прямо и просто описал ту личность, к которой я питал глубокую симпатию.

Именно я ответственен за появление этой автобиографии. Ведь даже написанное другими жизнеописание Муссолини несет в себе определенный интерес.

«Но ничто не сравнится с книгой, которую вы можете написать сами», — сказал ему я.

«Написать самому»? Он склонился над своим письменным столом и удивленно повторил мою фразу.

Муссолини является самым занятым человеком в мире. И поэтому кажется обиженным, как будто показывая, что даже друг не смог его понять.

«Именно так», — подтвердил я и показал ему серию заголовков, написанных мной на нескольких листах бумаги.

«Хорошо, — ответил он по-английски, — я сделаю это».

И в этом весь Муссолини. Он принимает решения стремительно и безоговорочно.

Итак, работа началась под диктовку. Я посоветовал ему этот метод, поскольку все его попытки писать от руки заканчивались тем, что он постоянно безжалостно правил и правил написанное. Для него это было слишком, поэтому он диктовал. Когда первая копия была готова, Муссолини собственноручно заверил каждую страницу рукописи — росчерком красного карандаша, а также плавной росписью чернилами — то там, то здесь.

Когда рукопись начала поступать ко мне, я был обеспокоен тем, что простой литературный перевод может лишить повествование той внутренней мощи, которая присуща самому автору.

«Что здесь можно редактировать»? — поинтересовался я.

«Все что угодно, — ответил он. — Вы знаете Италию, понимаете фашизм и видите меня так же ясно, как и все остальные».

Но ничего особенного так и не потребовалось. История была опубликована в том же виде, в котором вышла из-под его пера. Она полностью принадлежит ему и, к счастью для всех нас, отражает его самого. Одобряете вы его или нет, но, читая эту книгу, вы сможете понять Муссолини, а если ваше восприятие не лишено предвзятости, то хотя бы узнать его получше. Нравится вам эта книга или нет, но в ней нет ни единой неискренней строчки. Я не обнаружил ни одной.

Разумеется, существует множество вещей, которые человек, пишущий автобиографию, не может замечать в себе или не скажет о самом себе.

Он вряд ли станет говорить о собственных масштабах на сцене истории.

Возможно, когда всяческие проявления одобрения и осуждения, теории и доктрины, за и против отойдут в сторону, только тогда в ответе на нижеследующий вопрос может быть найдено единственно верное, непредвзятое во мнении мерило человеческого величия:

«Насколько глубоким и продолжительным было влияние личности на огромные массы человеческих существ — их сердца, их мысли, их материальное благополучие, их отношение к миру?»

Что касается нашего времени, то можно с абсолютной точностью сказать, что ни один человек не сможет обнаружить неизменного величия в степени, равной величию Муссолини.

Нравится он вам или нет, разделяете вы его философию или нет, признаете неизменность его успехов или нет, считаете его сверхчеловеком или нет, но он в рабочем порядке, на больших и все возрастающих массах народа проверил на практике ранее неизвестные программы, отражающие новую духовность, новые планы, новое руководство, новые доктрины и новые принципы, — это бутылка, чье содержание гораздо важнее этикеток, которые наклеивают на сами бутылки. Муссолини не просто смог защитить и поддержать движение почти универсального масштаба, он построил новое государство, опираясь на новую концепцию государства. Он не просто смог изменить жизнь людей, но изменил их умы, их сердца, их характер. Он не просто управлял страной, он построил новую.

Муссолини не ограничивался тем, чтобы просто писать обо всем этом или упоминать в своих речах, он планомерно закладывал фундамент.

Управление государством — это одно. Того, кто хорошо с этим справляется, называют политическим деятелем. Но создать новое государство — это совсем другое. Муссолини сделал это, а значит, достиг

уровня сверх-политического деятеля.

Я знал его еще в те времена, когда он едва ли был известен миру за пределами Италии; я знал его до и после того, как он сел в седло и в те дни, когда он, практически без посторонней помощи, очищал Италию от разрушительных последствий хаоса.

Но никто другой не знал Муссолини. Одна из итальянских газет объявила вознаграждение за лучшее эссе, проливающее свет на загадку личности этого человека. Известно, что сам Муссолини прекратил этот конкурс, написав в газету, что подобные соревнования абсурдны, поскольку он сам не в состоянии дать четкого заключения.

Несмотря на скорые, твердые решения, несмотря на непреклонную решимость, несмотря на тщательно организованную и четко очерченную модель и план действий, соответствующий любому моменту времени, Муссолини, прежде всего, превыше всего и кроме всего прочего, является личностью, всегда пребывающей в движении и согласовавшей свое руководство с тем, что мир также пребывает в извечном движении.

Измените факты, на основании которых Муссолини действовал прежде, и он изменит свои действия. Измените гипотезы, и он изменит свои умозаключения.

И это, скорее всего, тот самый атрибут истинного величия, который так редко признают. Большинство из нас всегда живет в надежде на то, что работа заканчивается с установлением в мире определенного порядка. Политические деятели, у которых есть какая-либо идея для воплощения в реальность, живут в надежде на то, что однажды смогут сказать: «Ну вот, свершилось!». И зачастую, когда это действительно происходит, все оказывается напрасным». Теперь все наведенные ранее мосты не имеют смысла, поскольку все без исключения реки изменили свое течение, а человечество уже настоятельно требует новых мостов. И эта мысль вовсе не так уж печальна, говорит Муссолини. Совершенный, заученный мир был бы абсурдным местом — нестерпимо абсурдным.

Воображение обычного политического деятеля охватывает неподвижный мир.

Воображение, наделенное истинным величием, охватывает мир во всей его динамике. Муссолини постигает именно динамический мир. Он готов идти с ним в ногу, несмотря на ниспровержение всех своих убеждений, развенчание всех своих теорий, уничтожение прошлого и зарождение ослепительного рассвета нового дня.

Понятие «оппортунист» обычно призвано клеймить позором тех людей, которые приспособляются к существующим условиям исходя из

собственных интересов. Насколько я могу судить о нем, Муссолини является оппортунистом в известном смысле, поскольку уверен в том, что человечество должно приспособливаться к меняющимся условиям, а не придерживать неизменных взглядов, независимо от того, сколько надежд и чаяний было растрачено на все эти теории и программы.

Вместе с тысячами других он несколько раз достигал вершин, а затем снова спускался на землю. Эта необыкновенная личность со странной жизнью и удивительными мыслями, и с тем почти безумным внутренним огнем, который отличал святых и великих злодеев, горевшим в Наполеоне, Жанне Дарк и Толстом, в религиозных пророках и преступниках, покоряла социалистические, интернациональные, либеральные и консервативные вершины, чтобы снова и снова опускаться вниз. Сам Муссолини говорит: «Истинность того или иного «изма» не в самой теории; в ней нет и не может быть никакой святости, пока не найдутся силы для того, чтобы работать над ее успешным воплощением на практике. Она может иметь успех вчера и потерпеть крах уже завтра. Потерпеть поражение в прошлом и достичь признания в будущем. Механизм, прежде всего, должен находиться в движении!»

С любопытством, которое никогда не ослабевало во мне, я наблюдал за выразительными физическими и умственными особенностями этого человека. Иногда он достаточно спокоен, расслаблен; но все же тайные порывы его природы неизменно сказывались в нем. Вы замечаете влияние этих порывов в его глазах, или в резких движениях тела, или во внезапно произнесенной фразе, точно так же, как отмечаете дуновение ветерка на поверхности воды.

Есть в его походке что-то вкрадчивое, отдаленно напоминающее мягкую поступь кошки. Муссолини любит кошек — их независимость, решимость, чувство справедливости и понимания священной неприкосновенности любой личности. Он любит даже львов и львиц и возится с ними до тех пор, пока те, кто отвечает за его жизнь, не протестуют против подобной компании. Его главный любимец — персидский кот, который, несмотря на свое знатное происхождение, гордится не только своей родословной, но, хотя и не без снисходительности, тем, что принадлежит Муссолини. И все же, несмотря на крадущуюся плавность его движений, когда он идет в сапогах для верховой езды пружинистым, энергичным шагом, как будто готовясь к прыжку, кажется, что в нем не так уж много кошачьих черт, кроме этой. Однако еще одна, несомненно, кошачья черта — склонность к полному уединению. Чувствуется, что он всегда должен был пребывать в уединении

— уединении мальчика, уединении молодого радикала, авантюриста, любовника, рабочего, мыслителя.

Муссолини ни от кого не зависит. Не существует ни мужчины, ни женщины, ни ребенка, которые находились бы где-то на внутренней орбите его личности. Никого. Единственное возможное исключение составляет его дочь Эдда. Все рассказы о его союзах, обязательствах, связях, пристрастиях представляют собой сущий вздор. Ничего не существует безвозмездно — ни связей, ни пристрастий, ни союзов, ни обязательств.

Финансово? Лживые голоса утверждают, что он получал личное финансирование и поддержку от промышленных кругов Италии. Это полная чушь для тех, кто знает его. Его зарплата ничтожно мала. Его семья — дети, жена — живут в бедности.

Политически? Перед кем он может быть в долгу? Он многого добился и сможет опровергнуть всех своих оппонентов. Он свободен оценивать каждого из должностных лиц по всей Италии по критерию долга и здравого смысла. Кроме этого я не знаю за ним иных политических долгов. Он приложил усилия, чтобы расплатиться с теми, что были в прошлом. И я уверен, что его цинизм основывается на неудачах некоторых из тех, которые должны были оправдать оказанное им доверие.

«Но я взял на себя ответственность за все», — говорит Муссолини. Он говорит это открыто, и ни один мускул не дрогнет на его лице; и он говорит то же самое наедине с легкой грустью в глазах.

На нем лежит ответственность за все — за дисциплину, цензуру и меры, которые при более интенсивном подходе могли бы считаться репрессивными, жестокими. «Я в ответе!» — говорит он и придерживается этого во что бы то ни стало. Это поразительная храбрость. Если бы я хотел, то мог бы приводить различные примеры признания им всей полноты ответственности за действия политического механизма, даже Те случаи, когда ему было не в чем винить себя.

«Я в ответе!» — говорит Муссолини.

И, несмотря на все разочарования, которые он пережил с тех пор, как мы познакомились, он сохранил способность смеяться, можно сказать, что чаще всего пренебрежительно, а также сохранил веру в способность построить политическую машину — машину фашизма. Механизм, созданный не на основании незыблемой теории, но на основании той, которая означала для Муссолини движение — прежде всего возможность двигаться, функционировать, работать, достигать. И в отличие от других доктрин сначала наполнить бутылки вином, а только потом наклеивать на

них этикетки.

Муссолини обладал почти сверхъестественной верой в себя. Он признавал это. Не той верой в себя, которая заботится о личных достижениях. Его в любой момент могла настичь пуля убийцы, и тогда его семья оказалась бы в нищете. Так могло стать. Он же верил в некую судьбу, которая позволит ему, перед тем как прочитать последнюю главу, завершить строительство того самого нового государства, новой политической машины — «механизма, который будет пребывать в движении, но у которого также будет душа».

Я увидел его впервые, когда Муссолини пришел ко мне в резиденцию незадолго до похода на Рим. Тогда я спросил, какой будет его программа развития Италии. Ответ последовал незамедлительно: «Работа и дисциплина».

Вспоминаю, что в то время эта фраза показалась мне слегка в духе евангелистов, как будто из церковной проповеди. Но обычный демагог никогда бы не избрал ее. Лозунги Вильсона, кричащие о Правах, Мире и Свободе, гораздо более популярны и много легче получают широкое распространение, нежели более суровые призывы. Даже искреннему проповеднику намного легче внушать своим последователям религиозные идеалы, но гораздо труднее вызвать воодушевление в отношении устоявшихся доктрин. Любой анализ и оценка величия Муссолини должны стать признанием того, что он популяризировал не только среди своей нации, но, вероятно, и других народов критерии чувства долга каждой отдельной личности не только в принудительной форме, но таким образом, чтобы под конец эти стандарты воспринимались непринужденно и свободно. Но не просто свободно, а с тем почти сверхъестественным благоговением, которое удивительным образом сохранялось в Италии в течение последних лет, когда все так называемые либералы со всего мира кружили вокруг нее подобно стервятникам, каркая о том, что если она пока еще не мертва, то умрет уже очень скоро.

Вести за собой людей очень трудно в принципе. Но гораздо труднее уводить их от привычного потворства своим желаниям и слабостям. Гораздо труднее вести их таким образом, чтобы новое поколение, само юношество, казалось уже рожденным с новой духовностью, уже обладающим врожденной зрелостью. Очень трудно управлять государством, и не менее сложно аккуратно, но одновременно решительно работать со статичными программами для статичного мира. Но гораздо более трудным делом является построение нового государства и аккуратное, но решительное взаимодействие с динамичными программами

для динамичного мира.

Этот человек, который поднял на меня глаза с характерным кивком головы и слегка приподняв брови, смог осуществить это. В мировой истории очень мало тех, кому это также удалось. Поэтому я посчитал фразу «Работа и Дисциплина» достойным лозунгом, хорошей этикеткой для пустой бутылки. В течение шести лет этот человек не без помощи профессиональной оппозиции, которая сначала лаяла на него подобно шпицу, все время норовя укусить, а затем отправилась твякать за границу, сделал не только хорошую этикетку, но наполнил бутылку, воплотив идею в реальность.

Те, кто противостоял этой идее, вполне могут сказать, что присутствие нового духа в Италии, его широкое распространение и безоговорочное принятие народом может существовать лишь в сознании самого Муссолини, но не проистекать от самого народа. Однако все это не более чем пустой вымысел, поскольку те, кому это действительно известно, знают правду.

Он поднимает свои немного неуклюжие, мясистые, с короткими пальцами руки, сильные, но все-таки довольно невесомые, когда кто-то прикасается к ним, и смеется. Совсем как Рузвельт. Никто не сможет, проведя с ним достаточно времени, не задуматься о том, что, в конце концов, существует два типа лидеров — внешние и внутренние лидеры — и первые обладают куда большим магнетизмом, более устойчивым и более задорным, а также благоприятным для их власти, нежели лидеры второго типа.

Муссолини, как и Рузвельт, производит впечатление человека, обладающего огромным, неумным потенциалом энергии, которая бурлит и выплескивается наружу подобно вечно кипучему, безудержному потоку. В такие моменты в памяти всплывают его игра на скрипке, фехтование, легкий, озорной юмор, сокрушительная смелость, манера общения с животными, успех в сочинении задорных маршевых песен в честь извечной, однообразной борьбы человечества с землей, первоэлементами, ископаемыми, а также морскими путями. В трезвых умозаключениях ученого государственного мужа и в безмятежности сентиментального политического деятеля немного радости; совсем неожиданно она была обнаружена в политическом курсе Муссолини. Битва превращается в игру. Игра перерастает в шумную возню. Абсурдно говорить о том, что Италия стонет под игом дисциплины. Италия торжествует! И это победа!

Но он также и спартанец. Вероятно, они нужны современному миру; особенно такие, чьим первейшим интересом является усовершенствование

власти и благополучие своего народа.

В последний раз, когда я прощался с Муссолини, он пересекал комнату своим обычным, крадущимся шагом, в то время как я направился к двери. От его прежнего хмурого вида не осталось и следа. Близился вечер. Нам предстояло еще полчаса приятной, спокойной беседы. Обычное напряженное выражение сошло с его лица. Он приблизился ко мне и потерся плечом о стену. Он был спокоен и расслаблен.

Я припомнил давнюю нетерпимость лорда Керзона по отношению к нему с тех самых пор, когда Муссолини пришел к власти, и то, как Керзон отзывался о нем не иначе как «тот нелепый человек».

Время показало, что он не был ни вспыльчивым, ни нелепым. Время обнаружило в нем как мудрость, так и гуманность.

Миру понадобится еще много времени, чтобы увидеть, что было положено на чаши его древних весов!

Благодаря существенному и неизменному влиянию на огромные массы людей, независимо от одобрения или порицания его политики, Дуче является сейчас наиболее заметной мировой фигурой данной эпохи. И когда вы покидаете его, закрывая за собой дверь, вы чувствуете то же, что и люди, уходившие от Рузвельта, — что уносите на своей одежде частичку его энергии, частицу его самого.

Он загадка для самого себя.

Я представляю, как он сделает шаг вперед, чтобы постичь самого себя, и обнаружит, что сам он продвинулся немного дальше, одинокий, решительный, призрачный, непревзойденный, просто недостижимый, но всегда идущий вперед!

Ричард Чайлд, посол США в Италии в 1921–1924 гг.

МОЯ БИОГРАФИЯ

Глава I

Благодатная земля

Практически все книги, написанные обо мне, прямо и по всем законам логики выносят на первые страницы ту информацию, которую можно назвать моим свидетельством о рождении. И берется она обычно из моих собственных записок.

Итак, вот она снова. Я родился 29 июля 1883 года в Варано ди Коста. Это старинная деревушка, раскинувшаяся на холме. Дома сложены из камня, и игра света и тени придает этим стенам и крышам причудливые оттенки, которые я очень хорошо запомнил. Моя деревушка, где воздух чист, а виды очаровательны, возвышается над большим селением Довиа, которое расположено в округе Предаппио, что на северо-востоке Италии.

Я появился на свет в воскресенье, в два часа пополудни. В тот день как раз проходили празднества в честь святого — покровителя старой церкви и прихода Каминате. Старинная, полуразрушенная башня, примыкавшая к этому строению, гордо и торжественно возвышалась над долиной Форли, которая мягко спускалась с Апеннин, с заснеженными зимой вершинами, к волнообразным низинам Равалдино, где летними ночами клубится туман.

Позвольте мне дополнить атмосферу дорогого моему сердцу края воспоминаниями о старинном округе Предаппио. Эти земли были хорошо известны еще в XIII веке, поскольку с них ведут свой Род прославленные семейства времен Возрождения. Это благодатная земля. Она родит великолепный виноград, который потом превращается в крепкое ароматное вино. Здесь также множество источников с целебными, богатыми йодом водами. И на этой равнине, на этих волнообразных предгорьях и вершинах горных хребтов руины средневековых замков и башен возносят свои желто-серые стены бледно-голубому небу, как живые свидетели мужества давно минувших веков.

Такой была земля, дорогая мне потому, что это моя родина. Народ и родная земля имеют сильное влияние на всех нас.

Что касается моего происхождения, то уже очень многие изучали и анализировали аспекты моей родословной. Изучение моей генеалогии не представляет никаких особенных трудностей, поскольку из приходских записей для доброжелательного исследователя не составит труда узнать, что я происхожу из почтенного рода честных людей. Они возделывали

родную землю, а ее плодородие заслужило им право на собственную долю свободы и благополучия.

Углубляясь в историю, вы обнаружите, что семейство Муссолини занимало видное положение среди жителей города Болонья в XIII веке. В 1270 году Джованни Муссолини был вождем этой воинственной, дерзкой округи. Его соратником в управлении Болоньей в дни славного рыцарства был Фульчиери Паоличчи де Кальболи, который также принадлежал к одному из семейств Предаппио, которое и по сей день остается одним из самых выдающихся.

Судьба Болоньи и междоусобная борьба между правящими партиями и фракциями, сопровождающая извечные конфликты и перемены в любой борьбе за власть, в конечном итоге, привела к изгнанию Муссолини в Аргелато. Оттуда они рассеялись по близлежащим провинциям. Вы можете быть уверены в том, что это была эпоха необыкновенных приключений, хотя иногда погоня за славой могла обернуться тяжелыми временами. Я никогда не стремился узнать о деяниях своих предков в XVII столетии. В XVIII веке один из Муссолини жил в Лондоне. Итальянцы никогда не колебались перед тем, чтобы рискнуть своим гением или трудолюбием в чужих краях. Тот Муссолини, что обосновался в Лондоне, был достаточно известным композитором, и, возможно, от него я унаследовал любовь к игре на скрипке, которая в моих руках даже сегодня придает спокойствия моментам отдыха и дарит мне забвение и свободу от действительности.

Позднее, в XIX веке, узы семьи стали более четко прослеживаться; мой дед, например, был лейтенантом Национальной гвардии.

Мой отец был кузнецом — крупным мужчиной с большими, сильными, мускулистыми руками. Алессандро, как называли его соседи. Сердце и ум этого человека всегда были заполнены социалистическими теориями и жили ими. Его искренние симпатии распределялись между различными доктринами и идеями. Он обсуждал их по вечерам с друзьями, и глаза его наполнялись светом. Его привлекало международное движение, и он довольно близко общался с людьми, чьи имена были хорошо известны в среде последователей различных социальных движений Италии. Среди них были Андреа Коста, Бальдуччи, Амилькаре, Киприани и даже такая чувствительная и пасторальная натура, как Джованни Пасколи. Вот так приходили и уходили люди, чьи умы и души стремились к высоким целям. Им казалось, что каждое собрание обязательно должно затронуть судьбы мира; каждый талисман казался обещающим спасение; каждая теория претендовала на бессмертие.

Муссолини оставили после себя несколько постоянных следов. В

Болонье до сих пор существует улица, названная в честь этой семьи, а не так давно это имя получили башня и площадь. Где-то в архивах по геральдике отмечен и герб Муссолини. Он имеет достаточно приятный и, по всей вероятности, внушительный вид. Шесть черных фигур на желтом фоне олицетворяют собой отвагу, мужество и силу.

Мое детство, теперь скрытое за пеленой времени, все еще воскресает в отдельных проблесках воспоминаний, которые приходят вместе с хорошо знакомой обстановкой, ароматом, который напоминает запах влажной после дождя весенней земли, или звуком шагов по коридору. Раскат грома может навеять воспоминания о каменных ступенях, на которых днем обычно любил играть тот маленький ребенок, что уже давно вырос.

Из тех далеких воспоминаний я не могу вынести уверенности в том, что обладал теми качествами, которые обычно должны умилять родителей в их отпрыске. Я не был пай-мальчиком, но также не возмущал семейной гордости и не вызывал в своих школьных товарищах неприязни тем, что верховодил своим классом.

Я был тогда неугомонным существом, каким остаюсь и поныне. Тогда я не мог понять, зачем необходимо обождать, прежде чем приступить к действиям. Передышки ради спокойствия ничего не значили для меня в те дни и значат не намного больше сейчас.

Я уверен, что в свои юные годы, равно как и сейчас, мой день начинался и заканчивался движением воли — воли, приведенной в действие.

Оглядываясь назад, в своем раннем детстве я не вижу ничего, что делало бы меня достойным особых похвал или заставляло бы усомниться в том, что я являюсь более чем обычным ребенком. Я помню, что мой отец был темноволосым, добродушным человеком, не чуждым веселью, с твердыми чертами лица и спокойным взглядом. Я помню, что вблизи от дома, где я родился, трещины каменной стены которого поросли зеленым мхом, протекал небольшой ручей, а чуть дальше небольшая речушка. Она была не слишком полноводной, но осенью и весной, когда неожиданно начинались проливные дожди, ее воды в неистовстве выходили из берегов, и их потоки бросали мне счастливый вызов. Я вспоминаю о них как о первых площадках для моих детских игр. Со своим братом Арнальдо, который сейчас является издателем ежедневной газеты «Пополо ди Италия», я пробовал силы в строительстве дамб, преграждающих путь потоку. В то время, когда птицы вьют гнезда, я превращался в неистового охотника за их тщательно спрятанными и такими разными гнездами с яйцами или маленькими птенцами. Я смутно ощущал во всем этом ритм

естественного развития — мимолетный взгляд на мир извечных чудес, постоянного движения и перемен. Меня страстно увлекала новая жизнь; мне хотелось защищать ее тогда, и именно это я делаю сейчас.

Моей самой большой любовью была мать. Она была такой спокойной, нежной, но вместе с тем очень сильной. Ее звали Роза. Моя мать не только растила нас, но и стала источником первых знаний. Даже в самых ранних своих попытках понять людей я часто думал о том, каким терпением и добротой было проникнуто то, что она делала. Я боялся только одного — огорчить ее. Поэтому для того, чтобы скрыть от нее свои шалости, озорство или некоторые последствия своих неугомонных проказ, я вынужден был заручаться поддержкой бабушки и даже соседей, поскольку они понимали мою обеспокоенность тем, как бы не заставить мать волноваться.

Алфавит был для меня первым соприкосновением со взрослым миром, и я с необычайным энтузиазмом погрузился в его изучение. Совсем неожиданно я самостоятельно изъявил желание посещать школу, которая находилась в Предаппио, больше чем в двух милях от нас. Учителем в ней был Марани, друг моего отца. Каждый день я ходил туда и обратно и не сердился на то, что местные мальчишки поначалу в штыки встретили появление чужака из другой деревни. Они бросали в меня камнями, и я отвечал им тем же. Я был один, и я был против большинства. Мне часто приходилось бывать битым, но я радовался этому той искренней радостью, с которой мальчишки по всему миру заводят дружбу в драках и приходят к взаимному уважению через тумачи.

Но какой бы ни была моя храбрость, тело мое носило на себе ее отметины. Я скрывал синяки от матери, чтобы она не знала, в каком мире мне приходится бороться за самовыражение, поскольку мне казалось, что она от него слишком далека. Вероятно, поэтому за вечерней трапезой я боялся протянуть руку за хлебом, чтобы не обнаружить ран на своих детских руках.

Через какое-то время все закончилось. Войне был положен конец, а напускная враждебность, которая была лишь своеобразной игрой, сошла на нет, и я приобрел много хороших друзей среди сверстников.

Зов старых жизненных устоев силен. Я ощутил это, когда всего несколько лет назад жители Предаппио оказались под угрозой сильнейшей лавины. Я предпринял меры для того, чтобы основать новую деревню — Предаппио Нуово.

В моей душе пробудилось стремление к родным местам, к моему старому дому. И мне вспомнилось, как ребенком я иногда смотрел на

долину, где реку Рабби пересекала старая магистраль на Мендолу, и представлял там процветающий город. Сегодня строительство этого самого города — Предаппио Нуово — находится в полном разгаре, и на его каменных воротах выгравирован символ фашизма и слова, выражающие мою добрую волю.

По окончании начальной школы меня отправили в пансион. Он находился в Фаэнце, городе, который с XV века славится своей керамикой. Школой руководили салезианские священники. Я был готов погрузиться в рутину и изучение путей, которыми следует дисциплинированное человеческое стадо. Я учился, хорошо спал и рос. Я просыпался на рассвете, а спать ложился уже поздним вечером, когда по небу сновали летучие мыши.

Это был период, когда я впервые вырвался за пределы моего Родного городка и начались мои странствия. Постепенно я стал все больше и больше увеличивать расстояние между собой и домашним очагом в родной деревне.

Я увидел город Форли — величественное место, которое должно было впечатлить меня, но этого так и не произошло. Но зато Равенна! Кое-кто из родственников моей матери жил в долине Равенны, и в одни из моих летних каникул мы всей семьей отправились навестить их. По большому счету, это было не слишком и далеко, но для моего воображения эта поездка представлялась великим путешествием — почти подобным плаванию Марко Поло — спуститься с холма в долину, а оттуда к самому морю — Адриатике!

С матерью я отправился в Равенну и досконально изучил каждый уголок этого пропитанного духом древности города. Богатство художественных сокровищ Равенны открыло передо мной всю красоту и обаяние ее истории и имени в веках. Глубокие чувства, поразившие меня тогда, остаются и поныне. Я пережил значительное и глубокое расширение своих жизненных идеалов, а также красоту и расцвет цивилизаций. Могила Данте, посылающая вдохновение в тихие полуденные часы, базилика Сан-Аполлинаре, канал Кандиано с заостренными парусами рыбацких шлюпок в устье и, наконец, величие и красота Адриатики — все это тронуло меня, задело какие-то глубокие струны моей души.

Я возвращался, унося с собой нечто новое и бессмертное. Мои разум и дух были полны растущим осознанием. И к тому же я вез с собой подарок родственников. Это была дикая утка, очень выносливая в полете. Мы с братом Арнальдо на берегу речушки неподалеку от дома прилагали настойчивые усилия, чтобы приручить эту дикую утку.

Глава II

Мой отец

Мой отец с глубоким интересом наблюдал за моим развитием. Возможно, я был даже больше окружен его вниманием и заботой, чем думал. Мы стали еще сильнее связаны общими интересами, в то время как мой ум и тело достигли зрелости. Во-первых, я был поражен паровыми молотилками, которые тогда только начали входить в наш сельскохозяйственный быт. Вместе с отцом я пошел на работу, чтобы изучать механизм, и, как никогда прежде, испытывал спокойную радость от того, что становлюсь частицей созидательного мира трудящихся. Машинный механизм обладает собственным очарованием, и я стал понимать, как машинист железнодорожного локомотива или кочегар в трюме корабля может наделять машину индивидуальностью, иногда враждебной, а иногда дружелюбной, а также неистощимым благородством и услужливостью, мощью и мудростью.

Но наш с отцом совместный труд в его кузнице не был для нас единственным общим интересом. Я неизбежно должен был прийти к более ясному пониманию тех политических и социальных вопросов, которые в разгар дискуссий между отцом и соседями казались мне неразрешимыми, а посему всего лишь ничего не значащим набором слов. Будучи ребенком, я не мог уловить смысла тех аргументов, которые всплывали во время продолжительных дебатов за нашим столом, также как не мог понять причин для осторожности и предпринимаемых полицией мер. Но сейчас все это кажется мне непостижимым образом связанным с миром сильных людей, которые не только могли нести ответственность за собственную жизнь, но также и за жизнь своих ближних. Медленно, но неизбежно мой дух и разум поворачивались к новым политическим идеалам, которым через время был предначертан настоящий расцвет.

Еще с молодых ногтей я начал понимать, что окружающий меня крошечный мирок испытывает невзгоды под гнетом необходимости. Глубокая и затаенная злоба омрачала сердца простых людей.

Деревенская знать, недальновидная в экономических вопросах, а также весьма посредственная в вопросах интеллектуальных, довлела над большинством ничем не оправданных привилегий. То было печальное, темное время не только для моей родной провинции, но и для всей Италии.

В моей памяти всплывают воспоминания о полном обиды и отчаяния скрытом протесте тех, кто во власти горьких фактов или с вновь обретенной надеждой на какие-либо реформы приходил побеседовать с моим отцом.

Это было тогда, когда я был еще подростком, а мои родители после многих серьезных разговоров, заканчивавшихся скорым семейным советом, повернули руль моей судьбы в новом направлении. Они сказали, что будущность простого рабочего не представляется им лучшей долей для меня, потому что не соответствует моим способностям, а также потому, что в их силах дать мне большее. Моя мать обронила фразу, которая до сих пор звучит у меня в ушах: «Из него что-то получится».

В то время я без особого восторга относился к подобному заключению, потому что не испытывал настоящей тяги к академическим знаниям. Я не чувствовал, что пропаду, если вдруг не поступлю в педагогическое училище и не получу профессию учителя. Но моя семья оказалась права. Будучи студентом, я открыл в себе некоторые качества и получил возможность совершенствовать их.

Я поступил в педагогическое училище в городе под названием Форлиμποполи. Помню, как приехал в этот маленький городок. Местные жители были трудолюбивыми и жизнерадостными, отличными торговцами и коммерческими посредниками. Однако само училище обладало еще большей исключительностью: директором в нем был Вальфредо Кардуччи, брат великого писателя Джозуэ Кардуччи, который в то время пожинал лавры благодаря своей поэзии и вдохновению, которое черпал из романского классицизма.

Передо мной были долгие годы учебы; стать магистром, а значит получить диплом учителя, означало пройти шесть лет с книгами и карандашами, чернилами и бумагой. Признаюсь, что был не слишком прилежным студентом. Но светлой стороной всех тех лет подготовки к профессии учителя стал мой интерес к новаторским педагогическим методам, а также другой интерес, который зародился тогда и продолжал развиваться с тех самых пор, настойчивый интерес к психологии человеческих масс, другими словами, толпы.

Я уверен, что был неуправляем, а иногда и неблагоразумен. Для юности характерны проходящие неугомонность и безрассудство. Кое-как мне удавалось получать прощение. Мои наставники были людьми понимающими и в целом великодушными. Но я никак не мог понять, какая доля оказываемого мне снисхождения относится к тем надеждам, которые они питали относительно меня, а какая зиждется на довольно высокой

репутации моего отца, которую он приобрел благодаря своей моральной и политической чистоте.

И вот, наконец, я получил долгожданный диплом. Я стал учителем! Среди нашедших себя в активной политической деятельности много тех, кто начинал именно с профессии учителя. Но в то время передо мной открывался лишь нелегкий путь поисков работы, рекомендательных писем, умасливания влиятельных персон и тому подобного.

Удача улыбнулась мне во время конкурса на место учителя в Гуальтьери, что в провинции Реджио Эмилия. Я получал от этого дела удовольствие и преподавал в течение года. В последний учебный день я дал ученикам задание написать эссе. До сих пор помню его тему: «Настойчивость достигает успеха». Именно за него я заслужил похвалу своего непосредственного начальства.

Школа закрылась на каникулы, но я не хотел возвращаться к своей семье. Тот мир, несмотря на всю мою симпатию, уже был для меня слишком узким, даже ограниченным. Там, в Предаппио, никто не мог передвигаться или думать свободно, без ощущения себя привязанным к концу очень короткого поводка. Я стал более самосознательным, более чувствительным к своему будущему. Поэтому ощущал потребность в побеге.

Денег у меня почти не было. Единственным моим капиталом была храбрость. Я должен был стать добровольным изгнанником. Я пересек границу и очутился в Швейцарии.

Именно эта скитальческая жизнь, теперь полная трудностей, тяжелого труда, препятствий и неугомности, помогла развиваться во мне некоторым качествам. Это была та самая веха, определившая мою зрелость. Я вступил в новую эру как личность и как политик. Моя уверенность в себе начала работать на меня.

Я не признавал религиозной демагогии. Я позволил себе, такому же скромному, как и моя внешность, руководствоваться лишь собственной врожденной гордостью и поэтому воспринимал свой образ как независимый и самобытный.

Я и поныне воздаю хвалу трудностям. Они были более многочисленными, чем приятные, счастливые моменты. Последние не дали мне ничего. Жизненные трудности закалили мой дух. Они научили меня жить.

На моем пути вперед чудовищным и фатальным событием стало бы то, если бы я вдруг надолго попал в оковы комфортабельной бюрократической службы. Как смог бы я приспособиться к подобному убогому

существованию в мире, манящем полными интереса и значимости горизонтами? Как мог я с терпением относиться к зыбкой, неустойчивой прогрессии повышений по службе, все-таки испытывая раздражение от утешительных мыслей о выходе на пенсию по окончании скучного, безрадостного пути? Любая удобная ниша могла бы истощить мою жизненную энергию. Ту радовавшую меня силу, закаленную препятствиями и даже душевной горечью. Она была рождена в борьбе, а не в радостях, встречавшихся на моем пути.

Мое пребывание в Швейцарии представляло собой череду трудностей. Оно было малопродолжительным, но непростым, часто с острыми углами. Я не чурался физического труда и был умелым работником. Обычно я работал каменщиком и сполна ощутил всю жестокую, суровую романтику строительства. Также я занимался переводами с итальянского на французский и наоборот. Я делал все, что подворачивалось под руку. Я смотрел на своих товарищей с интересом, симпатией или удивлением.

Но прежде всего я с головой окунулся в политические проблемы эмигрантов-беженцев, тех, которые нуждались в помощи.

Я не зарабатывал на политике денег и всегда презирал тех, кто вел существование паразитов, оставаясь где-то вдалеке от настоящей социальной борьбы. Я ненавижу людей, которые разбогатели за счет политики.

В те дни я узнал, что такое голод, мучительный голод. Но я никогда не опускался до того, чтобы просить милостыню, и никогда не пытался внушить жалость ни окружающим меня людям, ни своим политическим соратникам. Я свел свои потребности к минимуму, и этот самый минимум, а иногда и меньше, получал из дому.

С особой страстью я изучал социальные дисциплины. Парето читал в Лозанне курс лекций по политической экономике. Я с нетерпением ждал каждую. Умственный труд был приятным разнообразием физическому. Мой разум с наслаждением ринулся в эти перемены, и я обрел удовлетворение в учебе, поскольку передо мной был учитель, намечающий основные принципы фундаментальной экономической философии будущего.

Между лекциями я принимал участие в политических собраниях и даже произносил речи. Некоторая несдержанность моих слов сделала меня лицом негодным швейцарским властям. Они выслали меня из двух кантонов. Университетский курс подошел к концу. Я был вынужден перебираться в другие места, и до проходившей в 1922 году Лозаннской Конференции, после которой я был избран премьер-министром Италии, я

так и не видел ни одного из своих старых пристанищ, наполненных красочными или мрачными воспоминаниями.

Остаться в Швейцарии стало невозможным. Причиной была острая тоска по дому, которая присуща всем итальянцам. Более того, меня ожидала обязательная служба в армии. Я вернулся назад. Были приветствия, вопросы и все те моменты, которые обычно сопровождают возвращение путешественника домой, а затем я отбыл в свой полк — полк берсальеров, что был расквартирован в старинном городе Верона. Солдаты этого полка носили на фуражках зеленые петушиные перья. Полк этот был знаменит бравым аллюром и слегка монотонной, тяжелой рысцой своих лошадей, а также дисциплиной и силой духа.

Мне нравилась солдатская жизнь. Атмосфера добровольного подчинения соответствовала моему темпераменту. У меня была репутация неугомонного, пылкого радикала и революционера. Представьте же глубочайшее удивление капитана, майора и полковников, которые вынуждены были хвалить меня в своих отзывах! Это стало для меня удачной возможностью продемонстрировать безмятежность духа и силу характера.

Верона, в которой стоял мой полк, была и навсегда останется дорогим сердцу венецианским городом, отражением прошлого, полным пышных красот. Она пробудила во мне безграничное по своей силе эхо. Я наслаждался ее ароматами как мужчина, но также в качестве рядового со всей присущей мне энергией погружался во все строевые занятия и самые тяжелые учения. Я обнаружил в себе доброе расположение к массе, к целому, состоящему из отдельных индивидов, их маневрам и тактике, практике обороны и атаки.

По своему положению я не отличался от любого простого солдата, но также привык оценивать характер, способности и личности тех, кто командовал мной. До определенной меры все итальянские солдаты склонны к этому. Таким образом я узнал, как важно для офицера обладать глубокими познаниями в военном деле и развивать в себе хорошее чутье к званиям и чинам, а также ценить в массах простых солдат их суровый латинский дух, являющийся основой для дисциплины, и подчиняться его очарованию.

Могу сказать, что в любом отношении мог считаться превосходным солдатом. Я должен был пройти курсы для не получивших звания офицеров. Но судьба, которая увела меня из кузницы отца к профессии учителя, а потом к изгнанию, а от него к солдатской дисциплине, снова распорядилась так, чтобы мне не суждено было стать профессиональным

военным. Я был вынужден просить увольнения. В то время меня постигла величайшая трагедия моей жизни; ею стала смерть матери.

Однажды мой капитан отвел меня в сторону. Он был настолько тактичен и сдержан, что я заранее почувствовал что-то неладное. Он попросил меня прочесть телеграмму. Она была от моего отца. Моя мать была при смерти! Он просил меня срочно приехать домой. Я сразу же бросился на вокзал, чтобы успеть к первому поезду.

Но я приехал слишком поздно. Моя мать уже была в смертельной агонии. Но по едва различимому кивку головы я понял: она знает, что я приехал. Я видел, как она пытается улыбнуться. Затем голова ее медленно поникла, и она умерла.

Все объективные силы моей души, все мои интеллектуальные или философские ресурсы, даже мои глубокие религиозные верования, были бессильны утешить меня в моем страшном горе. Очень долгое время я чувствовал себя потерянным. У меня забрали единственное дорогое и по-настоящему близкое существо, единственную родную душу, всегда разделявшую все мои чувства.

Слова соболезнования, письма моих друзей, попытки других членов семьи утешить меня не могли заполнить ни один даже самый крошечный уголок моей огромной душевной пустоты и так и не смогли ни на дюйм приоткрыть плотно захлопнутую дверь.

Я столько раз заставлял свою мать страдать. Она пережила столько тревожных часов из-за моих странствий и всей моей вздорной жизни. Она предвидела мое возвышение. Она слишком много трудилась, слишком много надеялась и умерла, так и не дожив до сорока восьми лет. Она делала сверхчеловеческую работу тихо и незаметно, в присущей ей манере.

Мне бы хотелось, чтобы сейчас она была жива. Она должна была жить и радоваться со всей силой материнского инстинкта политическому успеху своего сына. Но этому не суждено было сбыться. Для меня утешение чувствовать, что она даже сейчас может видеть меня и помогать мне в трудах своей безграничной любовью.

Я вернулся в полк и отбыл последние месяцы военной службы. А затем мою жизнь и мое будущее снова заполнила неопределенность.

Я поехал в Опеглию снова в качестве учителя, все время сознавая, что эта профессия не для меня. На этот раз я стал директором в средней школе. Через какое-то время я сбежал оттуда вместе с Чезаре Баттисти, в то время главным редактором «Пополо». Позднее ему было суждено стать одним из величайших национальных героев — тем, который отдал свою жизнь, который был казнен нашими врагами австрийцами во время войны и

который в то тяжелое время отдал все свои помыслы и приложил все силы для освобождения провинции Тренто из-под власти Австрии. Его благородство и гордая душа навсегда останутся в моей памяти. Его стремления как социалиста-патриота близки и мне.

Как-то я написал статью, в которой утверждал, что итальянская граница проходит не через городок Ала, который в то время стоял на старой границе между нашим королевством и старой Австрией, вследствие чего был выслан из Австрии решением Имперского и Королевского Правительства в Вене.

Я уже успел привыкнуть к изгнаниям. Поэтому вновь превратился в странника и вернулся в Форли.

Страсть к журналистике не покидала меня. Мне представилась возможность редактировать местную газету социалистического толка. Я понимал теперь, что гордиев узел итальянской политики может быть развязан только насильственным путем.

Следовательно, я стал публичным глашатаем этого основного, партизанского, воинственного направления. Пришло время встряхнуть души людей и воспламенить их умы стремлением к мысли и действию. Это было не задолго до того, как меня провозгласили глашатаем идей независимой и бескомпромиссной революционной социалистической фракции. Мне было только двадцать девять лет когда в 1912 году, за два года до начала Первой мировой войны, во время Конгресса в Реджио Эмилия, я был назначен директором «Аванти».

Это была единственная ежедневная газета социалистического толка, и издавалась она в Милане.

Я потерял отца еще до того, как занял свою новую должность. Ему было всего пятьдесят семь. Почти сорок из них он провел в политике. Он был человеком недюжинного ума, обладал мудрой душой и щедрым сердцем. Он смотрел в глаза первым интернационалистским агитаторам и философам. И сидел в тюрьме за свои идеи.

Романья, та часть Италии, откуда все мы родом, воинственная земля с укоренившимися традициями борьбы за свободу против чужеземного ига, знала о достоинствах и заслугах моего отца. Год за годом он боролся с нескончаемыми трудностями и утратил небольшую семейную вотчину, помогая друзьям, которые с головой окунулись в омут политической борьбы. Он пользовался почтением у всех, знавших его. Лучшие политические деятели своего времени любили и уважали его. Он умер бедным. Я уверен, что его заветным желанием было прожить столько, чтобы увидеть, как общество воздает должное заслугам его сыновей.

Под конец он наконец-то понял, что древние, извечные, давно ставшие традицией силы, подобные капиталу, не могут быть низвергнуты надолго политической революцией. В конце жизни он обратил свое внимание на усовершенствование человеческих душ. Он хотел, чтобы человечество стало искреннее сердцем и чувствительнее к ближнему. После его смерти о нем говорилось много речей и писалось достаточно статей; три тысячи знавших его мужчин и женщин провожали его в последний путь. Смерть моего отца ознаменовала для нашей семьи конец былого единства.

Глава III

Книга жизни

Я с головой погрузился в большую политику, после того как перебрался в Милан, чтобы возглавить «Аванти». Мой брат Арнальдо продолжал изучение технических дисциплин, а моя сестра Эдвиг, получив превосходное предложение о замужестве, уехала со своим мужем в маленький городок Премилькуоре в Романье. Каждый из нас унес с собой одну частицу разорванной нити нашей семьи. Мы расстались, но поддерживали связь. Однако мы так и не воссоединились снова до августа 1914 года, когда встретились, чтобы обсудить политическое положение и войну. Пришла война — такая ужасная, но вместе с тем притягательная особа.

До того момента я усердно работал ради того, чтобы наращивать тираж, а также увеличивать влияние и престиж «Аванти». Через несколько месяцев тираж возрос до более чем ста тысяч экземпляров.

В то время я занимал видное положение в партии. Но с уверенностью могу сказать, что никогда не опускался до демагогии. Я никогда не льстил толпе и ни перед кем никогда не пресмыкался; я всегда говорил о цене побед — жертвах, поте и крови.

Я жил обыкновенной скромной жизнью со своей семьей, с женой Рашель, мудрой и прекрасной женщиной, которая с терпением любовью следовала за мной через все многочисленные превратности моей судьбы. Моя дочь Эдда в то время была радостью нашей семьи. Нам было нечего желать. Я находился в эпицентре яростной, упорной борьбы, но моя семья олицетворяет и всегда олицетворяла для меня оазис надежности и живительности спокойствия.

Те предвоенные годы были наполнены политическими перегибами и

отклонениями. Жизнь Италии была непростой. Перед людьми вставало множество трудностей. Завоевание Триполитании взыскало свою дань в жизнях и золоте, и жертва эта выходила далеко за пределы наших ожиданий. Поверхностное понимание политических процессов приводило, по крайней мере, к одному мятежу в неделю. Только за время министерства Джиолитти я припоминаю тридцать три. Был собран богатый урожай убитых и раненых, а также разъедающих сердца страданий. Мятежи и перевороты поденных рабочих, крестьян долины реки По, восстания на юге — даже сепаратистские движения на принадлежащих Италии островах. А тем временем, помимо полной атрофии нормальной жизни, продолжались схватки и борьба между политическими партиями, рвущимися к власти.

Я думал тогда, как думаю и сейчас, что только общий знаменатель значительных кровавых жертв мог бы возродить для всей нации равенство прав и обязанностей. Попытки революционных переворотов, как, например, Красная Неделя, представляли собой не столько революцию, сколько оборачивались полным хаосом. Никаких лидеров! Никакого движения вперед! Средний класс и буржуазия подали нам другой пример полного упадка духа.

Тогда стоял июнь, и мы разглядывали под микроскопом наши собственные дела.

Но внезапно, как гром среди ясного неба, прогремело убийство в Сараево.

А в июле была война.

До этого события мой личный прогресс был до некоторой степени разносторонним, а повышение моего положения несколько противоречивым. Оглядываясь назад, необходимо взвесить эффект одного из тех разнообразных влияний, которые обыкновенно считаются самыми значительными.

По общему убеждению хорошие или плохие друзья могут оказывать решительное влияние на развитие личности. Возможно, это может быть правдой для тех, кто по сути своей слаб духом и чье рулевое колесо всегда находится в руках других кормчих...

Я читал старых и новых итальянских авторов — мыслителей, политиков, писателей. Меня всегда привлекало изучение итальянского Возрождения во всех его аспектах.

Девятнадцатый век с его творческими и духовными контрастами, классицизм и романтизм со своими различиями привлекали мое внимание. Я тщательно изучил тот период нашей истории, который получил название

«рисорджименто», в его морально-политической сущности.

Я с особым старанием изучил всю историю развития интеллектуальной жизни нации с 1870 года до сего момента.

Эти занятия занимали наиболее безмятежные часы моего рабочего дня.

Что касается зарубежных авторов, то я много размышлял над трудами немецких мыслителей. Также я восхищался французами. Одной из наиболее заинтересовавших меня книг была «Психология толпы» Густава Лебона. Интеллектуальная жизнь англосаксов занимала меня особо благодаря организованному характеру их культуры, а также присущему им академическому вкусу и особенностям.

Но все прочитанное мной и все, что я продолжаю читать, представляет собой всего лишь разворачивающуюся передо мной картину, которая не производит на меня впечатления достаточно сильного для того, чтобы задеть меня изнутри. Я отмечаю для себя лишь кардинальные моменты, которые, кроме всего и прежде всего, дают мне необходимые элементы для сравнения глубинной сути различных наций.

Я итальянец до мозга костей, и это бесповоротно. Я верю в высокое предназначение латинского духа.

Я пришел к подобному заключению после критического изучения немецкой, англосаксонской и славянской историй, а также истории других народов Европы; по этим же очевидным причинам я не пренебрег и изучением истории других континентов.

Американцы своим уверенным и активным творческим подходом к жизни глубоко тронули мои чувства и продолжают вызывать во мне живейший интерес, поскольку я человек партийный и обличенный политической властью. Я бесконечно восхищаюсь теми, кто из творческой работы извлекает законы жизни, кто достигает успеха, опираясь на силу собственного гения, а не на красноречивое интриганство. Я с теми, кто ищет пути технического усовершенствования для того, чтобы господствовать над природой вещей и дать человечеству более уверенную почву на будущее.

Я не уважаю, и даже ненавижу, тех людей, которые требуют себе десятину богатств, созданных руками других.

Американцы — нация творческая, здравомыслящая, с четко обозначенными идеями. Когда мне приходилось беседовать с гражданами Соединенных Штатов, мне даже не приходило на ум использовать дипломатию, чтобы склонить их на свою сторону или переубедить. Американский дух кристально чист. Необходимо знать, как правильно воспринимать его и, по возможности, добиваться расположения при

помощи бдительной активности, нежели хитроумных находчивых слов. Поскольку запасы богатств сейчас переправляются с континента в Северную Америку, верно, что подавляющая часть внимания всего мира должна быть направлена на деятельность этой нации, располагающей человеческими ресурсами огромного потенциала, дальновиднейшими экономистами и учеными, которые закладывают основы новой науки и новой культуры. Я восхищаюсь дисциплиной, присущей американскому народу, и его организованностью.

Разумеется, история каждой нации делится на периоды. Соединенные Штаты сейчас переживают золотой век. Необходимо изучать данные тенденции и их результаты, и не только в интересах Америки, но и в интересах всего мира.

Америка, земля, ставшая приютом для нескольких поколений итальянских эмигрантов, все еще взывает к духу нового поколения.

Я с надеждой смотрю на американскую молодежь из-за ее судьбоносного значения и способности защитить свои возрастающие идеалы. Точно так же я возлагаю надежду на молодежь Италии ради прогресса фашистского государства. Это не просто всегда помнить о значении молодого поколения. И также не просто сохранить и поддержать в себе юношеский дух.

Мне повезло, что в окопах Карсо, одной из наиболее кровавых и ужасающих точек союзных фронтов, несмотря на все превратности тяжелого опыта борьбы за жизнь, я не оставил позади собственную юность.

Глава IV

Война и ее влияние на человека

Я пишу о войне и связанном с ней опыте. Я пишу о расхожих заблуждениях относительно войны. Я пишу о своих взглядах на войну. И я пишу о войне исходя из двух точек зрения: мировой политики и реальности тех испытаний, которые я пережил и благодаря которым познал мучительную боль.

Я не смогу рассказать о своем развитии и тех чувствах, которые вынес с войны, не коснувшись того, как моя нация вступила в войну, относилась к войне и воспринимала ее. Моя психология — это психология итальянца. Я жил ею и не могу ее подавлять.

Было бы абсурдно верить в то, что война приходит неожиданно и в качестве какого-то нового опыта.

Европейская война, которая вспыхнула внезапно в 1914 году, в период очевидной экономической и моральной стабильности, не была случайным возвращением к варварству, как хотелось бы верить многим оптимистически настроенным социалистам и всем другим, свято уверовавшим в демократию и все еще, по сей день, жаждущим заставить верить в это и всех остальных. Не следует забывать, что в 1904–1905 годах Россия вела с Японией затяжную, гибельную и изнурительную войну. В 1911 году разразилась Ливийская война. В 1912–1913 годах Балканские войны приковали пробудившееся внимание Европы к судьбе этих народов. Все эти войны несли в себе черты, характерные для выдающейся драмы, как во время инцидента в Люль-Бургасе и осады Адрианополя.

Истина заключалась в том, что напряженный дух войны витал в воздухе по всей Европе и им дышали абсолютно все. В этом было нечто, не поддающееся точному определению; мы находились на заре нового трагического периода в истории человечества. Начало того тяжелого исторического этапа, именуемого Первой мировой войной, было уже близко. Это масштабное событие вовлекло в свой круговорот народы и континенты. Оно вынудило десятки миллионов людей жить в окопах, годами сражаться за каждый дюйм кровавого театра трагического конфликта. Миллионы убитых и раненых, побед и поражений, совокупности интересов, моральных или аморальных, духа возмущения и ненависти, дружбы и разочарования — весь этот хаотичный и неистовый

мир, который существовал и составлял Мировую войну, являлся частью гигантского образования, которое трудно понять, определить или описать в простых автобиографических мемуарах, подобных этим.

Если допускать мысль о том, что только Германия уже опубликовала шестьдесят посвященных войне официальных изданий, а также учитывать то, что уже опубликовано или выйдет в свет в других странах, то можно потеряться в лабиринтах умозрительных заключений. Этот невообразимый хаос породил среди побежденных наций разлагающий интеллектуальный скептицизм, от которого взяла свое начало философия действительности.

Следовательно, я продолжаю делиться воспоминаниями и впечатлениями. Я заставлю свою память выстроить в логической последовательности прямую параллель своим мыслям и действиям, нарисовать богатую картину и обозначить бесчисленные, связанные друг с другом, события, которые происходили в один из наиболее мучительных периодов, известных человечеству.

Трагедия в Сараево, убийство эрцгерцога Франца Фердинанда, наследника Австро-Венгерского престола, и его супруги, вызвала панику среди всей европейской общественности. Я помню, что в то время был редактором интернационал-социалистической ежедневной газеты. То, что так больно задело чувства различных наций, было лишь молниеносным предвестником настоящей трагедии. Я мог постичь всю математическую точность расчета тех организаций, которые спланировали и осуществили это убийство, несмотря на все чрезвычайные меры предосторожности, предпринятые полицией Австро-Венгрии. Я понимал, что Европа с симпатией и сочувствием относится к той непрекращающейся борьбе, которую Сербия ведет против Австро-Венгерской монархии. После аннексии Австрией Боснии — Герцеговины в этом регионе не было ни минуты мира. Сербская ментальность, которая вырабатывалась и продолжает вырабатываться в подземных тоннелях тайных обществ, время от времени озадачивала Австро-Венгрию неприятными сюрпризами, и огромная империя страдала от ее последствий, но не более, чем породистое животное страдает от надоедливых насекомых.

Однако мне показалось, что трагедия в Сараево стала последним ударом. Каждый понимал, что Австрия не оставит подобное без ответа. Чрезвычайные меры! Все посольства, все различные политические структуры Европы осознали всю важность дела и его ужасные последствия. И судорожно взялись за дело, чтобы найти возможное решение. А мы продолжали наблюдать!

В Италии эхо сараевского убийства возбудило лишь любопытство и

жажду новых сведений. Даже когда тела эрцгерцога и его супруги были спущены в Триестский залив, всю ночь освещаемый огромными факелами, то впечатление итальянцев, даже все еще находящихся под властью Австрии, было не более глубоким, чем оно могло быть во время заключительного акта театральной трагедии.

Франц-Фердинанд был врагом Италии. Я думаю, что он всегда недооценивал наш народ. Он был не способен прочувствовать сердечный трепет людей, в жилах которых текла итальянская кровь, все еще живущих под его флагом. Он не мог оценить силы расового самосознания. Он лелеял мечту о монархии, в которой бы прочно слились три различные расы. А ведь известно, как трудно, на самом деле, смешивать расы. Франц Фердинанд наслаждался тем, что не скрывал своей антипатии в отношении Италии. Он интересовался делами Италии только для того, чтобы отыскать возможное решение проблемы светской власти Папы. Ходили слухи, что в кулуарах его двора и среди его религиозных советников обсуждалось создание в Риме папского государства с выходом к морю.

Хотя Франц-Фердинанд, как и я сам, был верующим католиком, он брал от христианства лишь догматичные, привычные, властные идеалы, которые представляли собой основу старой деспотической традиции, формирующей почву для самодержавного правления, и поэтому был не способен обратиться к душам. Что касается психологического портрета, то этот маленький, порывистый эрцгерцог считал себя Божьим помазанником на власть над своими подданными. Он внушал страх сердцам более малочисленных народов, граничащих с его доминионом. Его смерть вызвала удивление, но не стала для нас горем. По вполне очевидным причинам трагическая кончина эрцгерцогини вызвала гораздо больше сочувствия, потому что мы, итальянцы, по натуре своей отзывчивые, сострадающие.

Телеграмма Кайзера в адрес осиротевших детей эрцгерцога придавала еще больший резонанс уже всколыхнувшимся в душах тревожным настроениям. Я видел, что Германия намерена твердо отстаивать интересы Австрии, какие бы действия эта страна ни решила предпринять по отношению к Сербии. Предполагалось, что Вена выдвинет Белграду формальный протест, но никто не ожидал такого безоговорочного ультиматума, который неизбежно наносил жестокий удар не только чести и достоинству, но и самой свободе нации И за всеми этими течениями я вынужден был наблюдать в качестве нового редактора «Аванти».

Повелительная форма ультиматума, стиль, которым он был написан, с шокирующей ясностью дали понять миру, что над ним нависла угроза

войны. Мы, итальянцы, задавались вопросом, действительно ли интернационализм имеет успех или он всего лишь иллюзия. Я тоже размышлял над этим.

Посольства лихорадочно взялись за работу; политические партии придали своим весом еще больший размах дипломатической активности. Призыв к оружию и клич к мобилизации военных формирований оставил на втором плане теоретический протест интернационал-социалистических сил.

Все жители Италии, вставшие перед лицом упрямых фактов, а не велеречивых теорий, слышали призыв своей страны — зов одиночества. Иллюзии лопались, как мыльные пузыри. Даже конвенция между французскими и немецкими социалистами и убийство Журе в Париже уже представляли собой второстепенные эпизоды. Мне они представлялись гранями могучего и полного драматизма конфликта, в который день за днем судьба все дальше влекла различные нации.

Не стоит забывать о том, что за несколько месяцев до начала Первой мировой войны я слышал и отмечал голоса, раздававшиеся из Французского парламента, рисующие в пессимистических красках недееспособность французской армии как с экономической, так и с технической точек зрения. Клемансо с пеной у рта участвовал в данной дискуссии, после чего отметил, что никогда за всю его карьеру политика с самого 1871 года он не был свидетелем столь драматической ситуации, как нынешняя, когда Франция вынуждена полностью осознать недееспособность своей армии, которой не тает элементарно технических средств для достойного участия в военном конфликте подобного масштаба. Это был урок. Мы никогда его не забудем.

Война назревала. Как открытая, так и тайная, медлительная и слабая интервенция Ватикана и сочувствующих наций, находящихся вне союза Антанты, не имела реальной силы. Она уже не могла остановить хода событий. Война началась 1 августа 1914 года. Лето было в самом разгаре. В глубокой тени нависшей над ними черной тучи народы старой Европы пребывали в состоянии благоговейного страха, зачарованные и бессильные, как человек перед змеей.

За несколько лет до этого Италия обновила Соглашение о Тройственном союзе. Это был брак, лишенный уважения и доверия, заключенный скорее ради установления противовеса военной мощи, нежели из политических интересов. Разница между безопасностью и военным альянсом крайне ничтожна.

Однако союз с Германией и Австрией придал Италии определенный вес

и некую свободу действий. Марши Сан-Джулиано, который стоял во главе Министерства иностранных дел, вызванные ультиматумом Австрии в отношении Сербии, а также планами, направленными на то, чтобы добиться войны любой ценой, должны были стать как можно активнее, дабы сохранить Италии нейтралитет. Но фактически соглашение вступало в силу лишь в том случае, если одна или все нации, составляющие Тройственный альянс, подвергнутся нападению со стороны стран, в этот союз не входящих. Было абсолютно ясно, что нас держат в полной неизвестности. Этого было достаточно, чтобы разорвать пакт и освободить страну от дальнейших обязательств перед союзом.

Одним из первых смелых поступков, которыми Италия обнаруживала всю глубину своей независимости и силы, было признание этого факта. Тем временем интервенция России в защиту Сербии заставила Францию выступить против Германии, союзницы Австро-Венгрии.

Я наблюдал за действиями Англии. Она тщательно взвешивала тот шаг, который собиралась предпринять; и затем, дабы сохранить свое превосходство, а также ради собственной чести и гуманности, она мобилизовала свою чудовищную военную машину и ускорила процесс формирования новых армий, чтобы вырвать у Германии контроль над колониями.

Наблюдая за развивающимися событиями, общественность Италии была глубоко поражена фактом вторжения Германии в восточную Францию. Бытовали описания, во всех ужасающих подробностях рассказывающие о военных методах Германии, а особенно о захвате Бельгии, против всех норм морали и гуманности. Французская армия беспомощно отступала. Будущее не одной страны, но многих наций лежало на весах. Находясь в своей редакции, я всегда осознавал это. Также преобладало чувство общей культуры, вынуждающее нас забывать прошлые и настоящие конфликты. Я не мог спокойно выносить того, что моя страна может покинуть на произвол судьбы тех, кто был сломлен под игом войны и внезапных бедствий.

Германия начала оказывать влияние на общественное мнение Италии при помощи пропагандистских методов, возмущающих чувства моей нации. Это приводило меня в ярость. Для того, чтобы направлять эту пропаганду, к нам был послан великий дипломат, не понаслышке знавший итальянскую и романскую ментальность, князь фон Бюлов. Его миссией в Италии было утвердить ее нейтралитет раз и навсегда.

В то же время итальянские политические деятели пытались найти формулу, способную разрешить проблему с упорядочиванием итальянской

границы, но которая избавит нашу страну от бремени, жертв и потерь человеческих жизней, которые подразумевает любая война. Джиолитти обещал, что, даже не ввязываясь в войну, Италия сможет достичь многого. Это «многое» вызывало чувство здорового сарказма в благородных сердцах итальянцев. Ведь по природе своей они реалисты и чужды всем формам политических спекуляций.

Итальянцы смотрели гораздо дальше всех этих мирных соглашений и мелочных уступок по улучшению границ. Они не верили в искренность подобных проектов. Я считал управление государством путем компромисса слабостью правящих органов. Существовали и такие пророки, которые видели в европейском конфликте не только национальные преимущества, но также возможность дойти до превосходства своей расы. Но в круговороте времени снова наступил драматический период, позволивший Италии силой своей армии выступать на равных с ведущими мировыми державами.

В этом заключался наш шанс. Я не хотел его упустить. Это превратилось для меня в своего рода навязчивую мысль.

Мировая война началась 28 июля 1914 года. За шестьдесят дней я разорвал все официальные отношения с социалистической партией. Я наконец-то перестал занимать должность главного редактора «Аванти».

Я ощутил необыкновенную легкость и бодрость духа. Я был свободен! Я был гораздо лучше подготовлен ко всем битвам, чем если бы был связан догмами какой бы то ни было политической организации. Но я понимал, что не могу продвигать свои убеждения в полную силу без того современного оружия, охватывающего любые возможности, полезного как для защиты, так и для нападения, коим является газета.

Мне нужна была ежедневная газета. Я просто-таки жаждал ее. Я собрал вместе нескольких своих политических соратников, которые последовали за мной в последней тяжелой битве, и мы устроили настоящий военный совет. Когда речь идет исключительно о деньгах, то я могу быть всем чем угодно, только не волшебником. Когда стоит вопрос о средствах, или начальном капитале для какого-либо проекта, или о финансировании газеты, я постигаю лишь абстрактную сторону, политическую ценность, духовную сущность идеи. Для меня деньги сами по себе омерзительны, но с их помощью иногда можно добиться чего-то прекрасного и вполне благородного.

Несколько друзей, переполненных идеями и страстной верой, почти сразу же нашли небольшое, больше смахивающее на чердак, помещение на узкой улочке Паоло да Каннобио, неподалеку от Пьяцца Дуомо в Милане.

Неподалеку располагалась и типография. Ее владелец согласился опубликовать нашу газету за символическую оплату. Я был одержим идеей поведать Италии и итальянцам истину об их возможностях!

Мы не нуждались в значительных средствах. Нам нужна была газета, которая будет поддерживать Милан подобно крепости, с передовыми статьями такой важности, что их будут перепечатывать и цитировать все газеты Италии!

Таким образом — и главное как эффектно! — сможет увеличиться число наших читателей. Это стало моей страстью. Редакционное помещение очень быстро было меблировано письменным столом и несколькими стульями. Во мне никогда не иссякнет привязанность к интеллектуальным блиндажам, тем окопам журналистики, из которых я начал свое сражение. Был заключен контракт с типографией, который каждую неделю грозил расторжением, если не будут найдены свежие тысяча лир, чтобы покрыть наши еженедельные расходы. Но мы жили своей идеей.

15 ноября 1914 года свет увидел первый выпуск «Пополо ди Италия». Даже сейчас я называю эту новую газету своим самым любимым детищем. Только с ее помощью, даже несмотря на то, что вначале она была еще такой незначительной, я смог одержать все все политические победы. И я все также остаюсь ее главой.

Я мог бы и все еще могу написать тысячи мемуаров, посвященных этой газете, рожденной в 1914 году и остававшейся моей платформой до 1922-го. Для меня она стала орудием творения. Название «Пополо ди Италия» будет появляться на страницах этой книги снова и снова. В любом случае, ее история может быть рассказана по средством описания моей личности, как политика, издателя, верующего в войну, солдата, итальянца и фашиста.

Моя первая статья в «Пополо ди Италия» привлекла подавляющую часть общественного мнения к проблеме интервенции Италии в войну на стороне Франции и Англии.

Фашисты поддерживали меня и помогали в моей работе издателя. Они были убежденными революционерами, уверенными в пользе интервенции. Они были совсем молодыми людьми — студентами университетов, социалистическими синдикалистами — разрушающими веру в идеи Карла Маркса своими идеалами. Среди них также было много рабочих и служащих, которые все еще прислушивались к истинному голосу своей родины.

И теперь, пока Италия все еще оставалась в стороне от войны, были сформированы наши первые легионы добровольцев, отправляющихся

сражаться во Францию. В Арагоне погибли двое сыновей Риччиотти Гарибальди, Бруно и Костанте, племянники великого Гарибальди, который присоединил к Италии северную Сицилию и Неаполь. Погребение героев проходило в Риме, и весть о нем горький эхом разошлась по всей Италии. И снова краснорубашечники, когда-то прославившиеся как спасители Италии, теперь уже на французской земле подтвердили нерушимость романского духа.

Совсем недавние распри относительно средиземноморских интересов были ликвидированы. Враждебности Франции, возросшей за время Ливийской войны, был положен конец. Никто уже не помнил эпизод с французскими кораблями «Маноба» и «Картаж», пущенными в поддержку туркам, сражавшимся против нас в 1912 года. Все закончилось. Франция была в опасности, атакованная и захваченная после трагического поспрапия Бельгии. Я проповедовал и продвигал эту идею. Франция в опасности!

15 мая Габриеле Д'Аннунцио выступил с речью в Кварто дей Милле неподалеку от Генуи. Кварто дей Милле являлось тем отправным пунктом, откуда Гарибальди со своей тысячей северян и других патриотов отправился на Сицилию, чтобы освободить южную Италию от ига Бурбонов. При помощи своего выдающегося ораторского мастерства д'Аннунцио убедил Италию вступить в войну.

Боевой дух страны всколыхнулся. Оппозиция Джиолитти нашла быстрое решение. Монарх, связанный по рукам и ногам парламентскими формулами и советами своих министров, желая строго соблюсти букву закона и не отступить от ортодоксального толкования конституции, заявил личному представителю Кайзера, что Италия на правах старого союзника удерживалась в неведении, а потому была предана.

Восстание в поддержку войны в Милане, бурные настроения того же толка в Риме, Падуе, Генуе и Неаполе вынудили его величество Виктора-Эммануила III сместить Джованни Джиолитти и вверить в обязанности Саландре, который и предложил отставку старого правительства, формирование нового министерства. Я чувствовал, что внес свой вклад в эту победу. Все еще молодой, ничем себя не зарекомендовавший человек, я уже имел репутацию человека неограниченной свободы и власти.

Новое правительство объявило войну. Было отвергнуто то «многое», что обещал Его Превосходительство Джиолитти; основным вопросом сейчас был выбор правильного времени и верного пути, чтобы на полном ходу вскочить в войну. Мы задыхались, наши сердца бились готовностью в ожидании великого часа. Он пробил 24 мая 1915 года. Разве может кто-нибудь описать, какие чувства переполняли меня в тот триумфальный

момент?

Я не стану даже пытаться в одной главе описывать все события той войны на итальянском фронте, потому что это невозможно. Война закалила меня. Я вступил в ее драматические перипетии с ограниченной точкой зрения простого солдата. Я расскажу о том, что больше всего тронуло меня как солдата и непосредственно как политика.

С того самого дня, когда я снова надел серо-зеленую униформу полка берсальеров, лучшего ударного полка Италии, того, в котором проходил обязательную воинскую службу, я решил, что стану самым лучшим его солдатом. Мне снова хотелось стать покорным, дисциплинированным, отдающим все свои силы исполнению долга.

Я чувствовал, что смогу справиться с этим успешно. Мое политическое положение принесло мне множество предложений различных привилегий и вполне безопасных должностей. Но я отверг их все.

Я стремился создать впечатление полного и строгого соответствия идеалу. Это не было с моей стороны умыслом, преследующим корыстные цели; в этом была глубокая потребность моей натуры воплотить в жизнь свою веру и то, что я считал основным предназначением своей жизни. А именно то, что раз уж человек берет на себя труд стать выразителем новой идеи или новой философской школы то он должен вести соответствующую обывденную жизнь и бороться изо всех сил за те доктрины, которые проповедует любой ценой, до самого победного конца!

Время многое сгладило; непринужденный дух забвения почти совсем испарился. Победа, пришедшая после сорока одного месяца упорной борьбы, пробудила во многих глубокое негодование.

Как я уже говорил выше, сразу по объявлении войны я попросил у военных властей разрешения пойти на фронт в качестве добровольца. Но мне ответили отказом. Для меня это стало трагедией. Они сказали, что отказывают мне на том основании, что согласно статьям военного устава возможными добровольцами могут считаться лишь те, кому было отказано в силу физической непригодности или освобожденным от несения обязательной воинской повинности по каким-либо иным причинам. Я не мог быть принят в качестве добровольца. Я должен был ожидать своей призывной очереди, пока мне не придет приказ от вышестоящих властей. Я был безутешен.

Но по счастливой случайности моя очередь подошла быстро. И уже первого сентября, всего лишь через три месяца после того, как Италия объявила войну, я надел простую униформу рядового берсальеров. Меня направили для подготовки в город Брешию, что в Ломбардии, неподалеку

от зоны воздушных атак.

К своему великому облегчению, я почти сразу же был отправлен в самую гущу сражений в верховьях Альп. В течение нескольких месяцев я подвергся самым тяжелым испытаниям за бытность мою на горных фронтах. У нас по-прежнему не было самого необходимого, что могло бы облегчить наши тяготы, как в окопах, бараках. Мы просто медленно продвигались дальше, лишённые необходимого, не теряющие присутствия духа, кое-как доводя дело до конца! Чего только не натерпелись мы за первые месяцы — холод, дожди, грязь, голод! Но им не удалось ни на йоту поколебать моего энтузиазма и моей убежденности в необходимости и неизбежности войны. Они не смогли изменить направления ни одного из волосков на моей голове, ни одной из мыслей, что были в ней.

Меня хотели назначить штабным секретарем. Я отказался. И отказался категорически. Вместо этого я наслаждался тем, что принимал участие в наиболее опасных разведывательных экспедициях. Таковы были моя воля и мое желание. И я был вознагражден. Я получил звание капрала за военные заслуги и был отмечен командованием такими словами: «Бенито Муссолини всегда первый в тех операциях, где нужно проявить отвагу и мужество».

Мое политическое прошлое, вызывающее подозрения у бдительного, а иногда не слишком дальновидного военного начальства, все еще преследовало меня; этого было достаточно, чтобы заставить командование воздержаться от идеи послать меня в подготовительную школу для офицеров в Венеццо. После недельной увольнительной, я снова вернулся в окопы, где провел четыре месяца. И снова та же жизнь — лихорадочная, полная приключений, отчаянная, но это пока тифозная лихорадка не отправила меня в военный госпиталь в Кивидале. Когда я почувствовал себя лучше, меня отослали в Феррару для короткого, бессмысленного периода выздоровления. Вернувшись оттуда, я снова занял позиции в высокогорьях Альп, где ночами, смотря в мерцающее звездами небо, ты чувствуешь себя ближе к бескрайним просторам Вселенной.

Мой батальон получил приказ выдвинуться на передовые позиции в Карсо, участок 144, чтобы перейти в наступление. Тогда я был переведен в группу солдат, специализировавшуюся на ручных гранатах. Мы находились всего лишь в нескольких дюжинах ярдов от врага, под непрерывным огнем, и иногда казалось, что эта атмосфера перекрестного огня и смертельной опасности станет нашей жизнью навеки.

После первых тяжелых испытаний я почти привык и даже чувствовал себя вполне комфортно в тех ужасных условиях, которые представляет

собой жизнь в окопах. Я с ненасытным интересом проглатывал номера «Пополо ди Италия» — своей газеты. Я оставил ее на попечение нескольких друзей. Резко оторванный от нее, как кто-то внезапно покидающий любимого и близкого человека, я отдавал приказы поддерживать огонь в светильнике итальянского долга и судьбы.

Я командовал: «Продолжайте призывать к войне до победного конца».

Я часто писал своим друзьям. Я никогда не позволял себе описывать свои истинные чувства и делиться правдивыми мнениями, поскольку, прежде всего, я был дисциплинированным солдатом. В окопах я находил отдохновение, изучая психологию офицеров и младшего солдатского состава. Позднее эта практика наблюдения стала для меня просто неоценимой.

Мое грубое сердце хранило неизменное восхищение простаты ми солдатами со всех уголков Италии. Многие из направленных на Восточный фронт не были знакомы с историческими предпосылками к войне; однако они знали, как подчиняться командам вышестоящих офицеров с поразительной дисциплинированностью. Многие из этих офицеров были студентами колледжей или университетов. Было приятно видеть, как они стремятся превзойти служащих регулярных войск и доказать, что героизм и бесстрашие прежних времен все еще живы в молодом поколении итальянцев.

Но фактом оставалось то, что война, требующая огромных человеческих жертв и материальных затрат, со всеми своими ужасающими трудностями, поразила нас. Она оказалась слишком далека от нашей гарибальдийской концепции о том, что такое война. Мы были вынуждены в оглушительной спешке видоизменять свои идеи, а также менять систему ведения боя и пересматривать методы обороны и наступления. Мое сердце радовалось при виде того, что способность к адаптации у нашей расы привела к удивительным и скорым результатам. Генеральные штабы и все вспомогательные военные организации, в особенности медицинская, работали с незабываемой аккуратностью и рвением. Но зачастую, когда я возвращался и политической ситуации вне нашей армии, меня снова посещали тягостные сомнения. Работа и действия находящихся в Риме властных структур и политических организаций внушали мне глубокие опасения.

Казалось, мир парламентариев не способен освободиться старых ошибок.

Ядовитые течения невмешательства и нейтралитета все испытывали на вас свои последние силы. Они не могли спокойно примириться со своим

поражением. Я знаю, что они делали все возможное, дабы снизить энергичность и гибкость наших военных усилий.

Пустой лепет и страхи стратегов из кофеен, тунеядцев, чье присутствие оскорбляло те семьи, чьи сыновья ушли на фронт, вносили свой вклад в подавление духа сопротивления. Как обычный солдат, я, например, не мог понять, как Румыния может быть втянута в войну при помощи нескольких сотен пулеметов. Как может Греция решиться выступить против турок под влиянием балета, который Айседора Дункан танцевала в Пирее?

Изо дня в день я следил за продвижением нашей армии — сражение при Исонцо в 1916, битвы в Альпах. С меньшим интересом я наблюдал за перипетиями войны во Франции, прискорбное поражение при Дарданеллах и события на восточных участках фронта. Что касается Италии, то я ни на минуту не сомневался в том, что победа, в конце концов, будет одержана. И, несмотря на то, что война затянулась дольше самых крайних сроков, а также на то, что наша экономическая мощь может пошатнуться под напором и тяжестью конфликта, я все равно был уверен в окончательной победе.

Итальянская армия в многообразии своих маневров руководствовалась методом успешных атак, подрывающих оперативность врага. Несмотря на все трудности, дисциплина оставалась неизменной по всем позициям. Попытка вторгнуться на альпийские плато в 1915 году вскоре была отбита. Солдаты Карсо, среди которых был и я, после этого выглядели как пожилые ветераны.

Описывая драмы подобного масштаба, когда полегли тысячи наших братьев, абсурдно распространяться о себе.

Однако, чтобы лишний раз показать, какие несчастья преследуют политическую жизнь Италии, я должен был время от времени выпускать в своей газете новости, касающиеся меня лично. Это делалось для того, чтобы сокрушить подозрения техничностей, которые считали, что я скрываюсь в одном из редакционных помещений, сортируя почту и занимая свой ум сомнениями относительно возможностей победить в этой войне. Я был вынужден опровергать эти гнусные домыслы, снова и снова заявляя о том, чем занимался и чем занимаюсь в настоящее время. В то время я был уже в чине старшего капрала берсальеров и находился в окопах на линии фронта с самого начала войны вплоть до февраля 1917 года, всегда с оружием в руках, всегда лицом к лицу с врагом, не теряя веры и не отступая от своих убеждений ни на йоту. Время от времени я посылал в «Пополо ди Италия» статьи, призывающие к упорному сопротивлению.

Я умолял читателей сохранять нерушимую веру в окончательную победу. Из соображений армейской дисциплины я писал под псевдонимом. Таким образом, я сражался в двух направлениях — с врагами на фронте и слабым духом противником за его пределами.

Утром 22 февраля 1917 года во время артиллерийского обстрела вражеских окопов в секторе 144, находящегося под непрекращающимся обстрелом вражеской артиллерии Карсо, произошел один из тех инцидентов, которые для окопной жизни стали уже ежедневной рутинной. Одна из наших собственных гранат взорвалась у нас в окопе, где в это время находились около двадцати солдат. Нас накрыло землей и заволокло дымом, поцарапало осколками. Четверо убитых, остальные смертельно и тяжело ранены. Меня сразу же доставили в госпиталь в Рончи, в нескольких милях от вражеских окопов. Доктор Пикканони и другие хирурги отчаянно боролись за мою жизнь. Я получил тяжелые ранения. Терпение и мастерство медперсонала позволили успешно извлечь из моего тела сорок четыре осколка той самой гранаты. Плоть была изранена, кости поломаны. Я испытывал чудовищную боль, мои страдания трудно описать. Я пережил практически все свои операции без помощи анестезии. За месяц я подвергся двадцати семи операциям, и только две из них делались под наркозом.

Эта дьявольская боль продолжалась до того момента, пока в результате сильнейшего артиллерийского обстрела не было до основания разрушено одно крыло и не пострадало центральное здание госпиталя в Рончи.

Все раненые были срочно переведены в отдаленное убежище, но мое состояние не позволяло каких-либо перемещений. Неспособный пошевелиться, я днями находился под периодическим обстрелом вражеской артиллерии среди грязи и развалин здания. Я был абсолютно беззащитен.

Но, несмотря ни на что, мои раны начали заживать. Настали лучшие дни, и пришло долгожданное облегчение. Я получал многочисленные сочувственные телеграммы, а однажды звонил сам Его Величество Король; его теплое, гуманное отношение ко всем солдатам и жертвам войны никогда не будет забыто ни мной, ни Италией.

Через несколько месяцев меня перевели в военный госпиталь в Милан. В августе я начал ходить на костылях, без которых не мог, обходиться еще долгие месяцы. Мои ноги были еще слишком слабы, чтобы выдерживать мой вес.

Я занял место бойца в редакции своей газеты. Напряженная ситуация, порожденная невероятным и непостижимым поражением на российском

фронте, наложила на нас новые обязанности. Было необходимо справиться с ними. Ко всему этому прибавилась еще и местная ловкая пропаганда. Этот презренный яд использовал в качестве лозунга подлое высказывание одного из членов парламента: «Мы покинем окопы еще до прихода зимы».

Следовало бороться, чтобы покончить с этими таинственными силами, играющими на чувствах и страданиях простых людей. После двухнедельной увольнительной солдаты возвращались в свои окопы в гнетущем состоянии духа. Городская жизнь несла в себе все характеристики беззаботной, мирной жизни. Это был психологический момент, под влиянием которого было необходимо заставить людей со всей полнотой ощутить силу верховной власти. Правительство должно было прочно стоять на ногах.

Я не желаю выдвигать посмертных контрбвинений. Слабость внутренней политики в 1917 году, шаткая ситуация в парламенте, омерзительная социалистическая пропаганда несомненно подготавливали почву для событий, которые могли бы оказаться губительными. И взрыв произошел в октябре 1917-го, получив имя Капоретто.

Никогда за всю мою жизнь гражданина и политика не испытывал я горя, равного тому, которое испытал, получив новости о поражении при Капоретто.

Разумеется, этот эпизод, в сравнении с другими поражениями в различных театрах Мировой войны, не имел какого-либо исключительного значения, но стал чудовищным ударом для всей Италии. Этот внезапный прорыв нашего фронта позволил вражеской армии мощным клином вторгнуться в высокогорные долины Исонцо. В начале войны мы перешли границы старой Австрии, ведя боевые действия на территории противника. В 1916 году мы выстояли в жесточайшей атаке на Альпы при Асиаджо. Мы отстояли плато Байнсицца. Мы десять раз одерживали победу при Исонцо. Наши чувства и измученные души теперь были тронуты до самой глубины души.

Это был поистине страшный момент. Третья армия, попавшая в окружение с другой стороны Исонцо, должна была быть спасена. Был получен высочайший приказ любой ценой закрепиться в Пьяве и до последнего оборонять подходы к горе Граппа, чтобы уберечь север венецианских провинций и не дать им быть отрезанными от остальной Италии. Сосредоточение армии, сопровождаемое активными действиями, произошло практически мгновенно. У горы Траппа сопротивление врагу оказывала железная армия. Враг также не мог пройти и у Пьяве. В игру включились новые силы. Каждый мог ощутить их приближение.

Обновленный воинственный дух вновь занял решительные позиции. И снова мы встретились с врагом лицом к лицу после потери Гориции и провинций Беллуно и Удине. Мы были задеты за живое и пережили драматические моменты, которые обожгли мое сердце. Но сейчас мы можем быть уверены, что Италия не переживала тех трагических мгновений, через которые прошли многие армии и другие государства. Что наши катастрофы в сравнении с общей картиной Великой войны — потерей трех провинций в результате битвы при Мазурских озерах, захватом Кенигсберга, оккупацией четырнадцати регионов Франции и поглощением Бельгии.

Я горжусь тем, что в течение этого полного безысходности и разочарования года моя газета вносила свежую струю в политическую жизнь страны. Мы поднимали боевой дух наших солдат.

При поддержке инвалидов, раненых и ветеранов я начал активную кампанию под названием «Стоять до конца». В характерном пламенном стиле я требовал от центрального правительства суровых действий по отношению к тунеядцам и дезертирам, чтобы они больше не могли подрывать боевой дух населения. Я призывал организовать армию добровольцев. Я просил о введении военного положения на севере Италии. Я настаивал на запрещении печати социалистических газет. Я добивался более человеческого отношения к солдатам. Я проводил кампанию за военную дисциплину, сначала вокруг нас и по всей стране, а затем на фронтах. Идея этой кампании постепенно развивалась в газете, затем на публичных собраниях, а также на фронтовых сборах. Она принесла результаты, которые превзошли все мои самые смелые ожидания. Казалось, что привлеченное нашей активностью правительство тоже потянулось за нами к сопротивлению и победе.

Так прошла зима. С приближением весны весь итальянский народ направил свои усилия и энергию к фронтам в Пьяве и Граппа.

И свершилось! Живой и сильный дух национальной солидарности стал общим как для солдат, так и для их семей. Высокий дух жертвенности и долга правил жизнью всей Италии!

В 1918 году наша героическая армия была готова к обороне Пьяве. Ардити, первые ударные части, состоящие из добровольцев, пробравшиеся на вершину с ручными гранатами и кинжалами, придали необычайно драматическую привлекательность нашему агрессивному духу. В глубине души каждого жило страстное желание изгладить из памяти страшные дни Капоретто. Мы должны были вернуться назад — туда, где наши братья, живые или мертвые, ждали нас! Но с большей силой

в нас отзывалась память о наших погибших. Разумеется, желание наших противников пересечь Пьяве не должно было осуществиться; это была напрасная надежда, поскольку враг был встречен и сокрушен нашими перешедшими в наступление частями.

Авиация продолжала оказывать содействие, проводя разведывательные экспедиции и ведя бомбардировки. Я мог ощущать, как душа Италии тянется к победе. Неотвратимость обострила наиболее выдающиеся умы. Пришел июнь, а вместе с ним возобновились вражеские атаки.

Наша секретная служба преуспела в том, что смогла выяснить точное время начала наступления вражеских частей. Следуя здравой военной стратегии, верховное командование приняло решение застать врага врасплох, поэтому уже за несколько часов до того, как противник был готов выступить, немыслимый шквал обрушился не только на его линию фронта, но и на вспомогательные линии тыла. Планы врага были разрушены. Он пытался перебросить мосты через Пьяве, но все они были уничтожены. Мы нечеловеческими усилиями удерживали Монтелло, некогда бывшее ключевым участком этого фронта, который враг хотел захватить, дабы зажать нашу армию в тиски. В нескольких милях от нас велись переменные бои, но общая битва не утихала ни на минуту. Наши контратаки отбивались снова, снова и снова. Однако уже через три дня враг понял, что в этом случае итальянцы будут стоять несокрушимой стеной, которую невозможно преодолеть или разрушить!

Близ Цензоне врагу удалось пересечь реку в районе монастыря Тревизо, но стремительная контратака нескольких наших бригад вновь отбросила его к Пьяве. Настоящей катастрофой для врага стало то, что, выйдя из берегов, река смыла мосты и укрепления вместе с солдатами в сторону моря. 23 июня, через пять дней после начала великой битвы, верховное командование заверило итальянцев, что войска будут продолжать удерживать сопротивление. Я почувствовал в этом верный знак того, что победа уже близка. Я и по сей день уверен в том, что битва при Пьяве является одним из наиболее решающих моментов в истории Мировой войны.

Вражеская армия понесла огромные потери. Жизни около ста тысяч мадьяр были принесены в жертву при Пьяве. Это вызвало огромную волну негодования в Будапеште. Среди разных народов, составлявших Австро-Венгерскую империю, начались прения по поводу тех тягот, которые вынуждены выносить все входящие в нее нации. И благодаря им, нашим врагам, каждая из народностей стала ощущать, что с ней позволяют обращаться все более недопустимым образом.

Из Австро-Венгрии к нам просачивались новости. Было ясно, что там внутренняя напряженность вот-вот достигнет апогея. Однако вражеская армия все еще держалась сплоченно и под влиянием необходимости стала с новой силой притеснять те две провинции, которые продолжали оставаться под гнетом тягот оккупации.

Именно в это время, как раз вслед за радостным оживлением, сопутствующим победе, я стал замечать странные тенденции в итальянской политике. Близилось время злонамеренной активности, которую следовало выявить и подавить на корню. На сей раз она скрывалась под личиной гуманизма. Планировалось наделить рядом национальных прав народности, которые никогда не имели ни национальной чести, ни национального самосознания, а более века были не более чем инструментами подавления итальянского элемента под властью Австрии, по наущению деспотичной империи. Солнце нашей победы взошло, но чтобы победа была полной, той, которая направит наших солдат на путь к Вене, она не должна спотыкаться о фальшивую сентиментальность.

Этого кризиса было достаточно, чтобы вдохновить многих великих людей, все еще находящихся во власти устаревших и покрывшихся ржавчиной демократических идей, положить начало дискуссиям о проблемах расовых различий. Эти проблемы всегда были на руку нашим злейшим врагам. Наш национальный дух был атакован и сломлен изощренными и фатальными призывами к состраданию, возмущавшими наши глубинные чувства и наиболее здравые эмоции. По всей Италии начали раздаваться голоса, утверждающие, что во все времена, когда страна переживала периоды расцвета, славы и побед, всегда существовали те, кто порочил эти светлые моменты, и чаще всего чересчур добросовестно.

Лето прошло, и в октябре 1918 года наше верховное командование при участии пятидесяти одной итальянской дивизии, к которым присоединились три британские и две французские, а также один американский полк и некоторое количество чехословацких добровольцев, решило готовиться к окончательной, решительной атаке на австрийский фронт.

Стратегический план был необыкновенно разумным. Линия вражеского фронта была прорвана в Серналии, и наша армия перешла в наступление. Мы начали окружение, двигаясь влево к Тренто и направо к Удине и низовьям Пьяве. Яростный напор наших солдат и искусность наших офицеров привели эти действия к полному успеху и разгромили вражеский фронт. В Военном бюллетене говорилось об огромных количествах

пленных, оружия и прочей амуниции, сосредоточившихся в наших руках.

Австро-Венгерская армия потерпела поражение. Имперский флот понес значительные потери. Мы высадились в Триесте и оккупировали Тренто.

Окончательная победа была не только победой в войне. Я видел в этом нечто большее. То была победа всей итальянской нации. Пробудившись после тысячелетнего сна, мы снова предоставили миру ощутимые доказательства своего морального и духовного мужества. Мы снова жили по военным традициям. Наша любовь к родине вновь расцвела пышным цветом. Мы ощутили свой огромный вес для будущего новой Европы. Молодое поколение итальянцев ликovalo, поскольку исконные итальянские города были снова возвращены стране. Наш народ так долго ждал и желал того, чтобы Тренто и Триест снова стали частью Италии и тех естественных границ, которые предсказал и определил Данте еще в XIV веке.

В каждом уголке моей страны раздавался колокольный звон, приветствующий рождение нового дня. Такая долгая и такая тяжелая война наконец-то закончилась!

Она закончилась полной, безоговорочной победой Италии, несмотря на несостоятельность России и гнусные маневры предателей и профессиональных крушителей идеалов. Мне кажется, что в каждой семье был убит или ранен кто-то из близких, дорогих людей. Военные вдовы и сироты гордились этими символами трагедии и славы. Мы были в Тренто и Триесте. Фьюме не был освобожден до конца, и на весах также лежала свобода Далмации.

Над Италией реял почти сверхъестественный дух гордости и безмятежности, типичный для победителей. Война продлилась дольше, чем мы думали, значительно ослабив нашу экономическую мощь, и предположительно свела до минимума надежды на уверенное будущее.

Однако победа согрела наши души и сердца. Она воодушевила итальянцев и подвигла их на дальнейшие свершения, почитая мертвых так же, как живых. С октября по декабрь 1918 года Италия представлялась фабрикой, работающей в полную мощь в полном соответствии с требованиями прогресса. Помимо неизбежной скорби война внесла в нашу национальную жизнь глубоко поэтические настроения. Никто не ощущал их лучше и не был их наиболее неотъемлемой частью, как я.

Именно в этот великий исторический момент, сразу после достигнутой такой тяжелой ценой победы, наша молодая нация, которая как нация была даже моложе американской, с традициями, еще не закаленными в веках, несмотря на то, что бросила в раскаленное жерло конфликта жизни и

богатство, была предательски обманута. На ее основательной доверчивости сыграли при составлении Версальского договора.

Вот та ужасающая дань, которую Италия заплатила Мировой войне, — 652 тысячи убитых, 450 тысяч инвалидов, 1 миллион раненых. В нашей стране не было ни единой семьи, которая за сорок один месяц войны не пожертвовала бы своей частью на алтарь отечества. И даже десять лет спустя я всегда помнил, что инвалиды, раненые, вдовы и сироты этой войны составляют значительную часть населения, вызывая уважение и почтение большинства.

Я никогда не забуду. Мы прошли через тысячи кругов внутренних проблем, от заблуждений до очистительной революции, от горы Стельвио дошли до самого моря. На наших высокогорных кладбищах, которые безжалостная рука времени постепенно стирает с лица земли, по-прежнему остается самая мощная цитадель судеб нашей нации и нашего народа. Я никогда не забуду.

Я был самым упорным поборником идеи войны. Весь огонь своей души я положил на борьбу за Италию. Я пережил радость победы. Я жил в самом эпицентре послевоенных волнений. Но при каждом событии, грустном или счастливом, камнем преткновения, маяком, источником всех советов и глубокой мудрости для меня всегда оставалась память о погибших. О тех, что были из разных провинций и из разных пластов общества, и даже о тех, кто находился под иностранным игом или эмигрировал в другие страны. Они пролили свою кровь и охотно пошли на величайшие жертвы ради своей родины. До того времени, пока итальянская нация не получит права с гордо поднятой головой находиться среди других наций, наиболее верным признаком ее силы, высочайшим проявлением ее благородства, той жизненно важной материи, без которой не достичь величия, навсегда останется жертва тех, кто пролил свою кровь и отдал свою жизнь за бессмертие своей страны.

Вот те отметины, которые война оставила на наших телах, в наших умах и душах.

Но, главным образом, она дала тем, кто еще молод, понимание истинной сути человечества.

Глава V

Зола и пепел

Пламя войны постепенно догорело и погасло. Но 1919–1920 годы, которые последовали сразу же за концом войны, представлялись мне наиболее темным и тягостным периодом в жизни Италии. Темные грозовые тучи нависли над нашей страной. Прогресс консолидации Италии оказался под угрозой. Я видел, как надвигается буря.

Уже тревожные события угрожали нашей национальной жизни. Они были связаны с политическими событиями даже больше, чем с экономическим кризисом. Хотелось бы обратить внимание на движение сицилийских газав в 1894 году и кровавые демонстрации 1898 года в Милане. Но эти акты неповиновения были локализованы. Ни в одном из них не было зрелых семян распада или сепаратизма. Но я утверждаю, что события 1919 и 1920 годов несли в себе такие бактерии, которые оказались бы смертельными для всякой цивилизованной нации, если бы героическим усилием их не удалось побороть.

Все обсуждения начались снова. Мы, итальянцы, открыли ящик политических проблем и разобрали на части социальный механизм. Мы сосредоточили в своих руках абсолютно все — от короны до парламента, от армии до наших колоний, от капиталистической собственности до коммунистических планов относительно федеративного устройства регионов Италии, от школ до института папства. Восхитительное состояние согласия и гармонии, которые все мы, бойцы и раненые, мечтали построить после блестящей победы в октябре 1918-го, рассыпалось в прах. С нашего дерева идеализма постепенно опадали листья.

Я чувствовал, что мы остались без каких-либо связующих сил, без единого намека на героизм, без всяких воспоминаний, без политической философии, способной преодолеть и остановить приближающийся распад. Я уже ощущал болезненные приступы упадка и разложения.

Уже в январе 1919 года социалисты, слегка приостановленные за время войны, не дожидаясь, пока высохнут чернила в договоре о прекращении военных действий, начали заниматься привычным шантажом и сеять смуту. Из Милана просоциалистический муниципалитет выслал особую миссию для того, чтобы помочь так называемым братьям в Вене. Нездоровый интернационализм пустил свои ростки этой болезненной

весной.

В Триесте социалист Питтони играл ведущую роль в реорганизации отвоеванного города. Во многих городах Италии обездоленные дети старого врага, австрийско-габсбургского капитала, были приглашены на ведущие должности. В этом читалась достаточно неприятная сентиментальность. Цель уже четко обрисовалась в умах ведущих подрывную деятельность социалистов и либералов-джиолиттианцев. Она заключалась в том, чтобы исторгнуть из памяти народа чувство гордости за нашу победу.

Я знал тех, кто ускорял процесс нашей дегенерации. Это были немецкие и австрийские шпионы, русские агитаторы, таинственные дотации. За несколько месяцев они довели итальянский народ до состояния полного маразма. Предполагалось, что экономический кризис, поразивший все уголки земного шара, мог бы обойти Италию стороной. Такие же, как я, солдаты, возвращаясь с войны, стремились к своим семьям. Кто мог описать наши чувства? Подобный впечатляющий феномен, как демобилизация миллионов людей, прошел втемную, без особой шумихи, в атмосфере выбрасываемой на ветер дисциплины. Для нас еще существовали проблемы зимы и трудности с приспособлением к новой мирной жизни.

Мы испытывали унижение, видя знамена своих славных полков, возвратившихся домой не под радостные возгласы приветствия, без проявлений теплого одобрения и симпатии, заслуженных теми, кто пришел с великой войны победителем. Теперь мне и моим друзьям снова казалось, что в каждом как будто присутствовал некий инстинкт окончить с игрой в войну, не с идеей реальной победы, но с самой сутью ее, которую мы утратили, насколько это было возможно. Сердца и души были настроены слушать слова о мире, гуманности, о братстве между нациями. Ночами, прежде чем заснуть, я стал все больше размышлять и понял, что мы не сможем остановить этот всеобщий поток разложения веры, этот процесс самоотречения от интересов и будущности великой, победоносной нации. Ощущение краха очень быстро и глубоко пронзило дух всех классов общества. Разумеется, центральное правительство не могло стать той плотиной, которая могла бы противостоять потоку слабости.

Политики и философы, спекулянты и неудачники, ведь, по крайней мере, многие расстались со своими иллюзиями, напоминали акул, стремящихся спастись любой ценой. Лица, призывавшие к войне, стремились обрести прощение; демагоги искали популярности; шпионы и подрывники ожидали хорошей цены за свою измену; агенты, чья

деятельность оплачивалась иностранным капиталом, за несколько месяцев погрузили нацию в ужасающий духовный кризис. Я с ужасом видел перед собой сгущающиеся сумерки нашего конца как нации и народа.

Находясь в смятении чувств, испытывая глубокую горечь, разъедавшую мне душу, я нюхом чуял опасность. Рядом со мной находилась группа отчаянных людей, но этого было мало. Сначала мои действия были связаны с насущной потребностью борьбы против одной важной, скрытой измены. Некоторые итальянцы, ослепленные и утратившие память, были вовлечены соучастниками в эгоистичные стремления, распространившиеся среди участников Антанты. Фактически эти итальянцы пошли против своей родины. Далмация, исконно итальянская провинция, такая же страстная, как святой в своей вере, была признана нашим Лондонским пактом. Она годами с неослабевающим пылом ждала победоносной войны, все еще храня в своей груди память о прошлом Венеции и Рима, а теперь была отрезана от нашего единства. Политика самоотречения, при содействии иностранных держав, набирала ход. Вильсон был дистиллятором или сторонником теоретических формул. Он не мог понять особенностей итальянской жизни или истории. С его неосознанной подачи была возвращена эта измена. Фьюме, принесенный в жертву город, чьи жители отчаянно взывали к Италии во всех манифестациях на площадях, посылали просительные миссии в адрес наших военных чинов, был оккупирован корпусами интернациональных частей. Мы могли вот-вот потерять еще один военный трофей — австрийский флот. Сезана, в двадцати километрах от Триеста, рассматривалась в качестве возможной границы!

Я говорил тогда, что никогда за все существование какой бы то ни было нации на следующий за победой день не случалось более одиозной трагедии, чем это самоотречение. В начале 1919 года Италия, возглавляемая такими политиками, как Нитти и Альбертини Сальвемини, имела единственное известное мне всепоглощающее стремление — уничтожить все достижения нашей победоносной борьбы. Она была предана одной идее, которая заключалась в отказе от новых границ и территориального расширения нации. Она забыла о наших шестистах тысячах погибших и миллионе искалеченных и раненых. Она попусту растратила пролитую ими благородную кровь. Лидеры стремились удовлетворить иностранные импульсы сомнительного происхождения и смешанные с ядом доктрины. Эти попытки совершить матереубийство своей родины подстрекались итальянцами с извращенным умом и профессиональными социалистами. Позднее по отношению к ним

фашистская революция проявила столько терпимости, что это могло быть расценено как наивысшее благородство.

Я был вовлечен в эту борьбу против возвращающегося зверя упадка и декаданса. Я выступал за наше священное право распоряжаться исконно итальянскими территориями. Следовательно, я должен был до некоторой степени пренебречь той незначительной внутренней политической жизнью, которая пребывала в полном замешательстве и погрязла в беспорядках. На международной арене ставки были более высоки. Кто-то должен был остаться на поле боя, чтобы спасти хотя бы то, что еще можно было спасти. Что же касается внутренней политики, то мне было очень хорошо известно, что сильное правительство очень быстро наведет порядок среди социалистов и анархистов, декадентов и ниспровергателей, а также зачинщиков всяческих беспорядков. Я на собственном опыте знал их душу. Она оставалась неизменной в любые времена, в любые эпохи и являла собой дух трусливых волков и беспощадных овец.

И вот однажды, через несколько месяцев после прекращения военных действий, в Милане я стал свидетелем факта, более тревожного и значительного, чем представлялось мне ранее. Я увидел процессию социалистов с бесчисленным количеством алых флагов, состоящую из тридцати группировок с транспарантами, проклинающими войну. Я видел на улицах целые реки, состоящие из женщин, Детей, русских, немцев и австрийцев, растекающиеся вверх и вниз по городу из рабочих районов к центру и наконец-то рассредоточивающиеся по амфитеатру Арена, одному из наиболее центральных пунктов города. Они проводят бесчисленные митинги. Они требуют амнистии для дезертиров! Они настаивают на разделении земель!

В то время Милан, даже более чем сейчас, считался городом, в котором хорошо прослушивался пульс рабочей нации. Милан, в котором я боролся за свои идеалы, пережил в 1914 и в начале 1915 года эпохальные дни в защиту войны. Этот город всегда отличался сильным и отважным духом. Его население было гораздо более активным, чем граждане других городов страны. Ему было хорошо известно, как с честью подготовить себя к тому, чтобы поддерживать военные стремления страны. И теперь, после триумфа, казалось, что даже этот город, город десяти тысяч добровольцев, покоряется всеобщей эпидемии.

Та процессия, о которой я упоминал, была свидетельством глубокой трясины, в которой прочно завязли все классы нашего общества, а особенно те из них, которые принадлежали к «народу». В то время, как процессия двигалась улицами города, буржуа — владельцы магазинов,

отелей — спешно закрывали окна и двери. На окнах быстро опускались жалюзи.

«Так, — говорил я, — закрываются глаза уставших от страха и тревоги».

Вполне естественно, что революционеры, обозревая произведенный эффект, пыжились от нового показного триумфа. Ни одна из существующих сил, интервенты или кто-либо иной, не сделала ни шагу на улицы, чтобы остановить безответственных. Любимый трехцветный флаг Италии был избран в качестве мишени. А потому поспешно убран с балконов!

Я вспоминаю эпизод, показательный для позора тех дней: женщина, школьная учительница из рабочих кварталов, бросилась на защиту итальянского флага. Рискуя жизнью, она стояла с горящими яростью глазами против ватаги коммунистов. Можно быть уверенным, что в период спасения и возрождения, когда мы снова воспрянем духом, эту женщину священного мужества наградят золотой медалью за отвагу.

Газета «Пополо ди Италия», чьим учредителем и редактором я являлся, жила в то время напряженной жизнью постоянных полемик. Каждый день приносил новую битву. Узенькая улочка Виа Паоло да Каннобио была постоянно заблокирована полицией или отрядами карабинеров и солдат. Весь этот взвод стоял на страже, когда бы мы ни показывались на улице. Можно понять, что правительство беспокоила наша деятельность. Власти желали взять под свой контроль все действия «Пополо ди Италия» и обуздать всю возможную агитацию за зрелые методы политической борьбы. Исключительно и единственно для нашей газеты вновь была возвращена цензура. Посредством тайных каналов один из мерзких представителей социалистической партии также старался навести все возможные справки. Но его предложение вызвало лишь смех и было категорически отвергнуто.

На следующий день после процессии в защиту Милана я написал статью, заглавие которой взял из знаменитого полемического труда Джордано Бруно: «Против возвращения Зверя».

Статья была опубликована 18 февраля в «Пополо ди Италия» и заканчивалась в точности такими словами:

«Если оппозиция войне, которая не только не кончена, но вполне победоносна, сейчас остается предлогом для постыдных сомнений, тогда мы, которые не стыдятся оставаться интервентами, но даже ощущают всю славу подобного положения, будем кричать так громко, чтобы нас услышали даже небеса: «Остановитесь, шакалы!» Никому не позволено

сбрасывать со счетов наших мертвых. Они составляют священную касту, такую же огромную, как гигантская пирамида, уходящая в небо, массу, которая не принадлежит никому. Никто не может дать мертвым или забрать у них. Они не принадлежат ни к одной из партий; не являются частью нашей бессмертной родины. Они составляют столь сложный и величественный пласт человечества, который не вписывается в масштабы ни одного из винных погребков или подсобных помещений какого-либо кооператива. Эта политическая мешанина в высшей степени унижительна для них. Должны ли мы стать на защиту наших мертвых от гнусной профанации? Все мы римляне! Все мы едины! Наша жизнь и наша смерть стоят бесконечно больше, чем весь итальянский социализм! И вы пройдете парадом, бесчисленные герои, желавшие войны, знавшие, как ее желать; которые шли на войну, зная, что она такое; которые шли на смерть, зная, что такое идти на смерть, — все вы, Децио Рагги, Филиппо Корридонни, Чезаре Баттисти, Луиджи Лори, Венециано, Сауро. Рисмонди, Кантуччи — и тысячи тысяч других, что составили величественное созвездие итальянского героизма, разве вы не чувствуете, что стая шакалов пытается осквернить ваш прах? Разве они не желают очистить землю от той, что пропитана вашей кровью, и плюнуть на вашу великую жертву? Не бойтесь ничего, благородные души! Мы еще только вступаем в дело. Вам не причинят никакого вреда, мы защитим вас. Мы защитим мертвых и память о них, даже если нам придется ставить блиндажи на городских площадях и рыть окопы на улицах нашего города».

Это был предупредительный сигнал — призывные звуки труб. Многие, получив удар в лицо, спасались бегством. Некоторые вокруг нас дрожали, думая о той опасности, которую навлекут на себя вследствие подобной полемики. Но определенное меньшинство сплотилось вокруг старого доброго знамени моей газеты.

Было необходимо организовать сопротивление, позаботиться о дискуссиях интернационального характера, укрепить наши позиции на фронтах международной политики, уберечься от ложных друзей, бороться с притворными пацифистами и ставить в тупик фальшивых гуманистов. Мы должны были выступить с генеральной атакой на все это многообразие дегенеративных тенденций, отличающихся по внешним признакам, но абсолютно идентичных в своем полном непонимании логического и безусловного значения победы в войне.

Наша парижская делегация пребывала в плачевном состоянии. Неправедные усилия некоторых из союзных государственных деятелей практически задушили всяческую инициативу. Благодаря сложившейся в

стране ситуации наша делегация не смогла занять прочных позиций и закрепиться на этой почве. Регионы, которые должны были быть возвращены Италии, находились в состоянии массовых волнений, что сильно тревожило многих из нас.

Это был поистине страшный момент! Акции горстки наших союзников на городской площади было явно недостаточно, ведь существовало множество разнообразных фронтов, на которых нужно было сражаться одновременно. Нам, которые должны были защитить Италию изнутри, следовало создать еще одно нерушимое силовое единство, тот самый общий знаменатель для всех старых сторонников войны и лоялистов, а также всех тех, кто, как и я, чувствует себя итальянцем до мозга костей. Затем после долгих дней и ночей размышлений я решил через посредство своей газеты выступить с призывом поставить точку в движении к эпохе полного хаоса.

И 23 марта 1919 года в Милане я заложил фундаментальные основы итальянского фашистского ополчения — боевой программы фашизма.

Первое собрание этой организации состоялось на Пьяцца Сеполеро в Милане. Оно проходило в зале, отданном в наше распоряжение Миланской Ассоциацией Торговли и Коммерции. Это решение было принято после долгих дебатов среди руководства ассоциации. И здравый смысл все-таки восторжествовал; мы предоставили гарантии того, что не будем шуметь или устраивать беспорядки. На этих условиях мы получили то, чего добивались.

Митинг носил чисто политический характер. Я поместил в «Пололо ди Италия» объявление, что темой его будет основание нового движения, а также учреждение программы и методов успешного ведения борьбы, которую я намеревался вести против сил, аннулирующих достижения великой победы и разлагающих нацию.

Я подготовил атмосферу этого памятного собрания при помощи передовых статей и ультиматумов, опубликованных в «Пополо ди Италия». Но все же число собравшихся было незначительным. Один из моих добровольных соратников по борьбе прошелся по залу, чтобы собрать подписи присутствующих. После двух дней прений пятьдесят четыре человека подписались под нашей программой и принесли клятву верности фундаментальным основам нашего движения.

Я говорил о движении, а не о партии, поскольку моим убеждением всегда было, что фашизм должен включать в себя характеристики организации антипартийного типа. Он не должен быть связан со старыми или новыми школами любого типа. Название итальянское фашистское

ополчение было удачным. Оно стало наиболее подходящим для политического движения, призванного сразиться лицом к лицу со всеми старыми паразитами и программами, которые стремились разлагать Италию. Я чувствовал, что нам предстоит не только антисоциалистическая борьба — это была лишь одна из многих битв, предстоящих на пути. Сделать предстояло гораздо больше. Все концепции так называемых исторических партий казались выросшими из всех пределов, форм, стилей и мер пригодности. Они выглядели достаточно дешево и перестали удовлетворять, поскольку уже не могли идти в ногу с поднимающейся волной неожиданных политических крайностей, а также не были способны приспособливаться к процессу формирования новой истории и новым условиям современной жизни.

Старые партии напрасно лънули к шумным, энергичным программам. Они вынуждены были производить жалкие попытки усовершенствования в стремлении как можно выгоднее подать свои теории в условиях нового времени. Однако не было насущной необходимости, как поверхностно считали многие, создавать антиалтарь для алтаря социализма. Необходимо было представить абсолютно обновленную политическую концепцию, соответствующую житейским реалиям XX столетия, и в то же самое время преодолевающую идеологический пиетет перед либерализмом, ограниченные горизонты различных изживших себя демократических течений и, в конце концов, абсолютно утопический дух большевизма.

Словом, я ощутил глубокую потребность в оригинальной идее, способной задать в этот новый исторический период более плодотворный ритм человеческой жизни.

Было необходимо заложить основы новой цивилизации.

Днями напролет наблюдая за ходом событий и переменами, будь то в бодром или упавшем расположении духа, я положил все свои силы на достижение этой цели. Я совершенно и четко осознавал тот конец, к которому стремился. Моей задачей было найти пути, выждать подходящий момент и задать необходимую форму.

Те дебаты, в которых я председательствовал и которыми руководил, укрепили некоторые из моих концепций, которые даже сегодня сохраняют всю свежесть первоначальной идеи. Позднее, когда я снова буду касаться в этом повествовании нынешнего периода своей жизни, я обязательно осветю некоторые подробности эволюции наших планов. На наших собраниях присутствовали различные элементы — синдикалисты, прежние сторонники интервенции, демобилизованные офицеры, все еще не снявшие своей формы, а так же многие участники Ардити, тех самых бравых

передовых отрядов которые шли на врага, вооруженные лишь гранатой и ножом.

Итальянские Ардити стали порождением войны. Идея появилась на свет во времена стремительной боевой горячки и натиска движения Гарибальди и нашла свое продолжение среди героических отрядов городского ополчения, которое процветало во многих уголках Италии в счастливые времена городского самоуправления, коммун. Ардити сослужили первоклассную службу во время войны. Они были отрядами нападения, первой стремительной атаки. Они бросались в битву с гранатами в руках, кинжалами в зубах, с нечеловеческим презрением к смерти, запевая свои превосходные военные гимны. В них были не только чувство врожденного героизма, но также неукротимая воля.

Эта типично итальянская формация выжила и после войны. Первые фашистские ополчения были сформированы преимущественно из таких решительных людей. Они были полны воли и мужества. В первые годы антисоциалистической и антикоммунистической борьбы военные ветераны Ардити сыграли важную роль. Я несколько раз назначался их главой и по сей день ношу почетное звание президента Ассоциации Ардити, которая теперь приобрела исключительно мирный характер, преследуя идею сохранения, целостности присущего им духа гражданского и военного мужества.

Те, кто пришел на митинг в поддержку организации итальянского фашистского ополчения, были немногословны. Они не утомляли себя изложением пустых мечтаний. Их цель казалась ясной и четкой. И заключалась она в том, чтобы отстоять победу любой ценой, сохранить незапятнанной светлую память о погибших, а также сохранить не только восхищение духом тех, кто пал на полях войны, и их семьями, но также искалеченными, инвалидами, словом, всеми теми, кто принимал участие в сражениях. Однако превалирующей была нота антисоциалистического характера, а в качестве политического стремления была надежда на то, что та новая Италия, которая еще будет создана, станет отдавать дань памяти великой победе и будет изо всех сил бороться с изменниками и коррупционерами, против внутреннего разложения, а также интриг и алчности извне.

Были и такие, кто открыто заявлял о том, что не понимает намерений фашизма, а также те, кто верил, что этот сад взрастал без садовника. В то время я был полностью уверен в том, что необходимо без всяких ложных приемов закрепить основную суть нового движения. С этой целью я создал три принципиальных пункта нашей политической платформы. Первый

представлял собой следующее:

«Собрание от 23 марта отсылает свои первые приветствия и самые чистые помыслы сынам Италии, отдавшим жизнь за величие своей родины и свободу всего мира; также калекам и инвалидам, всем, кто сражался, бывшим политическим заключенным, которые исполнили свой долг. Данное собрание объявляет о готовности со всем усердием приняться за удовлетворение материальных и моральных требований, что будут выдвинуты ассоциациями тех, кто был на фронтах сражений».

Второй декларацией итальянское фашистское ополчение заявляло о своем намерении противостоять силам иностранного империализма, угрожающим свободе Италии. Оно принимало верховные постулаты Лиги Наций относительно Италии, а также подтверждало необходимость добиться стабильности на границах между Альпами и Адриатикой с требованиями аннексии для Фьюме и Далмации.

В третьей декларации говорилось о выборах, которые планировалось провести в ближайшем будущем. В этом случае фашистское ополчение заявляло о том, что будет бороться всеми доступными средствами с теми кандидатами, которые представляли собой безвольных итальянцев, независимо от того, к какой партии они принадлежат.

И в заключении речь шла об организации, которая во всем будет соответствовать новому движению. Я ни в коем случае не склонялся к шаблонной бюрократической организации. Мы пришли к тому, что будет весьма разумно, если в каждом из больших городов корреспондент «Пополо ди Италия» станет организатором секции фашистского ополчения с тем расчетом, что каждая такая группа должна стать центром фашистских идеалов, работы и действия. Первые расходы, насчитывающие несколько тысяч лир, были покрыты из ничтожных денежных ресурсов «Пополо ди Италия». Для руководства движением в целом был сформирован центральный комитет.

Забавно вспоминать о том, что это собрание осталось практически незамеченным. Бестолковая ирония социалистов и ограниченная недалёковидность итальянской либеральной партии помешали им осознать всю важность этого события.

«Карьере делла Сера», эта великая либеральная газета, посвятила этой новости около двадцати строк на своих страницах!

Политическая ситуация внутри Италии и ее политический курс продолжали оставаться под сомнением и пребывали в полной неопределенности.

Утрата иллюзий и крушение идеалов было отмечено даже теми, кто

сражался. Ощущение скуки и апатии возобладало над всеми классами, абсолютно над каждым. Церковь, которая в ходе великого европейского конфликта сохраняла полный нейтралитет, теперь предпринимала активные действия для того, чтобы ее голос был услышан во время мирных переговоров, а также ради возможности выдвигать свои суждения относительно всех тех вопросов, что интересовали нации — участниц войны.

В вопросах, касающихся национальной жизни, Церковь ограничилась созданием Народной партии — так называемой Общественной, или Католической, партии. Она хранила преданность некоторым важнейшим пунктам своей программы, касающимся семьи, религии и нации. В то время она оказывала попытки остановить все возрастающее распространение большевистских идей относительно социалистических парламентских систем, которые тогда проводили дезинтеграцию в Риме и провинциях. Но сама по себе Народная партия сошла с рельсов и врезалась в стену, попытавшись помериться силами с самими социалистами. Обладая незначительным и довольно сомнительным патриотизмом, она прямо выступила против фашистов и интервентов. Наряду с другими партиями Народная партия слишком поторопилась с тем, чтобы покончить с военным эпизодом.

Политические волнения, беспорядки и забастовки с некой нездоровой периодичностью попеременно прокатились по всем городам Италии.

Я обязательно должен осветить те обстоятельства, перед которыми мы очутились. Орландо, президент Верховного Совета, в силу своего характера был неспособен справиться с внутренней ситуацией, точно так же, как не мог управляться с внешнеполитическими делами. Его работа была противоречивой, полной фальшивой сентиментальности и не могла охватить истинных интересов Италии. Не зная французского и будучи несведущим в договорах, подписанных с Союзными нациями, Орландо, несмотря на присутствие Соннино, оказывал поистине катастрофическое влияние на ход мирных переговоров в Версале. В том, что касалось непосредственно Италии, Вильсон колебался и не мог прийти к окончательному решению. Дошло до того, что 23 апреля итальянская делегация была вынуждена покинуть Париж. Она возвратилась 5 мая, что представляло собой весьма сомнительную ситуацию. В июне, после голосования палаты, правительство Орландо было отправлено в отставку. Тем временем, также в июне, во Фьюме произошли серьезные столкновения между французскими моряками и итальянскими солдатами.

Никогда еще Италия не находилась во власти человека, чье влияние

было наиболее губительным для ее интересов и программ чем в правление того, кто пришел вслед за Орландо. Это был Нитти.

Он был и остается личностью, являющей собой отрицание любых идеалов жизни и мужественной борьбы. Он был достаточно компетентен в финансовых вопросах. Также он был чрезвычайно дерзок в своих суждениях и донельзя эгоцентричен. Он всегда хотел играть ведущую роль в правительстве, независимо от того, был ли он президентом Верховного Совета или простым министром.

Первым шагом Нитти после прихода к власти было предоставление амнистии, за которой последовали две следующие. Первая носила характер общего принципа, и я поддерживал ее, но предоставлением двух других Нитти совершил величайшее моральное преступление, поскольку упразднил всяческие различия между теми, кто олицетворял собой жертвенное мужество, и теми, кто бесчестно предал нацию в ходе войны и даже перешел на сторону врага!

Вся деятельность Нитти была приманкой для того, чтобы вызвать одобрение социалистов. Он лелеял надежду со временем стать президентом будущей Итальянской Республики. Все принимаемые им меры, ряженные в одеяние демагогии, не препятствовали волнениям и беспорядкам, иногда стоившим жизни очень многим. Он никогда бы не пошел на открытый конфликт с большевизмом и другими разрушительными силами. У него на руках был декрет о цене на хлеб, выпущенный и подписанный королем, но уже на следующий день он был отменен и заменен другим, также подписанным Его Величеством.

Не осталось ни одной стороны национальной жизни, которую он не смог бы выдвинуть на обсуждение. Все это было на руку социалистам. Они посмеивались в рукава, предвидя для себя абсолютный политический успех на предстоящих выборах. Выборы должны будут пройти по пропорциональной системе! Пройдя через эту последнюю битву, социалисты выйдут из нее полными хозяевами политической жизни Италии!

Мне кажется, что это время стало для нас летом мучительных решений.

В июне 1919 года в Версале был заключен мирный договор с Германией. Это событие стало для Европы концом кошмара. Непрерывные жалобы, замечания и протесты Германии и распри между союзниками составляли постоянную угрозу и служили поводом для беспокойства многих наций. Однако одновременно подписание договора служило для них своеобразным освобождением.

Для Италии, напротив, это событие стало полным крушением ее

идеалов. Мы выиграли войну, но были наголову разбиты в дипломатических сражениях. Кроме Зары мы полностью теряли Далмацию, которая была нашей по традициям и истории, по манерам и обычаям, по языку и неослабевающему, пылкому стремлению жителей этого края к своей родине. Судьба Фьюме, самого итальянского из всех городов, все еще оспаривалась. Колониальные проблемы были решены для нас самым что ни на есть отрицательным образом. Для могучей и плодородной нации, подобной нашей, которая на основании многочисленности населения нуждалась в сырье, выходах на более обширные рынки сбыта, земле, были пожалованы лишь незначительные поправки в области границ, тогда как излишки колониальной добычи прошли мимо нас.

Я чувствовал, как недовольство просачивается сквозь массы и заражает даже самих борцов. И снова Италия, вложившая в военный конфликт людей, средства, свое наследие и юность, вышла из мирных переговоров с пустыми руками и лишенной всяческих иллюзий.

Правительство Нитти, постоянно игравшее на пессимистических настроениях, не могло сделать ничего лучше, чем описать сложившуюся ситуацию как близкую не только к экономическому, но и политическому банкротству! Сам Нитти, а также его газеты и его приспешники пытались внушить итальянцам веру в то, что Версальский договор был для нас самым наилучшим результатом из достижимых. Чувство глубокого унижения медленно распространялось по всему полуострову, но также существовали многие, кто не хотел принуждать себя смириться с трагическими фактами. Никто лучше Меня не знал тех многих отчаянных стремлений, обдумываемых в зловещей тишине.

Правительство следило за поворотом волны настроений, практически не имело понятия о том, что предпринять, кроме подготавливать и проверять механизмы закона о выборах при по мощи низкой пропорциональной системы. Все больше углубляя состояние распада, правительство пришло к небывалому решению о демобилизации авиационных лагерей, но точка была поставлена в августе 1919 года, когда было опубликовано сообщение Комиссии по расследованиям относительно горького эпизода в Капоретто.

Я подумал тогда: «Вот то самое масло, которое подлили в огонь!» Социалистическая газета «Аванти», которая в то время издавалась в трех выпусках, — один в Турине, другой в Риме и третий в Милане — начала яростную кампанию против армии. В связи со стачкой типографских работников «Аванти» была единственной публикуемой в Риме газетой на

протяжении двух месяцев! Во время уличных демонстраций офицеры были подвергнуты оскорблениям и нападениям просто потому, что были в форме. Благоговение перед достоинством нации не позволяет мне рассказать об эпизодах, которые теперь представляют собой наихудшие из самых омерзительных и постыдных действий. Немногочисленные фашисты, осуществившие акт веры в марте 1919-го, теперь сталкивались в своей работе с чрезвычайными трудностями. Их изолировали, на них совершали нападения, за ними шпионили иногда подрывники, а иногда и правительство.

Ежедневно в «Пололо ди Италия» я писал об огненной бане, сквозь которую вынуждены проходить наши бойцы, о воодушевленных гордостью добровольцах, о необходимости согласия, о неизменной враждебности правительства, которое не ощущало красоты и величия духа патриотического героизма. Проживающий в Риме поэт Габриеле д'Аннунцио написал, что одобрение моих «метких выстрелов заставляет его дрожать от восторга».

Но несмотря ни на что победа с каждым днем теряла свои лавры. Национальный парламент занимался обсуждением и утверждением новых законов о выборах. Беспорядки и шантаж со стороны правительства были обычной повесткой дня. Дебаты носили мелочный, склочнический характер, а также отдавали гнилостным запахом подлого мира, который будто бы ничего и не знал о войне, доблести и героизме.

«Выборы, выборы и только выборы! — думал я. — Это единственная возможность совершить переворот в итальянском парламенте!»

Во Фьюме происходили столкновения между итальянскими и французскими моряками, и население города не скрывало растущей враждебности по отношению к Антанте. Однако позднее было решено ввести в город гарнизоны смешанных корпусов ее войск. Таким образом, Фьюме, город с исключительно зрелыми проитальянскими настроениями, превратился в мозаику разнообразных войск. Подобное решение было вершиной недалекости и, более того, откровенной глупости.

Д'Аннунцио, измученный одиночеством, говорил мне, что был погружен в мрачные раздумья относительно взятия Фьюме силой. По его мнению, иного выхода не оставалось. Все казалось потерянным. С поэтом осталась лишь горстка преданных людей. Но они также были наиболее благонадежными элементами нашей армии. Это были старые добровольцы. И они были фашистами, снова ощутившими в удушливой атмосфере улиц Рима и других городов поэзию войны и победы. И, вооружившись, они выступили из Рончи.

Оккупация Фьюме в тот момент, когда английские моряки уже готовы были покинуть город, была стремительной и устрашающей. Как только правительство узнало правду о событиях, то сразу же захотело бросить все силы на отклонение рейда. Оно задумывалось о блокаде, посылая громы и молнии на головы бунтарей. Но д'Аннунцио и его легионеры, подготовившись к своей акции тайно, теперь открыто бросали перчатку дерзкого вызова безрассудству и бессилию Нитти.

Перед тем, как выступить из Рончи, Габриеле д'Аннунцио написал мне следующее письмо:

«Дорогой соратник, жребий брошен. Завтра я возьму Фьюме силой оружия. Да поможет мне Господь, хранящий Италию!

Я поднялся с постели с горячкой, но откладывать нельзя. И снова дух возобладал над презренной плотью.

Отредактируй статью, которую собирается опубликовать твоя «Народная газета»; напиши свое заключение.

Освещай все события в ходе конфликта без всякого ограничения.

Обнимаю.

Искренне твой *Габриеле д'Аннунцио*.

11 сентября 1919 года».

Обстановка в Италии, так долго сдерживаемой и унижаемой, наконец-то накалилась до предела и низвергла огонь подобно Везувии после заявления о походе д'Аннунцио. И снова мы услышали возвышенную мелодию братства и воодушевления. Мы снова ощутили дух мая 1916 года. Лучшие люди Италии ощутили дыхание поэзии, пришедшее вслед за этим священным актом свободы, осуществленным прямо перед носом правительства Нитти.

Фашисты также были среди наиболее решительных легионеров Фьюме, а дома возглавляли сопротивление силам старых и новых капитулянтов. Итальянские колонисты со всего мира, те, которые с тревогой и невыразимым страхом следили за переговорами в Версале, высылали огромные суммы денег в поддержку экспедиции д'Аннунцио. Фьюме интуитивно ощутил приближающееся спасение. Там с неистовым воодушевлением прошли манифестации. Отвага и мужество восстановили справедливость; у города появилась мощная оборона, способная противостоять силой оружия и храбростью любым попыткам вмешательства со стороны Нитти или международных сил.

В парламенте президент Верховного Совета Нитти занял в отношении данного прецедента достаточно постыдную позицию. Он призывал к

опасным идеям протеста, которые должны найти выход во всеобщей стачке. В своей двусмысленной манере он вызывал классы, склоняющиеся к идеям социализма, а особенно самих социалистов и радикалов, проводить агитацию в поддержку уличных демонстраций протеста против предприятия д'Аннунцио.

После переговоров с югославским министром Трумбиком Нитти увидел, что все расставленные им скользкие сети из унижительных умозаключений пошли прахом по воле горстки храбрых парней.

Нитти думал и действовал под влиянием чисто физического, животного страха. Атакованный по всем фронтам и взбешенный крушением своих безумных и жалких мечтаний, он использовал все подручные средства, чтобы преодолеть сопротивление фьюмских легионеров. Солдаты были объявлены дезертирами.

Город был обложен блокадой, чтобы воздействие экономического давления выжало из жителей города остатки вольнолюбивого духа. Парламент был распущен, а выборы назначены на 16 ноября 1919 г. в соответствии с все той же пресловутой пропорциональной системой.

На какой-то момент грядущие выборы установили очевидное перемирие. Каждая партия стремилась к ограничению масс и группировок. Социалисты, спекулировавшие на бедствиях войны и указывающие на опасность новой войны благодаря действиям д'Аннунцио, были фаворитами этой гонки. Церковь, которая всегда занимала в политике сомнительное положение, через сельских священников активизировала свои действия для того, чтобы Народная партия, которая по сути своей создавалась приверженцами католицизма для осуществления церковной политики, могла играть ведущую роль в парламенте. Либералы, демократы и некоторые радикалы сформировали собственный блок, который прошел под названием Силы Порядка. Но это была ненадежная сила, лишенная идейного базиса и конкретных целей. Данный блок представлял собой еще одну группировку из множества других группировок, за чьими бесплодными потугами я наблюдал в течение многих лет.

Я хотел, чтобы фашисты также испробовали свой шанс на выборах. Мы не вступали в союз ни с одной из существующих партий, даже с самой близкой по духу — националистами. Все было против нас, но необходимо было произвести подсчет наших человеческих ресурсов. Было важно понять, пусть даже посредством выборов, какой точки достигла итальянская нация в своей моральной дезинтеграции и своем же моральном пробуждении в качестве победоносной нации. Я учредил избирательный комитет с незначительной материальной основой, но

настоящим изобилием мужества. Также я отдал распоряжение о проведении митингов во всех главных городах Италии, но особенно в Милане.

Особенно живо я помню митинг на Пьяцца Белиджиозо. Насколько характерным он был! Он проходил в отдаленном уголке старого Милана, где с грузовика, использовавшегося в качестве трибуны и под покровом ночи, освещаемый факелами, я обращался к огромной, плотной толпе. Здесь были не только миланцы, но и жители Других городов. Фактически фашистские организации Болоньи, Турина. Рима и Неаполя послали сюда своих представителей, чтобы иметь четкие правила и надежные директивы для предстоящей предвыборной битвы.

По этому случаю я выступил с декларациями некоторых принципов, которые и поныне остаются насущными для фашизма. Они служили мне ориентиром во всех моих политических акциях.

Я говорил, что революцию не стоит отрицать априори, что идея может и должна обсуждаться. Я сказал, что итальянцы не должны обязательно копировать русский большевизм. В нашей истории политических сражений существуют собственные элементы великих идей. Они придавали духу времени всю мощь итальянского гения, а также силу мужества, характерную для нашей нации.

«Если революция и должна состояться, — продолжал я, — необходимо, чтобы она была типично итальянской, основанной на внушительных идеях Маццини и проникнутой духом Карло Пискане».

В моем уме, чистая и могучая, уже выкристаллизовалась идея абсолютного бунта против устоев старого немогущего государства, которое не знало, как ему умереть.

Выборы 16 ноября прошли, и фашисты были повержены. Я, да и все мои товарищи, оказались перед лицом полного поражения. Никто из нас не набрал необходимого количества голосов, чтобы пройти депутатом в парламент. Некоторые националисты сохранили свои позиции в Риме, а позднее стали превосходными выразителями национальной идеи в состоянии всеобщего замешательства. Что касается Милана, то я не добрал значительного количества голосов, необходимых для того, чтобы быть избранным. Подобный опыт, несомненно, является трагическим, но течением времени он оказывается вполне занятным и может стать общим воспоминанием для всех неудачников.

Теперь наши тревоги были достаточно глубоки и обоснованны. Основная масса населения выражала антифашистские настроения. Население было до отказа напичкано печальными иллюзиями, а в его умах

шевелились нерадостные надежды. Приближение большевизма! Планы захвата и национализации промышленности, установление власти Советов в Италии!

«Аванти» уже опубликовала основную схему и ее детали. Мое поражение абсолютно не беспокоило меня из личных соображений. Оно дало мне ясное и четкое понимание всей отчаянности нашей ситуации. По этому поводу социалистическая газета поместила короткую заметку обо мне: «Мертвое тело было выловлено в районе Навильо». В ней говорилось, что ночью из благообразного канала Навильо, который пересекает Милан на две части, было поднято мертвое тело. Также упоминалось, что, согласно документам, оно может быть идентифицировано как тело Бенито Муссолини, его политический труп. Они не говорили, что его глаза пристально всматривались в будущее.

Посреди всеобщего триумфального ликования социалисты не забыли разыграть самые обыкновенные похороны. Этот парад прошел улицами города вместе с гробом, окруженным зажженными свечами. В воздухе носились непристойные псалмы. Однако участники странной процессии выражали фальшивое, наигранное страдание; они прошли весь Милан вдоль и поперек — теперь это был город с абсолютным, подавляющим большинством социалистов. Процессия прошла под окнами дома, где в опасениях и страхах среди всеобщего беспокойства, ощущая дрожащую в воздухе ненависть, жила моя семья. Я не забыл этого эпизода, но всегда представляю его себе в этом ракурсе — как яркое выражение ничтожества и ограниченности участников парада.

Выборы предоставили социалистам 150 мест в парламенте. Они сами испугались своего внезапного успеха. Ситуация была спасена югом Италии, всегда более преданным интересам людей, нежели организованных массовых партий.

Само собой разумеется, что победа породила в большинстве социалистов желание властвовать. Оно только придало размах их дерзкому злоупотреблению властью. Обширные процессии с красными флагами, ревушие на улицах, забастовки, устраиваемые не столько из протеста, сколько ради праздничных торжеств, заняли целую неделю.

В Милане тридцатитысячная толпа требовала, чтобы над зданием муниципалитета был вывешен красный флаг. Во время всей этой петушиной возни вокруг победы работа всех учреждений, процессуальные нормы и положения, а также организованная, упорядоченная жизнь были выведены из строя.

Никто даже не думал о работе. Это было самым последним делом!

Лишь мужественное меньшинство, сформированное фашистами, Ардити и фьюмскими элементами, устояло перед этим соблазном. И это спровоцировало инцидент. Были подброшены бомбы, в результате чего несколько человек были убиты, а десятки получили тяжелые ранения. Делегация, состоящая из членов парламента социалистов, возглавляемых Филиппо Турати, маршем прошла по лестницам префектуры, резиденции губернатора Милана с требованием моего ареста, а также ареста всех остальных фашистских вожаков.

Это был случай политического партизанства, бесполезного и злонамеренного. Власти проявили слабость и страх. Они хотели умиловить социалистов. Но мой ясный и четкий политический курс не пострадал от этого превышения власти. Отпущенный на свободу после единственного дня заключения, я обсудил со своими соратниками всю ту работу, которая предстояла нам. Что мы должны делать теперь? Что можем предпринять до того, как вред, нанесенный Италии, не станет непоправимым?

Трагедия прошедших выборов подорвала деятельность наших центральных комитетов. Многие были арестованы; многие скрылись под давлением угроз. Но мало-помалу равновесие было восстановлено, а я выткал в «Пополо ди Италия» новую материю нашего предприятия и пытался заново построить структуру организации. На различных собраниях я объяснял всю опасность ситуации, в которой оказалась Италия. Я говорил независимо от обособленной позиции фашистов.

Победа социалистов представляла собой угрозу не столько как сам факт, но как невиданное отступление в свои убежища всех слабых и недееспособных, последовавшее сразу за этой победой. Она сокрушила либералов и демократов. Некоторое время тайная пропагандистская литература низкого пошиба распространяла истории о тревожных событиях в побежденных Германии и Австрии. В ней все время крутились описания судеб профессоров, вынужденных становиться слугами и судомойками, русских княгинь, идущих в простые балерины, генералов, продающих спички на улицах. Все это наряду с победой социалистов спровоцировало волну страха, прокатившуюся по всем без исключения классам, и я мог наблюдать невеселое зрелище все возрастающей коррупции и полного политического паралича. Старые партии были повержены по-воровски вкрадчивым социализмом. У такого социализма не было цели. Он добился победы лишь благодаря трусости всех остальных и массовым волнениям среди населения. Разумеется, он не победил на основаниях каких либо деклараций, внушающих великую веру в будущее.

Все это время я ни на секунду не сворачивал своих знамен. Из своей редакции, которая со временем все больше пустела, я обращался к реднеющим рядам своих читателей с самыми резкими и суровыми призывами сопротивляться, сопротивляться и еще раз сопротивляться до конца.

Я превратил свою редакцию в род небольшой крепости. Ежедневно газета переживала секвестры и придирчивость цензуры, но, несмотря на все трудности и недостаток средств, мне удалось сохранить жизнь своей маленькой газете. Мое горло сдавила костлявая рука нищеты. Я должен был обанкротиться, но держался на плаву.

Для того, чтобы и вовсе изъять мою газету из печати, ко мне наведывались различные посланцы от правительства Нитти и советовали мне отправляться изучать автономные республики юга России. Я понимал, что ведется двойная игра. Они вели себя со мной так же, как с д'Аннунцио, когда советовали ему совершить перелет из Рима в Токио. Но он все еще удерживал сопротивление во Фьюме, а я со своей газетой обновлял и реорганизовывал поредевшие ряды фашистов. Я постоянно проводил собрания, ни на минуту не прекращая деятельность. Обо мне нельзя сказать, что я убоился взглянуть в лицо победоносному зверю.

Однажды, вскоре после выборов, согласно предписаниям почты, я вынужден был лично отправиться к окошку денежных переводов главного почтового отделения Милана. Я должен был получить значительные взносы, которые итальянцы из заокеанских колоний присылали в поддержку фьюмского предприятия. Огромные здания Центрального почтамта все еще хранили видимые следы выборов — шепот дискуссий, шаблонные надписи на стенах были тут как тут. Я и мой брат Арнальдо придвинулись к окошку денежных переводов.

Клерк из большевиков с очевидной иронией попросил меня представиться, а затем заявил, что не знает «никакого Бенито Муссолини». Возникший между нами спор привлек внимание других большевистских элементов, которые забавлялись тем, что подтверждали, будто никто из них не знает никакого Бенито Муссолини. Развитие этого самым наглым образом провоцируемого спора было остановлено старым почтовым клерком, верным слугой государства, который, естественно, не подпал под влияние успеха социалистов.

Он сказал: «Выплатите этому человеку перевод и не глупите. Имя Муссолини известно не только здесь и сейчас, но вскоре будет на устах всего мира».

Я так и не узнал имени этого сеньора. Он был личностью прямой и

честной.

Теперь можно было констатировать отдельные симптомы реакции, направленной против победы социалистов. Однажды в редакции газеты, оказавшись перед лицом тревог моих соратников и сомнений некоторых нерешительных сотрудников моей газеты, я почувствовал необходимость открыть перед ними свои надежды и чаяния:

«Не бойтесь, Италия оправится от этой болезни. Но без нашей бдительности болезнь может оказаться смертельной! Мы выстоим! Мы будем сопротивляться! Это говорю вам я! И не пройдет и двух лет, как я наверстаю упущенное!»

Глава VI

Смертельная битва погибающей демократии

Я мало сомневался в том, что все второстепенные партии и парламентское правление погибнут от тех же самых симптомов и с теми же типичными признаками распада.

Я был свидетелем одной такой смерти и присутствовал, чтобы слышать хриплые стоны предсмертного дыхания. Но это было в те времена, когда наши души прошли суровые испытания. Мы видели, как перед нашими глазами проплывает чудовищная панорама хаоса и сил зла, пустившихся в галоп, который было бы просто глупо сдерживать, и вне всяких слов трагический для каждого, кто любит свою страну. Прежде всего, данные силы были незначительны и притворны.

Политические выборы, прошедшие 16 ноября 1919 года, придали политической жизни Италии лишь показную видимость спокойствия. Ни одна из насущных проблем внутренней и внешней политики, требовавших быстрого, храброго решения, не была поставлена даже на рассмотрение. Все было подчинено схватке между политическими партиями. Это было обычное волнение, вызванное неуместным пророчеством, касающимся новых правительственных комбинаций.

Доминирующее положение занимали социалисты. Они постоянно изводили правительство, пока не было принято решение, касающееся отношения к левым радикалам — коммунистам.

Нас ожидала тронная речь по случаю начала двадцать первого срока правления законодательной власти. Эта церемония вызывала некоторое беспокойство со стороны Нитти. Он попытался взять социалистов под контроль. Но они не смогли сдержать враждебной холодности по отношению к королю. Меня предупредили заранее, что они откажутся присутствовать в зале во время речи короля.

В день открытия палаты, когда король торжественно входил в зал парламента, какой была реакция? Социалисты, с красными гвоздиками в петлицах, покинули зал группами, распевая гимн рабочих и Интернационал. Вместе с ними, являя убогое зрелище сомнительного политического вкуса, зал покинули республиканцы, центристы и представители левого крыла.

Тронная речь не несла в себе четко определенной позиции в отношении

подрывных сил, которые угрожали не только национальному единству страны. Она не учла вопроса Фьюме — того факела, который поддерживал огонь нашего национального духа. В этой речи не признавались даже некоторые суверенные прерогативы. Она уступала добрую долю монаршего наследия в пользу ветеранов войны, инвалидов и солдат, поскольку они также проявляли признаки очевидного беспокойства. Более того, в то время, когда внешняя политика пребывала в хаотическом состоянии, а экономический кризис превратился в серьезную угрозу, я не видел практически ничего, кроме ничтожных уловок и маневров в парламентских коридорах и гардеробных ради победы в старой, как мир, омерзительной борьбе за власть и правительственные должности.

В течение первых трех месяцев правительство Нитти трижды терпело поражение на пути вступления в палату. Оно изжило себя, а затем было переизбрано.

«Стампа», одна из старейших газет Пьемонта либерального характера, изъявила желание осудить войну. Она стремилась приписать лавры триумфа человеку, который был главным основоположником и проповедником нейтральности, — Джованни Жиолитти. Церковь совместно с Народной партией желала извлечь предельную выгоду из необычной ситуации. Социалисты показали себя откровенно слабо подготовленными к победе. Она только лишь завлекла их в водоворот проблем. Мне было известно, что они не могут установить равновесие между коммунистами и правыми радикалами. С одной стороны была нация, а с другой — политика, бесполезная, пустая политика.

Тем временем во Фьюме Габриеле Д'Аннунцио вместе со своими легионерами противостоял лъстивым уговорам тайных политических агентов, которые, как было известно всем нам, были заброшены в город и также участвовали в сопротивлении блокаде. После поражения в выборах 16 ноября 1919 года в рядах фашистов снова начались брожения, и наступило повсеместное затмение, а атмосфера оставалась мрачной от эгоистичных, низких, трусливых настроений.

Но, несмотря на все это, мы смогли различить свой путь.

Реорганизация фашизма не была делом непреодолимой трудности, поскольку фашистское ополчение — Союз борьбы — научилось дисциплине и приобрело воодушевление; мы смогли пережить шок от превратностей предвыборной гонки. А с другой стороны, некоторые проявления новой властной стратегии проявили себя во Флоренции, где в октябре 1919 года состоялся первый международный митинг участников движения итальянского фашистского ополчения. Что это был за митинг!

Приверженцы идеи вынуждены были отстаивать свободу собраний при помощи револьвера. Флоренция, город с укоренившимися традициями добра и гостеприимности, принял фашистов с небывалой враждебностью. Засады! Провокации! Но, несмотря на все преграды, митинг все-таки состоялся. Наши друзья смогли взять на себя контроль над ситуацией. С огромным трудом им удалось сломить сопротивление и подавить ничем не обоснованную враждебность наших оппонентов.

Митинг во Флоренции позволил открыто заявить о насущных проблемах нашего правительства. 9 октября я положил начало этому процессу, произнеся откровенную, ничем не приукрашенную речь. Я выступил с четким призывом ниспровергнуть деструктивные силы нации. На следующий день после острой, искрометной речи поэта Ф.Т. Маринетти секретарь Паселла обнародовал резолюцию, в которой члены фашистского ополчения требовали права провести в Италии фундаментальные трансформации на уровне государства. Это была четко определенная программа политической стабильности и рациональности, нацеленная на создание принципиально новой социально-экономической структуры государства.

Я разъяснил и довел эту цель до конца. Если бы тот конец, которого я ожидал, сейчас обнаружил пути, которые приведут к развитию моей личности, тогда, несомненно, это произойдет в данный период проблем и испытаний, проб и ошибок, где я смогу прийти к наиболее важным и значимым вехам этого пути.

Программа фашистов нашла одобрение в массах. Но, конечно же, продолжали существовать скрытые опасения по поводу установления фашистского режима. Кроме того, к проблеме режима присовокуплялась еще одна, и довольно острая, — проблема статуса. Исходя из этих соображений, во время дневных заседаний десятого октября я лично предложил резолюцию, заявляющую о «принадлежности к движению экономической свободы и автономии рабочих». Мы отослали приветствие «всем многочисленным группировкам рабочих и пролетариата, которые не желают подчиняться диктату политических партий, образованных и контролируемых преимущественно большими и мелкими посредственностями, которые сейчас пытаются, обкрадывая и мистифицируя массы, добиться одобрения». Мне всегда было любопытно, как другие нации не могут прочувствовать подобного.

Весь дух данного собрания, закончившегося приветствием в адрес Фьюме, был таковым, что развеял все изжившие себя концепции о противоречивом характере борьбы.

Я прибыл во Флоренцию по возвращении из Фьюме, куда летал на самолете. Там у меня состоялась продолжительная, эмоциональная и необыкновенно сердечная беседа с Габриеле д'Аннунцио обо всем, чего необходимо добиться в интересах Италии. По возвращении назад мой самолет в связи с приближением бора, ураганного ветра с Верхней Адриатики, вынужден был совершить посадку на аэродроме в Айело, провинции Удин. Нервничая из-за боязни опоздать, я продолжил свое путешествие до Флоренции поездом, куда прибыл как раз вовремя, чтобы председательствовать над митингом и принять, что называется, активное участие в сопротивлении наших сил ожесточенному приему со стороны оппонентов. В глубине души я был взволнован больше, чем все присутствующие. Но в глазах разгоряченной толпы я был патриотом, страстным проповедником сопротивления, тем, кто преуспел в своем деле, изо дня в день писал разгромные статьи в «Пополо ди Италия», приложив силы к началу крушения большевизма. Митинг закончился в фашистском духе; мы поклялись встретиться снова и пообещали друг другу добиться победы любой ценой.

Из Флоренции я на машине отправился в Романью. За рулем был знаменитый атлет Гвидо Панкани, хорошо известный во Флоренции в качестве военного добровольца и искусного пилота. С нами также ехали шурин Панкани Гастон Гальвани и Леонардо Арпинати, из железнодорожных цехов Болоньи, с того времени уже достаточно известный в политических клубах. По прибытии в Фаэнцу мы остановились перед кафе «Орфей», где я встретился и пообщался с некоторыми из своих старых друзей. В продолжение поездки наш автомобиль, идущий на полной скорости, врезался в закрытый шлагбаум перед железнодорожным переездом. Удар был такой силы что первая железная ограда разлетелась на куски, а автомобиль отшвырнуло через рельсы ко второму барьеру. Все мы, за исключением водителя Панкани, были, как игрушечные человечки, отброшены на несколько метров от машины. Я, который совсем не пострадал, и Арпинати, отделавшийся лишь ушибами и ссадинами, стали звать на помощь, чтобы спасти двоих наших друзей, стонущих в агонии. Сбежались люди, раненые были уложены в наш автомобиль, который двое быков дотащили до госпиталя в Фаэнце. Во время хирургических процедур я также оказывал помощь двоим пациентам. Я делал все возможное, чтобы ободрить и утешить их. В конце концов, я снова отбыл на поезде в Болонью. Этот инцидент мог иметь куда более тяжелые последствия, но судьба сопутствовала мне; я чувствовал, что ненависть наших недоброжелателей стала для меня своеобразным

талисманом.

Я уже говорил, как после поражения в предвыборной кампании 16 ноября 1919 года некоторые из моих друзей были напуганы, а другие стали поговаривать о том, как бесполезно, на самом деле, плыть против течения. Они заявляли, и подобные люди существовали всегда, что гораздо лучше прийти к соглашению с оппозицией, которая в те дни держала в руках все стратегически важные политические позиции и доминировала в парламенте. Мне предлагали компромисс, переговоры и соглашения.

Я категорически отвергал какие бы то ни было соглашения. Я ни на минуту не допускал даже мысли о возможности вступить в сделку с теми, кто отрекся от Италии во время войны, а теперь предает ее в мирное время.

Двое редакторов моей газеты «Пополо ди Италья» попросили увольнения. В качестве оснований они приводили то, что их политические взгляды изменились. Они даже обвинили меня в том, что во время предвыборной гонки я использовал денежные фонды, собираемые «Пополо ди Италья», для поддержки обороны Фьюме. Таким образом, мне пришлось испытать довольно горький опыт, будучи вынужденным защищаться от своих бывших друзей.

Я выступил на съезде журналистов Ломбардии, требуя возможности говорить и быть услышанным касательно произошедших перемен. Я был полностью оправдан. Совет вынужден был оправдать меня, повинувшись силе фактов. Но, к слову сказать, не прошло еще и часа после моего триумфа, как те же самые клеветники и недоброжелатели торжественно признавались в своих ошибках.

Но тем временем, под предлогом тех же событий, социалиста ми и членами Народной партии, руководимой церковниками, меня обрушилась небывалая волна возмущения и преследования Ищейки вынюхивали буквально каждый мой шаг. Солдаты и полиция были подкуплены. В моей обыденной жизни, во всех моих поступках и убеждениях усматривался некий тайный смысл и подтекст Обманутые, отвергнутые и просто невнимательные, все те, для кого моя прямолинейная и суровая душа могла представлять хоть какую-нибудь угрозу, ополчились против меня. Но ничего не могли поделать. Несмотря на продолжительную, упорную и самую что ни на есть тщательную слежку, никакой скелет не был извлечен из моего шкафа. Что же касается размещения средств для кампании во Фьюме и прочих неоправданных измышлений, то я напечатал в своей газете документы и свидетельства, которые не могли быть опровергнуты.

Пришедшее тогда убеждение остается неизменным и будет таковым, пока я существую: по причине прямооты и честности я недосыгаем ни для

каких нападков и клеветы. Моя политическая деятельность может оцениваться по-разному, высоко или не очень, люди могут восхвалять меня, а могут и поносить, но все касающееся морали — это совсем другое дело. Люди должны жить в гармонии с той верой, которая двигает их вперед; они должны вдохновляться самой абсолютной объективностью. Истинного политика должны воодушевлять и побуждать к действию гуманизм и благочестивые чувства; он должен испытывать уважение, любовь к своим ближним и глубоко сочувствовать им. И все подобные качества не должны быть запятнаны лицемерием, пустой риторикой, лестью, компромиссами или подобострастными уступками. По крайней мере, на основании этого я по праву могу гордиться тем, что даже сам себя не смогу уличить в неустойчивости собственных моральных качеств и устоев.

Я верю, что это, кроме всего прочего, представляло собой основу и суть моей силы и моего успеха.

Начало 1920 года застало Италию втянутой в наиболее сложные интернациональные перипетии. Пока дипломаты в Парилсе разводили жалкую демагогию, кровоточащая рана Далмации снова открылась, и в этом сказывалось присутствие д'Аннунцио во Фьюме. Что же до социалистов, то хотя они и добились стремительной победы на выборах, но изо дня в день все больше обнаруживали свою неспособность с достоинством закрепить свои позиции в правительстве. Даже наиболее сдержанные и умеренные были ниспровергнуты экстремистами. И в этом не последнюю роль сыграл цветистый миф о Ленине! Либеральная партия Италии утратила все свои прерогативы. Правительство доживало последние дни и держалось на плаву исключительно милостью политических провокаций и шантажа со стороны тех, кто добивался особых преимуществ. Парламент неистовствовал, а на улицах происходили беспорядки политического характера.

При сложившихся условиях необходимо было бороться, даже несмотря на то, что иногда победа казалась чрезвычайно трудной и почти недостижимой. Я начал год статьей, которая называлась «Давайте плыть». В ней говорилось: «Сегодня две религии соперничают друг с другом за власть над миром — черная и красная. Нынче циркулярные послания отправляются нам из двух ватиканов — того, который в Риме, и того, что в Москве. Мы объявляем себя еретиками в отношении этих двух направлений».

Мы не заразились этой болезнью. Исход борьбы имеет для нас второстепенное значение. Для нас борьба ценна сама по себе, даже если

она и не увенчается победой.

Сейчас мир носит странное сходство с тем, в котором жил Юлиан Отступник. Грядет рыжеволосый Галилей! Одержит ли он новую победу? Или победителем станет тот монгольский Галилей, что находится в Кремле? Осуществится ли крах того мужественного и героического, что несет в себе свободолубивая мысль?

Эти вопросы тяготят беспокойный, мятежный дух наших современников.

Но сейчас необходимо развернуть корабль! Даже против течения. Даже против ветра. Даже если одиноких и гордых еретиков ожидает кораблекрушение».

Времени было слишком мало, чтобы расходовать его на то, чтобы останавливаться на подобных заумных дискуссиях. События самым жутким образом начинали оборачиваться против самих себя. В январе после резких дебатов и прений оказалось невозможным избежать угрозы железнодорожной забастовки. Вскоре за этим последовала всеобщая стачка работников почты и телеграфа, продлившаяся шесть дней. Она не только навредила частным интересам граждан, но и дезорганизовала государственные коммуникации. Эти события разрушили весь запас идей, что усугубилось более чем деликатной международной обстановкой. «Аванти», официальное издание социалистической партии, редактором которой я когда-то был, написала по этому случаю, что почтовые отделения, телефон и телеграф являются излишествами новой эпохи; что древние цивилизации достигали величия и без телеграфных аппаратов Кто знает, была ли эта чушь плодом шутливого сарказма или одним из проявлений давно известного идиотизма, которым склонны страдать экстремисты?

Официальными основаниями для агитации всегда были экономические причины, но в действительности конец всегда носил политический характер. Истинным намерением было нанести прямой удар государственной власти, направленный против среднего класса и дисциплинированного порядка, с целью установления в Италии власти Советов. Именно эта незатейливая цель крылась за всеми украшениями и масками. Слишком слабо осознавалось, с какой легкостью массовые беспорядки могут привести целую нацию путем контроля над ее финансами, коммуникациями и городами в руки тиранического меньшинства.

Посреди всеобщих трудностей и трусости, жалоб на несостоятельность, пустой болтовни надоедливых критиков я, оставшись почти один, имел

храбрость писать о том, что государственные чиновники, даже будучи правы относительно бездеятельности правительства, в любом случае ошибались в отношении нации. Навязывать людям покорность угрозами все новых забастовок, попирая права большинства означало уводить нацию от современной цивилизованной жизни во времена племенных конфликтов.

«Разногласия, — писал я в своей газете 15 января 1920 года, — существуют между народом и правительством. Истинный страдалец тот, кто вынужден страдать даже после того, как заплатил свою цену, который не избегнет участи заплатить еще больше. И этот страдалец — итальянская нация, причем слово «нация» понимается в смысле человеческого сообщества». Далее я добавлял: «Материальные убытки от стачек подобного типа чудовищны, неисчислимы. Но моральный вред как дома, так и за рубежом куда более огромен. Момент, избранный для забастовки, придает ей характер искренней и полноценной поддержки империализма союзных наций. Это и есть кульминационный пункт парижских переговоров. Этот момент таков, что возбуждает лишь один вопрос — как, в конце концов, установить мир. Почему бы работникам почты, телеграфа и телефонных служб не подождать еще две недели до возвращения Нитти из Парижа? Было ли так «предопределено», было ли это «неизбежностью», что время ультиматума правительству должно было припасть именно на тринадцатое? Все это только подтверждает злонамеренный и враждебный политический характер событий».

По воле Всевышнего уже двадцать первого января забастовка работников почты и телеграфа подошла к концу, но уже девятнадцатого января началась забастовка железнодорожников. Она была абсолютно бесполезной. Лидеры красного синдикализма желали заявить о себе любой ценой, даже ценой чувств и интересов самих рабочих. Я назвал эти забастовки «чудовищным преступлением против нации». Страна была на грани распада. Италия находилась в цепких когтях хаоса и насилия; иностранцы покинули наши прекрасные курорты и живописные уголки; приостановка кредитования посеяла панику среди банкиров, в то время как катастрофические слухи господствовали над всем мировым сообществом, все более и более осложняя наши дипломатические переговоры.

В самом эпицентре наиболее разнузданного эгоизма фашисты твердо держались своего места во время стачек общественных служб. Я никогда не забуду, как отдельные группы наших людей, вдохновленных верой, достойно исполняли свой долг во время данных агитаций. Они с твердой решимостью смотрели в лицо оскорблениям и угрозам со стороны своих

бастующих соотечественников.

Тем временем перед лицом благородного возмущения общественного мнения некоторые социалисты стали чувствовать себя неловко. Они старались перенести всю ответственность на своих лидеров, которые провозгласили стачку. По этому случаю 21 января в «Пополо ди Италия» мною была опубликована статья под заголовком «Слишком поздно!». Я вывел на свет божий при помощи слов, которые позже окажутся пророческими, истинное положение социализма.

«Туратийцы. — писал я, — а этим словом мы обозначаем всех, Кто является сторонником Филиппо Турати, лидера правого крыла, признали своего руководителя, но должны были очнуться немного раньше. Сейчас машина со всей скоростью мчится под уклон, реформистские тормоза еще срабатывают, но уже не могут удержать ее; более того, этот процесс истощает силы тех, кто сидит на рычагах. А внизу находится несокрушимая, массивная стена, о которую эта самая машина разобьется вдребезги. Но из руин поднимется мудрость. То же самое когда-то сказал французский баснописец Лафонтен:

«Однако было бы предпочтительнее, чтобы болваны учились уму-разуму, не вовлекая нацию в разруху и нищету».

Забастовка железнодорожных рабочих продолжалась до 29 января, и все это время дипломатические дискуссии приближали нас к губительным компромиссам в нашей внешней политике. Примерно в это же время однообразную атмосферу классового конфликта всколыхнуло событие, окрашенное высочайшим идеализмом. Было решено, что бедствующие дети из Фьюме будут перевезены в Милан. Они переживали все бедствия взятого в блокаду города, оставшегося без экономических ресурсов: они были брошены на милость собственной несчастной судьбы. Уже дети Вены, сыновья и дочери наших врагов, нашли в Милане приют и душевное тепло. Разве невозможно было найти толику любви и жалости для итальянских детей Кварнеро? Это доброе дело, осуществленное фашистами с согласия фьюмского командования, прогремело на всю Италию. Массовые ликования приветствовали этих детей на каждом перекрестке и на всех промежуточных пунктах их пути. Однако, цензоры от прессы не позволили нам описать триумфальное путешествие этих детей.

Это составляло неотъемлемую часть программы, призванной систематически угнетать наш дух и всегда носившей отпечаток политического ремесла Нитти, подобно безобразному клейму на свинцовой ложке.

Этот человек, в надежде оправдать свою низкую и нелепую дипломатию, осмелился произнести в палате речь, касающуюся фьюмского вопроса, с дружественными интонациями в пользу славян, в то самое время, как Вильсон настаивал на своем еще более диком проекте создать из Фьюме и Зары два отдельных, изолированных, рудиментарных вольных города под властью и контролем Лиги Наций!

На следующий день, восьмого февраля, моя газета поместила на первых страницах следующий заголовок: «Гнусная речь Х.Е. Кагойя — Улитки». Этой фамилией Габриеле д'Аннунцио окрестил Ф.С. Нитти, и прозвище приобрело популярность. Заголовок сопровождался короткой редакционной статьей, озаглавленной «Жалкий». Вновь в нескольких словах обратившись к болезненной теме парижских переговоров, я продолжал в таком духе:

«Истина заключается в том, что Нитти готовится к возвращению. Он отправляется в Париж, чтобы расстаться там с последней рубашкой. Перед лицом упрямой югославской непримиримости наш Кагойя не знает ничего лучшего, чем причитать, скулить и соглашаться. Сам тон его речи отдает подлостью, чудовищной подлостью. Ни в побежденной Германии, ни в Австрии не было такого подлого, коварного министра, как Нитти. Если бы таковой был, то не задержался бы долго на своем посту. Этот же является министром дезертиров, провокаторов; это министр Модильяни, человек, жаждущий мира любой ценой. Стараясь постоянно помнить о том, что целями Италии были Тренто и Триест, Кагойя предлагал оружие югославскому сопротивлению.

Мирный договор 1866 года просто шедевр в сравнении с тем, что предлагает нам Его Ничтожество. Во время следующей поездки в Париж Кагойя откажется еще от чего-нибудь. Может, от Зары? А может, от Валлоны? Кто знает? Все возможно. Вполне вероятно, что он также уступит и Горицию. Возможно, и Монфалькон. И почему бы не уступить линию Таглияменто? Может, только такой ценой мы сможем рассчитывать на дружбу с Югославией!

Перед лицом подобной подлости мы чувствуем, что лучше бы нам быть гражданами Германии министра Носке, нежели подданными Италии министра Кагойя.

Мы пережили времена скорби и позора; они были гораздо страшнее Капоретто, значительно хуже Абба Карима!

Мы вновь соберемся с силами, но сначала заставим кое-кого заплатить».

Внутренняя и внешняя политика, проводимая правительством в это

время, не могла не спровоцировать жестких дискуссий среди газет, отражающих разнообразные тенденции национальной жизни. «Стампа», во главе которой стоял сенатор Фрассати, который через некоторое время должен был отправиться в качестве посла в Берлин, стала одной из моих мишеней. Я с неистовством атаковал ее из-за принятой ею программы.

Она строила из себя заступницу отечества, но нелишне будет заметить, что сенатор Фрассати был противником участия Италии в Мировой войне. Он всегда предпочитал держаться в стороне от наиболее кровопролитных и трагических периодов в жизни Италии. Следовательно, он был последним из тех кто мог бы стать спасителем отечества, в то время как мирный договор с врагами должен был быть заключен после победоносного окончания нашей войны.

«Карьере де ла Сера», представляющая и выражающая мнение подавляющего большинства так называемой либеральной общественности, являлась защитницей судилища, устроенного Вильсоном над Фьюме и Далмацией, и также поддерживалась прозой Альбертини, который следовал разрушительному курсу, вдохновленному Сальвемини и Нитти. Красное издание «Аванти» воспользовалось всей этой полемикой и клеветническими обвинениями в мой адрес, чтобы окончательно дискредитировать меня перед лицом общественности. И вся эта кампания, тщетная и безрезультатная, поддерживалась даже прессой Народной партии. Но важнее всего было то, что она использовалась против восходящего фашизма и против победы в войне.

Забастовки представляли собой яростные, постыдные столкновения между полицией, солдатами и горожанами; бесконечные парламентские дебаты были отмечены кулачными боями и схватками на арене палаты. Все это представляло собой жалкое зрелище, унижительное не только для граждан и правительства, но и для нашей политической жизни в целом.

В короткий промежуток времени, состоящий всего из нескольких месяцев, страну поразили три правительственных кризиса, но Нитти всегда возвращался к власти. Как и всегда случается с демократией, опьяненной компромиссом принципов, очень остро встал вопрос о взаимных уступках, и к тому же значительных. Напрасный, бесполезный. Никто даже не думал о перестройке социального порядка нации, выигравшей кровопролитную войну и вынужденной принимать во внимание то, что живет в постоянно меняющемся, подвижном мире.

Фашизм, единственный маяк в океане трусости, компромиссов и туманного, преображенного идеализма, закалил свою волю в битвах; он был побежден всего лишь слепым большинством. Я был яблочком

мишени, избранной правительством Нитти. Он спустил на меня всех своих собак, в то время как его журналисты тщетно пытались занести на мой счет какие-либо противоречия в политических вопросах. Социалисты, памятуя о моей моральной и физической устойчивости, подвергли меня мщению и остракизму. По крайни мере, хорошо то, что они всего лишь таякали из подворотни. Они сохраняли предосторожность и старались держаться подальше от реальных событий.

В течение одного из многих вечеров, когда Милан находился во власти этих мерзавцев, я оказался окруженным и изолированным в кафе на Пьяцца дель Дуомо, в самом центре ломбардского метрополиса.

Пока я потягивал напиток, ожидая Микеле Бьянчи, сотня социалистов и прочих бездельников окружили кафе и стали выкрикивать оскорбления и угрозы в мой адрес. Они узнали меня и, возможно, намеревались, повинувась коллективной ярости, избить меня, чтобы наконец-то совершить то самое отмщение, которое уже так давно не давало им покоя. Постепенно возрастающая толпа становилась все более угрожающей, поэтому хозяин кафе и женщина за кассовым аппаратом поспешили закрыть ставни. По обычаю тех беспокойных времен, она попросила меня удалиться, поскольку мое присутствие вредило их интересам. Я не стал дожидаться второго приглашения. Я привык смотреть в лицо толпе без страха. Чем больше перед тобой людей, тем больше возможностей обратиться к ним с несомненным мужеством, которое некоторым, вероятно, может показаться претенциозным. Не могу сказать, что со своей стороны испытывал какое-либо замешательство перед тем, как оказаться лицом к лицу с этими трусами.

Я посмотрел на их лидера и сказал: «Чего вы хотите? Избить меня? Что ж, начинайте. Но только потом остерегайтесь, потому что за каждое оскорбление и за каждый удар вы очень дорого заплатите».

Я хорошо помню эту волчью стаю. Они хранили молчание, украдкой поглядывая друг на друга. Ближайший ко мне посторонился, и внезапно страх, который также заразителен для любой толпы, как и храбрость, обуял всю группу. Они посторонились, они разошлись и лишь издали бросали в мой адрес последние оскорбления.

Я описал этот инцидент потому, что он типичен среди событий жизни обыкновенного фашиста. Но не мешает помнить о том, что в Других случаях конец был не таким радужным, — были побои, ножевые ранения, выстрелы, убийства, жестокие зверства, пытки и смерть.

В это же время начало намечаться противостояние между генералом Диазом, победителем нашей последней кампании, и Нитти.

Лондонский пакт, дававший Италии определенные надежды провалился. Берега Адриатики пребывали в состоянии абсолютной напряженности. Абсурдные слухи распространялись в дипломатических клубах. Угроза высадки югославов по всему Адриатическому побережью заставила собраться в Риме весь цвет наших несчастливых регионов. Студенты, профессора, рабочие, горожане, абсолютно все представители выступили с мольбами в адрес министров и профессиональных политиков. Также группами представителей лучших граждан Италии было передано прошение в пользу Далмации. Все эти правые силы по случаю годовщины вступления Италии в войну организовали парад в честь Далмации с целью во имя отечества посвятить свою несокрушимую преданность родной стране.

Затем в столице произошел эпизод, который все еще жив в нашей памяти. Он породил всеобщее негодование. Королевская гвардия, новые полицейские формирования, созданные исключительно с целью служить охраной режиму Нитти, размела парад, как буря. Участников парада расстреливали из ружей. Многие пали жертвами этого массового расстрела, и более пятидесяти человек были ранены. Это было наиболее постыдное событие из когда-либо случившихся под небом Рима. И как будто бы это оскорбление и насилие было незначительным эпизодом, далматинцы, проживающие в Риме, были арестованы, включая женщин.

Очень немногие осмелились выразить протест. В моде были пассивные жертвы и грозная, диктаторская власть. Некоторые из депутатов палаты, в числе которых были писатель-националист Луиджи Сицилиани, а также Эгильберто Мартире, выдвинули интерпелляцию, которая так и не получила ответного эха. Со страниц «Пополо ди Италия» я откровенно выражал свое презрение. Я предавал анафеме систему, с легкой руки которой столько людей подверглось бесчестью. Мой клич нашел несколько откликов в Сенате — в том самом Сенате, где в судьбоносные времена всегда находились личности, поднимающиеся на защиту достоинства, прав и величия итальянского народа.

Группа сенаторов, во главе которых стоял генерал Диаз, выдвинула следующее заявление:

«Сенат сожалеет о методах правительства, которое стремится достичь дисциплины разрушительными для государственной власти путями, а также сводит на нет славную победу нашего оружия и выдающееся сопротивление нашего народа. Оно угрожает всяческой продуктивной работе, направленной на процветание объединенного государства, а также на мирное достижение гражданского прогресса. Правительство использует

методы, противоречащие итальянской традиции, кульминацией которых стало яростное подавление патриотической манифестации 24 мая, а также произвольные аресты далматинцев и фьюмийцев, гостящих в Риме».

Среди подписей наряду с именем генерала Диаза также были имена прославленного историка сенатора Аттилио Хортиса, адмирала Таона де Ревеля и многих видных представителей итальянской культуры. Всего подписей было шестьдесят четыре, и среди них четыре принадлежали вице-президентам Сената.

Это заявление вдобавок к намеку на пробуждение итальянских традиций несло в себе силу и мужество, а также выказывало пренебрежение поруганию, нанесенному победе Италии в войне. Но истинным лидером этого протеста, разумеется, выступал Армандо Диаз. Генерал превозносил славу Витторио Венето. Но изо дня в день он вынужден был отмечать, что его прекрасный и возвышенный идеализм солдата и командира постепенно угасает.

Правительство Нитти, являвшее собой неотъемлемую часть упадочной партийной и бесполезной парламентской систем, заклеянное преследованием лишь собственных интересов и исчерпавшее себя благодаря группке политиканов, рвущихся к власти без оглядки на национальные интересы и здоровый идеализм, в третий раз пережило бесславный провал.

Джиолитти вернулся.

После стольких унижений и колебаний парламент и политическая система наконец-то обнаружили свою полную несостоятельность в деле контроля или руководства человеческими судьбами. После третьего падения Нитти Джиолитти, о котором можно сказать, что он сделал должность премьер-министра профессией, вновь возвратился на политическую арену. Его возвращение вызвало во многих из нас впечатление, что он был чем-то вроде хранителя несостоятельности так называемого самоуправления.

Справедливости ради следует признать исключительную добродетельность Джиолитти в личной жизни, чего нельзя сказать о его политическом характере. Он был существом мягкотелым. А потому никогда не выказывал даже намека на веру в могущество глубины течений и потоков итальянской жизни. Как порождение бюрократизма, он доверял решение всех проблем Италии превратностям демократического и политического притворства и фальши. Таким разом, благодаря своему темпераменту он предпочитал держаться поодаль от военных действий. Вскоре после победы он вернулся на политическую сцену в качестве

человека, который вынужден покончить с делами прошлого. То прошлое, которое он старался ликвидировать, конечно же, было наиболее кровавым, но, несомненно и самым прекрасным, а по меркам идеализма и наиболее успешным за всю историю объединенной страны.

Выдвинутые правительством Джиолитти цели внутренней политики государства были совсем неплохи. После ужасов той смертельной трясины, в которую вовлекло страну правительство Нитти, общественное мнение склонялось к тому, чтобы принять новую власть без враждебности. Иностранцы, агенты, провокаторы, также поддерживаемые некоторыми местными приверженцами политического компромисса, настраивали против нас население Албании. Эта благородная земля, находящаяся не более чем в двенадцати часах езды от Бари, которая также всегда испытывала на себе влияние нашей цивилизации и где проблески современной цивилизованной жизни имели место лишь благодаря нашему воздействию, абсолютно вся и сразу же восстала против наших гарнизонов. Наши санитарные миссии находились в Валоне с 1908 года, а с 1914-го мы ввели туда войска. Мы построили там город, больницу, ведущие магистрали, которые были спасением для сербской армии, обратившейся в бегство в 1916-м. На Албанию мы потратили миллионы лир и пожертвовали тысячами солдат, чтобы поддержать ее на достойном уровне и дать маленькой стране будущее и упорядоченное существование.

Я знал и убеждался в том, что бесполезно ожидать какой-либо определенной албанской политики от Джиолитти.

Внутренняя ситуация в стране, которая продолжала оставаться напряженной, не позволяла ему направить все умственные и физические силы на разрешение внешнеполитической ситуации. В то время министром иностранных дел был достопочтенный Сфорца этого было вполне достаточно, чтобы проявить окончательное варварство в Адриатическом вопросе. Тем временем наш военный гарнизон подлежал выводу из Валоны — в связи с бездействием правительства.

Так страна вошла в следующую пораженческую фазу.

В 1920 году в систематическую практику у работников железной дороги вошло чинить препятствия движению поездов, везущих солдат, карабинеров или полицейских. Иногда подобная политика применялась и в отношении духовенства. Только я протестовал против этого невообразимого превышения власти. Граждане Италии молча страдали от пустой, глупой траты собственных возможностей и слепоты, которая не позволяла им видеть собственную мощь и величие. Те, кто осмеливался высказывать критический протест бюрократизму или политике

правительства, преследовались самим правительством.

Также произошел инцидент со станционным смотрителем из Кремоны, сеньором Бергонцони, который я не могу обойти вниманием. Он со всей присущей ему энергичностью отдал подчиненным ему железнодорожникам приказ прицепить к поезду вагон, в котором находились части, отправляющиеся в Пьяченцу. За этот эпизод, представляющий собой наиболее ординарный случай, почти не выдающийся из ряда закономерностей, Железнодорожный синдикат, в котором доминировали социалисты, потребовал от Министерства общественной деятельности смещения станционного смотрителя Бергонцони. И поскольку министерство твердо отвергло это требование синдиката, Милан, который не имел ко всему этому делу никакого отношения, навязал ему забастовку железнодорожников, которая длилась тринадцать дней. Милан, город с населением 900 тысяч человек и разветвленной транспортной системой, оказался отрезанным от своих пригородов и всего мира. Он был вынужден вернуться к использованию старинных экипажей, автомобилей, грузовиков и даже маленьких лодок на реке Навильо.

Милан, наш величайший промышленный центр, находился во власти политической анархии. Те самые военные формирования, которые с легкостью могли взять ситуацию в свои руки и оказать на нее влияние, были отданы на милость местных властей. Они вынуждены были даже просить у них муку для того, чтобы испечь для солдат хлеб! На складах станций, расположенных на границах округа Милан, хранились тонны товара; разумеется, они пришли в запустение и находились в полной власти работников товарных складов и грабителей, промышленявших по грузовым вагонам. Если подробнее, то после тринадцати дней забастовки, утром 24 июня, а также митинга в защиту бастующих железнодорожников, в ходе которого то и дело раздавалась оружейная пальба и были убитые и раненые работники железной дороги, подавленные возмущением, охватившим всех жителей города, убедились в том, что лучше вернуться к работе. Но государственная власть теперь уже была мертва, и путь ей был только в могилу.

Правительство Джиолитти запуталось среди бесчисленных финансовых трудностей. Сам Джиолитти надеялся на то, что ему удастся успокоить разбушевавшихся социалистов проектом о всеобщей конфискации всех военных доходов, но еще более планами по введению высокого налога на наследственную собственность. Эта последняя мера, абсолютно социалистическая по характеру, должна была уничтожить понятие семьи в

родовом отношении. Она угрожала бы праву собственника передавать наследникам свое богатство вместе со своим именем. Но также имела бы не только экономические, но социальные и моральные последствия. Система капитала находилась на начальных стадиях развития; право собственности необходимо для того, чтобы стимулировать функционирование и развитие этого инструмента честолюбия, человеческого благополучия и цивилизации.

Что до внешней политики, то министр иностранных дел граф Сфорца заключил соглашение в СПА, подписал в Тиране протокол отказа от Валоны и Албании, а также об уничижительном Севрском договоре с Турцией и постепенно подготавливал почву для решения вопроса с Фьюме. И это произошло во время заключения договора в Рапалло.

Казалось, что вступление в силу Лондонского пакта, которым Далмация передавалась Италии, без всяких веских причин превратилось в нечто неоспоримое. И сенатор Скьялойя, человек старой закалки, среди слабых голосов других сенаторов заявил о том, что Лондонский договор «ежечасно теряет свою силу и потенциальные возможности благодаря самим итальянцам».

Всем своим существом уверовав в необходимость остановить надвигающийся упадок нашей внешней политики, я стал использовать в качестве средств нашу фашистскую организацию и «Пополо ди Италия». Я пытался повысить некоторые ставки. Но было трудно удержать потоки грязной воды. Существовала тенденция перевода к коммунизму любой ценой. Я признаю, что сила Ленина приобрела такую степень могущества, которая могла соответствовать разве что мифологии. Русский диктатор повелевал массами. Он завораживал и очаровывал их, как фокусник, гипнотизирующий птиц. Только через некоторое время новости о чудовищной нищете и голоде в России, наряду с информацией, предоставленной нашей миссией, отправившейся туда для изучения большевизма, открыли массам глаза на всю фальшивость русских райских миражей. Энтузиазм мало-помалу убывал. В конце концов, Ленин остался чем-то вроде передового символа для наших политических дилетантов.

Аэродромы Италии были закрыты, летательные аппараты демонтировались. Однако было предпринято несколько попыток ввести гражданскую авиацию. Один из наиболее несчастных и драматических эпизодов этого времени произошел в небе над Вероной. Возвращаясь после перелета в Венецию, огромный аэроплан упал на город. Этот несчастный случай привел к гибели шестнадцати пассажиров, включая пилотов. Среди погибших было несколько миланских журналистов. Эта трагедия потрясла

всю Италию. Траур был всеобщим. Но, к моему ужасу, власти использовали эту возможность, чтобы покончить с дискуссиями относительно авиации, а также разобрать те несколько машин, моторов и крыльев, которые еще остались.

Это случилось как раз в тот период, когда я хотел брать уроки пилотирования. Аэропланом, потерпевшим крушение над Вероной, управлял мой соотечественник лейтенант Ридольфи. Его тело было похоронено на церковном кладбище Форли. Я с некоторыми из своих политических соратников отправился туда на отдых. Но прием, оказанный мне в родных местах, был не просто холодным, а даже враждебным. Все мои попытки сохранять доброжелательность и желание учиться летать сразу после смерти Ридольфи казались довольно натянутыми. В те времена все, не имеющее материальной Ценности, казалось излишним. Это были годы, когда сердца людей покрылись пеплом. По той же причине та модель государства, надежные основы которого Габриеле д'Аннунцио так долго закладывал во Фьюме, не поразила воображение человечества.

Но я не сдавался и продолжал свои полеты. Я летал над Мантуей в сопровождении всего штата «Пополо ди Италия». Я намеревался показать на деле, что авиация не должна исчезать с горизонтов новых возможностей и прогресса Италии, и если понадобится, выиграть это сражение даже путем трудностей и испытаний. Я использовал любую возможность, чтобы подавать личный пример, и мои друзья поступали так же.

Все возрастающая экзальтация наэлектризованных масс и откровенная слабость правительства уже в начале сентября привели к захвату фабрик рабочими, занимающимися обработкой металлов. Это должно было стать примером большевизма в действии. С его помощью могла быть проиллюстрирована доктрина захвата средств производства. Рабочие со своим инфантильным сознанием, но более всего их руководители, предающие их интересы, хорошо осознавая всю полноту измены, вообразили себе, что смогут управлять напрямую, без заранее составленного сверху плана, всеми цехами, всеми процессами и даже торговыми операциями по продаже продукции. На самом деле, хотя это по обыкновению так и не было осознано всеми, они не произвели ничего, кроме побочных видов оружия, таких как кинжалы и мечи. Они потеряли не менее двадцати дней на вынужденный простой и ребяческие проявления ненависти и бессилия.

Но поскольку процесс захвата уже начался, руководство, владельцы, а также работники административных учреждений были секвестрованы рабочими. Торговые марки и фабричные знаки были сняты, а крыши и

двери зданий теперь украшали алые знамена с серпом и молотом, — символами Советов, водружавшимися в атмосфере всеобщего ликования. В каждом учреждении была сформирована отдельная комиссия, подчиняющаяся социалистически-коммунистическому своду уставов. По телефону угрожали всем тем, кто держался в стороне от движения, а также тем, которые, подобно сотрудникам «Пополо ди Италия», готовились к войне против этой гротескной советской пародии.

Захваты фабрик сопровождались невообразимыми проявлениями чудовищной жестокости. В Турине, старой столице Пьемонта, в которой еще были живы славные монархические и военные традиции, красные судилища работали с полной силой. Националист и патриот Марио Сонцини, который одним из первых примкнул к движению фашизма, был арестован рабочими и осужден на смерть жестоким и гротескным революционным судом. Его изрешеченное пулями тело было брошено в ров. Но кто-то, ведомый христианскими чувствами, решил отправить его тело в плавильную печь, но поскольку они уже давно не зажигались и были так же мертвенно-холодны, как и сама индустрия, кто-то другой решил положить конец издевательствам над телом бедного мученика, запинав и почти разорвав на части его останки. Единственной виной Сонцини было то, что он являлся фашистом. Та же судьба постигла и других. Даже женщины не были чужды этой бесчеловечной жестокости. Очевидно, что подобная звериная жестокость овладевает не только мужчинами, но и женщинами, опьяненными вседозволенностью.

Газета «Аванти» сообщила об этих варварских убийствах следующим образом:

«В жизни человека может случиться так, что он станет националистом, перейдет к фашизму, чтобы исповедовать основы порядка, но, тем не менее, он может быть арестован и расстрелян; и это всего-навсего обычный поворот судьбы».

Захваты фабрик в нескольких городах Италии служили всего лишь предлогом для яростных массовых демонстраций. Мертвые были не только в Монфальконе, но также в Милане и других городах по всему полуострову.

Доверие иностранных кредиторов гасло подобно затухающей свече. Даже после заключения мира реабилитации нашей нации уже более не уделялось столько времени и усилий. Можно было явственно ощутить надвигающийся крах. Печатный станок начал выпускать бумажные деньги. Было необходимо повысить циркуляцию; следовало прибегнуть к помощи инфляции, дабы спасти нашу экономику от полного краха. И даже по прошествии десяти лет мы все еще продолжаем ощущать последствия того зловещего периода.

Переизбыток в обращении этих искусственных финансовых средств ускорил катастрофу. Я предсказывал опасность в серии полемических статей с Меда, членом парламента, считавшимся знатоком в сфере общественных финансов. Теперь я могу сказать, что никто в те смутные времена не мог наметить никакого четкого курса Развития Италии. В том, что касается финансов, мы двигались прямо по пути к полному краху, а Сфорца, играя аккомпанемент на струях внешней политики, продолжал отказываться от принадлежащего нам по праву. Он прибыл в Рапалло, и с этого момента Фьюме превратился в изолированный, обособленный город, покоящийся на терновом ложе.

4 ноября празднование годовщины победы дало возможность проявиться слабым симптомам возрождения. В Риме и Милане прошли массовые патриотические демонстрации. Вся Италия праздновала. И я в том числе.

Но эти события носили преходящий, мимолетный характер. Почти сразу же наступило отрезвление, вызванное следующими прискорбными событиями — трагедией в Палаццо д'Аккурсио в Болонье, Палаццо Эстенсе в Ферраре, а также кровавым Рождеством во Фьюме.

В Болонье существовала отважная группировка фашистов во главе с Арпинати. Мы были уверены, что в красном городе и по всей долине социалисты готовятся к помпезным демонстрациям, чтобы отпраздновать установление нового городского правления в Болонье, которое большей частью составляли красные. 21 ноября многочисленные красные знамена были подняты как над высокими башнями здания городской мэрии, так и над домами горожан. Также планировалось выпустить на волю стаю голубей, которые должны были принести приветствия социалистов Болоньи их товарищам из других городов. Весь город находился в руках социалистов. Они были почти готовы принять новую конституцию советов. Немногочисленные представители городской власти, состоящие из элементов правопорядка, фашистов и боевиков ополчения, также присутствовали на митинге. Это было расценено красными как вызов и

провокация.

Фашистская группировка Болоньи, чья штаб-квартира располагалась на улице под названием Марсала, организовала несколько бригад, призванных защищать общественный порядок любой ценой. Днем фашисты стали мишенью непрекращающихся и все возрастающих нападков и оскорблений. Фашистская организация при помощи плакатов дала понять, что примет решительные меры, дабы не поддаться на запугивания и провокации, а также призывала женщин и детей оставаться дома, предварительно заперев все двери. Предвиделось, что улицы Болоньи станут свидетелями трагедии. Твердость фашистов Болоньи во главе с Арпинати так и подстегивала социалистов, и не столько потому, что они больше не чувствовали себя способными поступать по своему усмотрению, сколько по причине чисто физического страха, охватившего их лидеров по всем эшелонам и подразделениям. Я категорически заявляю, что страх и трусость всегда были характерными чертами, присущими социалистической партии Италии.

В то время как около тридцати фашистов сформировали кровные отряды и попытались пройти от улицы Индипенденца, которую уже наводнили социалисты, толпа начала рассеиваться с беспорядочными выкриками и возгласами возмущения. Часть запуганной толпы выплеснулась к зданию городского управления и попала во двор. Социалисты забаррикадировались там, как в крепости, ослепленные своим постоянным страхом, предполагая, что все люди, ворвавшиеся во двор, фашисты. Они боялись, что здание мэрии может быть захвачено, поэтому они сбрасывали сверху на толпу самодельные бомбы, которыми были вооружены.

Это только усилило общий испуг толпы. Многие люди убежали прочь, разрывая на ходу билеты социалистических организаций.

Пока эти события происходили вокруг дворца и в его дворе, в самом здании Городского совета разразилась внезапная трагедия. Красные члены совета, напуганные угрозой фашистского вторжения, большей частью бросились к выходу. Однако некоторые из них предпочли присоединиться к публике, состоящей из красных элементов; другие попытались прорваться сквозь небольшую группу консерваторов. Из здания послышались первые выстрелы. Охрана, желая избежать участия в инциденте, бросилась на пол. Несколько членов совета, среди которых были адвокаты Джордани, Овильо, Бьяджи, Коллива, Манареси, продолжали спокойно оставаться на своих местах, представляя собой прекрасную мишень для ярости, подогреваемой страхом. Кто-то

выстрелил. Пуля миновала Овильо чудом. Но вторым выстрелом был убит лейтенант Джордани, берсаглиере, получивший тяжелые ранения на войне, чья репутация вызывала особую ненависть красных. Тем временем организаторы кровавого беспорядка, как безумные, продолжали швырять бомбы на переполненный людьми двор и попадали в своих же товарищей-социалистов, думая, что их жертвами становились фашисты. Кровавое побоище и резня были просто ужасны.

Что-то в том же духе произошло немного позднее в Ферраре по случаю большой социалистической манифестации, которая должна была проходить в старинном замке Эстенсе. Колонна фашистов,двигающаяся к месту проведения митинга, была встречена свинцовым огнем. Трое фашистов были убиты, а большинство получили серьезные ранения. Красная Феррара, в которой муниципальные власти и даже провинция находились в руках социалистов, Феррара, угрожавшая арестом собственному префекту, переживала беспокойные часы. Тот же дух ярости и раздражения, что и в Болонье, охватил славную провинцию Эстенсе. Однако я предчувствовал, что эти отдельные трагедии всего лишь прелюдия к некой революции. Но что это будет за революция?

Я позвонил в Милан ответственным руководителям фашистского движения, представителям долины По, Верхней Италии, различных городов и селений. Они были немногочисленны, но это были люди, готовые пойти на любой риск. Я объяснил им то, что сам понял только внезапно, — посредством пропаганды в газетах или своим личным примером мы никогда не достигнем значительного успеха. Необходимо бороться с жестоким и сильным врагом его же методами — насилием и жестокостью.

На меня как будто бы снизошло откровение, и я понял, что Италия может быть спасена лишь при помощи единственного, издревле известного средства, которое все еще неизбежно в нашем несовершенном мире, — праведной силы.

Наша вчерашняя демократия умерла; ее завещание было зачитано; оно не предвещало нам ничего, кроме хаоса.

Глава VII

Расцвет фашизма

В некоторых обстоятельствах грубая сила и жестокость имеют глубокое моральное значение.

В нашей стране ведущий класс не только не был при власти, но даже не существовал. Либеральная партия отреклась от всего в пользу социалистов. Не существовало нового, устойчивого национального единства.

Невежество все еще управляло рабочими и крестьянскими массами. Было бесполезно пытаться пробудить всеобщий интерес прекрасными речами и проповедями с трибун. Было необходимо своевременно и всецело отдать предпочтение благородной, рыцарской силе. Единственным прямым путем к победе было сразить неистовые силы зла на выбранном ими поле.

Среди нас были люди не понаслышке знавшие, что означает война. Благодаря им родилась организация Итальянского боевого ополчения. Многие пришли добровольцами из университетов. Это были студенты, тронутые и вдохновленные идеализмом, оставившие свои науки, чтобы откликнуться на наш зов.

Мы также знали, что обязаны выиграть эту войну, чтобы навсегда отправить в прошлое период предательства и трусости. Было необходимо прокладывать путь через насилие, жертвы и кровь; следовало обеспечить порядок и дисциплину, необходимые массам, но которых было невозможно достичь при помощи безвольной пропаганды и потоков пустых слов — деланной борьбы между парламентариями и журналистами.

Мы начали период спасения и пробуждения. Были и погибшие, но на горизонте глаза всех граждан страны видели расцвет итальянского возрождения.

Несчастливый 1921 год закончился трагическим разрешением драмы во Фьюме. После подписания договора в Рапалло, условиями которого город был обречен оставаться обособленным организмом, итальянское сопротивление во Фьюме стало еще более решительным, чем прежде. Д'Аннунцио провозгласил, что любой ценой он не уступит город, который так долго и тяжело страдал ради того, чтобы сохранить себе жизнь и чистоту своей итальянской души.

Я также день за днем переживал эту драму. Мы с д'Аннунцио сблизилась с первых же дней кампании. Теперь уже больше года я привык

получать его теплые, братские письма. Они доносили до меня дыхание того страстного пыла, что охватил Фьюме. С первых дней оккупации многострадального города поэт раскрыл мне свои твердые намерения сражаться до конца. Убедительное свидетельство этому можно обнаружить в письме, отосланном д'Аннунцио 14 сентября 1919 года и содержащем одно из наиболее смелых его посланий, направленных мне для моей газеты. Он писал:

«Мой дорогой Муссолини, посылаю тебе два абзаца, написанных в спешке. Я работаю часами, у меня уже текут глаза и болят руки. Я посылаю моего храброго соратника, сына Габриеллино, чтобы он доставил тебе это письмо. Подредактируй все, что считаешь необходимым, и благодарю тебя. Это всего лишь первый акт сражения, которое я досмотрю до конца под моим собственным началом. При случае, если цензура осмелится вмешаться, пожалуйста, опубликуй письмо с пробелами, показывающими, где слова были пропущены. Потом посмотрим, что у нас получится.

Я буду писать тебе снова. И приеду. Я восхищаюсь твоей стойкостью и силой твоих целенаправленных ударов. Позволь мне пожать твою руку.

Искренне твой Габриеле д'Аннунцио».

С июля по декабрь ситуация во Фьюме все больше и больше обострялась. Перед лицом решительного сопротивления д'Аннунцио, Джиолитти, стремясь не нарушить договоренностей, достигнутых в Рапалло графом Сфорца, принял решение подвергнуть город блокаде. Результаты подобного решения были противоречивыми однако правительство решило оккупировать город с помощью военной экспедиции. Датой было избрано Рождество, поскольку было два праздника, в течение которых не выходили газеты. Итальянские солдаты были брошены против своего же итальянского города, против горстки мужественных легионеров, итальянцев с пламенными сердцами патриотов, сторонников и братьев д'Аннунцио. На улицах была кровь.

Были и погибшие. Вся Италия была охвачена глубоким негодованием.

Впоследствии верх взяло чувство раскаяния и стремление к примирению. И решение было найдено. Д'Аннунцио передавал свою власть комитету, состоящему из граждан города, и покидал Фьюме. Он с необыкновенной преданностью управлял городом в течение шестнадцати месяцев. Теперь требовалось передать судьбу города в руки лучших из его граждан, а также положиться на волю непреклонно назревающих событий.

В то время я отправил ему послание, которое нашло отклик в сердцах всех итальянцев:

«Несмотря на велеречивую демагогию и потоки пустых слов, эта драма совершенна; если хочешь, ужасна, но совершенна. С одной стороны — холодные доводы государства, непреклонные до самого основания; с другой — теплые, искренние мотивы идеала, готового на отчаянные, крайние жертвы. И когда нам, беспокойному и раннему меньшинству, предоставляют право выбора, мы уверенно выбираем Идеал».

Несколько дней спустя, 4 января 1921 года, я почтил память погибших легиона Рончи одной из наиболее пылких статей, когда-либо написанных мной. Она заканчивалась следующими словами:

«Они были последними жертвами Великой войны, но их жертва была не напрасна! Трехцветное знамя Италии реет над ними, а родная земля покрывает их. Их могилы стали святыней. Перед ней прекращаются все разногласия и раздоры. Погибшие в Карнаро являются лучшим свидетельством того, что Фьюме и Италия едины одной плотью, одной душой. Темные чернила дипломатов никогда не перечеркнут того, что навсегда было скреплено кровавой печатью.

Тогда воздавайте хвалу легиону Рончи, Дуче, д'Аннунцио и всем тем живым, которые вернутся, и мертвым, которые уже никогда не придут назад!

Они остались, чтобы защищать снежные горы — Невоссо!»

Твердая необходимость в применении силы уже подтверждала себя. Каждый из нас чувствовал это. Теперь настало время развернуть деятельность с ясным убеждением в определенности задачи.

Формирование отрядов и батальонов, которое совершалось мной по наитию, наконец-то было закончено. Я дал им подробные инструкции, поставил четко обусловленные задачи в строго определенных пределах. И они начали свою работу по установлению дисциплины и возмездия.

Наши силовые меры должны были носить стремительный, импульсивный характер. Наши отряды были обучены в духе лояльности, подобно легионам Гарибальди, и прежде всего должны были сохранять рыцарское благородство. Центральный Комитет Итальянского боевого ополчения под моим руководством координировал всю работу местных исполнителей и отрядов быстрого реагирования, не только в провинциях, но и в городах. Из университетов к нам прибывали доблестные и мужественные личности. Итальянские школы обогатились славными именами учеников, покинувших аудитории ради политической жизни и фашизма. Эти энергичные юноши без колебания и сожалений оставили в

прошлом свое безоблачное существование, чтобы лицом к лицу встретиться со смертельной опасностью в ходе карательных акций против предателей родины. Позднее я отдал приказание присвоить почетные звания спасителей отечества этим юным, отважным героям, которые легко проливали кровь за то, чтобы их нация могла быть спасена. Они представляли собой цвет итальянского юношества, которое путем дисциплинированных, методичных действий, полное стремительной силы, присущей актерам, спокойно встречало и уничтожало социал-коммунистических пауков, которые в своей паутине из глупости и невежества лишали жизненных сил итальянский народ. Где бы ни возникали недовольство, притеснение, шантаж, вымогательство, беспорядки или репрессии, на месте всегда оказывались фашистские отряды быстрого реагирования. Черная рубашка, как символ отваги, стала нашей военной униформой.

Как и следовало ожидать, либерально-демократическое правительство пыталось ставить препятствия на пути фашистского движения. Оно, главным образом, полагалось на Королевскую гвардию, слепой инструмент антинациональной розни. Но мы, наделенный разумной отвагой, располагающие средствами и возможностями спокойно принимали возможность того, что на нашем пути могут встречаться препятствия, ловушки и смерть. Если вместо этого набросали в тюрьмы, мы оставались там долгими месяцами в ожидании суда.

Я обладал влиянием на своих солдат, которое казалось мне почти мистическим. Юноши видели во мне благородного мстителя за нашу поруганную Италию. Умиравшие говорили: «Отдайте нам наши черные рубахи для саванов». Меня не могло не трогать то, что их последними мыслями были мысли о «родине и Дуче». Расцветали любовь и песни. Возрождение молодежи, полной итальянской отваги, попирало своей зрелой мужской красотой необузданную ярость безответственных, затушевывало страхи социалистов, изглаживало двусмысленность либералов. Поэзия битвы, все прибывающие голоса пробуждающейся нации стали характерными для тех лет возрождения деятельной энергии нашей страны.

Убитых было бесчисленное множество. Итальянские перебежчики, красные дилетанты, организация так называемых свободных масонов, которые также были втянуты в политическую интригу, уже почувствовали опасность, угрожающую им с приходом фашизма. Поэтому они использовали все подручные средства, чтобы сломить нас; они все более тщательно планировали все свои западни и уловки и строили свои ловушки

с еще большим коварством. Каждый день городские улицы и сельские поля Италии были залиты кровью, пролитой во время страшных столкновений. Воскресные дни, праздники и любые другие поводы для собрания казались преимущественно предназначенными для взаимных атак.

Я ограничил нашу жестокость строгими рамками необходимости. Я привил этот взгляд на вещи лейтенантам и рядовым. Временами они повиновались мне с сожалением и болью. Их не покидали мысли о предательски убитых товарищах. Но они всегда подчинялись моим приказам не доводить до репрессий. Они полностью и безоговорочно признавали мое лидерство. Если бы у меня было к этому стремление, я приказал бы вести непреклонные боевые действия. И мои мальчишки сразу же ухватились бы за этот шанс, потому что смотрели на меня как на вождя, каждое слово которого закон.

Существовало множество свидетельств подобной искренней привязанности ко мне, благодаря которой я чувствовал себя воодушевленным и более совершенным. Она породила во мне чувство глубокой ответственности. Среди эпизодов, которые я помню, смерть двадцатилетнего графа Николо Фоскари, предательски заколотого кинжалом коммуниста. Этот прекрасный юноша умер после нескольких дней мучительной агонии. Но даже в страшной, вызванной ранениями агонии, уже на пороге смерти он желал всегда иметь рядом с собой мою фотографию. Он заявлял, что счастлив и горд принять смерть, а благодаря мне знает, как умереть достойно.

Я огрубел и ожесточился в политических битвах. Однако я всегда отдавал предпочтение благородным, рыцарским методам ведения борьбы. Я понимал всю горечь гражданских раздоров, но во времена отчаянного политического кризиса, когда лук бывает натянут слишком сильно, либо стрела летит в цель, либо рвется тетива. За несколько месяцев активной, жестокой борьбы мы должны были отыграть не менее пятидесяти лет, потерянных на пустые парламентские перепалки, тысячи мелочных политических интриг, на ту жалкую обстановку, отравленную эгоистичными интересами и мелочными личными амбициями, а также на беспорядочные попытки относиться к правительству так, как будто оно та самая банка с вареньем, на которую слетаются мухи.

В 1921 году я попытался пойти на политическое соглашение и перемирие с нашими противниками при протекции правительства. Абсолютное непонимание проблемы социалистами и либералами зашло слишком далеко. Этот благородный и щедрый жест, на который решился лишь я один, послужил всего лишь поводом для того, чтобы пробудить

новые проблемы и ядовитые испарения лживых и подлых уловок. Договор о перемирии был подписан социалистами, но не коммунистами. Последние продолжали открытую борьбу, в которой им во всех отношениях содействовали сами социалисты. Благородный жест миролюбия оказался достаточно бесполезным. Социализм во многом поспособствовал разложению итальянской жизни. Всегда будут существовать непримиримые антагонисты, и поэтому после короткой передышки борьба была возобновлена с новой силой. Она длилась до последнего исхода, но ее возобновление стало началом великих политических сражений 1921 года.

Я не стану упоминать обо всех смертоносных конфликтах того года. Они давно отошли в прошлое. Но в домах моих соратников неизменно горят лампы в честь выживших, а их домашний очаг хранит светлую память о погибших. Фашистские легионы состояли из разных возрастов и социальных групп. Многие погибли в те времена, когда победа была еще неопределенной, но Господь, который хранит справедливых, приведет всех погибших к вечному свету и вознаградит души тех, кто жил по законам благородства и собственной кровью подтвердил всю чистоту и светлый порыв своей веры.

Первые месяцы 1921 года характеризовались проявлениями крайней жестокости в долине реки По. Социалисты дошли до того, что не гнушались даже обстреливать погребальные процессии фашистов. Такое случалось даже в Риме. Эти события происходили в одно время с конгрессом социалистической партии, проводившимся в Ливорно. Произошел раскол. По этому случаю была создана автономная коммунистическая партия, которая в дальнейшем играла крайне отрицательную роль во всех проявлениях политической жизни Италии. Я знал, и это было очевидным для каждого, несмотря на все попытки утаивания, что новая коммунистическая партия вдохновлялась, поддерживалась и даже управлялась Москвой. К нам вторглись так же, как вторгались затем в другие страны.

В Триесте, городе, близком сердцу каждого итальянца, в котором никогда не гасло пламя веры и воодушевления, проводился большой фашистский митинг. Во главе фашистской организации Триеста стоял Джунта, член Итальянской палаты, а также пылкий и убежденный фашист со времен первых призывов к действию. Он знал, как при различных обстоятельствах воздвигнуть непреодолимые барьеры на пути этого славянского нашествия и скудоумия людей, в чьих руках находилась власть над Триестом.

Собрание проходило в театре Росетти, и я выступал на нем. Я

обнародовал фундаментальные принципы нашей программы не только в отношении фашистов, но и тех, кто заинтересован в новой и полноценной итальянской политике. После панорамного исследования первоочередных проблем, которые в это время будоражили итальянскую внешнюю политику, я потребовал полного и определенного отзыва договора в Рапалло, которым Сфорца и Джиолитти отrekliсь от Фьюме. Тем не менее, я признавал невозможность в данный момент предотвращения трагических последствий договора — плодов продолжительной дезинтеграции, возвращенных теми, кто завел нас в болото.

«Проблема добровольного отказа, — утверждал я, — не должна целиком и полностью списываться на участников окончательных переговоров; это самоотречение уже было совершено ранее. Нашим парламентом, журналистами и даже университетами, в которых профессора публиковали книги, разумеется, переведенные в Загребе и призванные продемонстрировать в соответствии с его образом мышления, что Далмация не принадлежит Италии!»

«Трагедия Далмации кроется в невежестве, недобросовестности и полном непонимании. Мы надеемся положить конец этим гротескным ошибкам нашей дальнейшей работой. Мы будем знать, бить и оберегать итальянскую Далмацию».

«Договор подписан, но существовала возможность лишить его юридической силы одним из следующих средств: либо войной с Югославией, либо восстаниями местного значения. Но оба эти решения абсурдны! Невозможно настроить массы против мирного договора, последовавшего за пятью годами кровавой резни. Никто не способен совершить такое чудо!»

Была возможность начать в Италии революцию в пользу интервенции, но в ноябре 1921-го уже стало невозможным даже помышлять о революции из-за годовщины подписания мирного договора, с которым были согласны девяносто из ста итальянцев.

Дав четкую картину неопределенного и преходящего состояния, в которое в то время впала Италия и которое касалось трагедии во Фьюме и ее внутренней политики, а также показав всю невозможность ведения революционной борьбы, которая была бы преждевременной и обреченной на провал, я изложил, а также твердо и четко установил будущую политическую программу фашистов на 1921 год.

«Из этих общих оснований, — говорил я, — следует, что итальянские боевые ополчения должны требовать:

Во-первых, пересмотра и изменения условий мирного соглашения в тех

пунктах, которые являются неприменимыми или воплощение которых может стать источником ненависти и побуждением к новым войнам.

Во-вторых, экономической аннексии Фьюме к Италии, а также опеки над итальянцами, проживающими в провинциях Далмации.

В-третьих, постепенного вывода Италии из союза авторитарных держав Запада путем развития собственных производительных сил.

В-четвертых, нового сближения с Австрией, Германией, Болгары ей, Турцией и Венгрией, но на достойных основаниях и при гарантии уважения к нашим северным и южным территориальным границам.

В-пятых, установления и укрепления дружеских отношений с народами Ближнего и Дальнего Востока, не исключая тех, которыми управляют Советы.

В-шестых, признания колониальной политики на основании прав и потребностей нашей нации.

В-седьмых, реформирования и обновления всех зарубежных дипломатических представительств элементами со специальной университетской подготовкой.

В-восьмых, оснащения колоний Италии как на Средиземном море, так и по ту сторону Атлантики экономическими и культурными учреждениями, а также системой скоростных коммуникаций».

Я закончил свою речь пылким выражением веры:

«Эта судьба, — говорил я, — что Рим снова занимает позиции города, главенствующего над всей западноевропейской цивилизацией. Давайте передадим это пламя страсти будущим поколениям; давайте создадим из Италии одну из тех наций, без которых нельзя даже представить себе грядущую историю человечества».

В 1921 году страна отмечала семьсот лет со дня рождения Данте. Я мечтал о том, о чем мог бы мечтать Алигьери: «Италия завтрашнего дня, свободная и богатая, благополучная, с сильными небесными и морскими флотилиями, с повсеместно плодородными землями».

Позднее, во время митинга фашистов Ломбардии, я наметил некоторые вехи в борьбе фашизма. В речи, которую я произнес для моих друзей в Милане, я заверил присутствующих в том, что изнурительная работа и практика фашизма готовит сильных духом людей, соответствующих главной задаче грядущего завтра, а именно: управлению нацией.

Посредством всех этих заверений начался активный рост вполне определенного намерения как можно основательнее подготовиться как к правовым действиям, так и насильственным методам, сопряженным с захватом власти.

Социалисты и коммунисты, хотя и вели между собой постоянные дебаты относительно основных вопросов доктрины, соперничали друг с другом за право считаться большими антифашистами, чем кто-либо другой. Коммунисты не испытывали никаких колебаний или угрызений совести. Каждый день они открыто выражали свое презрение к закону и обнаруживали самоуверенное и глупое пренебрежение к силе своих противников.

Во Флоренции, в ходе патриотического парада, была осуществлена попытка коммунистического бунта. В демонстрантов бросали бомбы, отдельные фашисты подверглись преследованиям. В связи с этим случилось так, что очень молодой фашист по имени Берта был зверски убит. Несчастный юноша, окруженный на мосту через реку Арно, был избит до кровавого месива, а затем сброшен через парапет в воду. Пока бедная жертва, руководствуясь естественным инстинктом самосохранения, цеплялась пальцами за железные прутья решетки, коммунисты подбежали к ней и били по пальцам до тех пор, пока наш мученик, чьи разбитые окровавленные руки ослабили хватку, в конце концов не разжал пальцы и не упал в реку. Его тело унесло течением.

Этот отдельный эпизод нечеловеческой жестокости дает представление о том, как глубоко в Италии укоренился коммунистический беспредел. И словно этого было совсем недостаточно, вскоре разразилась кровавая бойня в Эмполи, куда прибыли два грузовика с морскими пехотинцами и карабинерами. Доказательством дегенеративной дикости коммунистов служили тела несчастных жертв, с чьими недвижимыми телами обошлись так, как дикари в джунглях обходятся с телами своих жертв.

И подобные действия не ограничивались какими-то определенными провинциями. В то же время была устроена ловушка и произошла резня в Казале Монферрато, где среди погибших были два пожилых сардинских барабанщика, а наш храбрый соратник Чезаре Мария де Веччи был тяжело ранен. В Милане были выделены отдельные фашисты, а затем атакованы хитростью. Один из наших самых дорогих друзей, еще очень молодой Альдо Сеттэ, был убит со всей подобающей дикостью.

Но 23 марта наступил кульминационный момент всего этого предумышленного ужаса, последствия которого были чудовищны. Коммунисты заложили бомбу с часовым механизмом в Миланском театре Диана, где мирные жители собрались для того, чтобы прослушать оперетту. Взорвавшаяся бомба стала причиной мгновенной смерти двадцати человек. Пятьдесят человек получили тяжелейшие ранения. Весь Милан был охвачен яростью и гневом, а также стремлением к мщению. Не

было возможности сдержать народное возмущение. Фашистские группировки во второй раз совершили нападение на редакцию газеты «Аванти» и подожгли здание. Другие попытались атаковать Рабочую палату, но могучий военный гарнизон отразил их атаку.

Отряды быстрого реагирования перенесли свою деятельность в пригороды, цепко удерживаемые коммунистами и социалистами. Стремительная, полная решимости акция фашистов вынудила ниспровергателей общественного порядка покинуть насиженные места и обратиться в бегство. Политическая власть была бессильна; она больше не могла контролировать общественные волнения и беспорядки. 26 марта я объединил всех фашистов Ломбардии. Они двинулись гуськом, маршируя плотными колоннами через все главные улицы Милана. Это была незабываемая демонстрация силы. Наконец-то я вывел защитников общественного и гражданского порядка на новые горизонты. За этим последовал дух всеобщего оживления для продолжения плодотворной работы. Наилучшим вдохновением были мученики театра Диана и погибшие фашисты. Вся нация теперь должна была сплотиться во имя новых поколений под руководством итальянской молодежи — той молодежи, которая выиграла войну и теперь снова обретет безмятежное спокойствие духа, а также будет вознаграждена многими достоинствами, дисциплиной, трудом и братством.

Незабываемыми были демонстрации в честь жертв той подлой бомбы в театре Диана. Именно с тех дней началось прогрессивное крушение и разрушение всей структуры подрывных элементов Италии. Теперь они подобно крысам были загнаны в свои норы и забаррикадировались в нескольких отделениях Рабочей палаты и районных клубах.

В то время я вел чрезвычайно активную жизнь. Я руководил «Пополо ди Италия» и каждое утро мог выдать политическую информацию дня не только для Милана, но и для других ведущих городов Италии, в которых находила свои источники политическая жизнь нации. Я твердой рукой управлял фашистской партией. Должен признаться, что иногда отдавал весьма суровые приказы. Я всегда прислушивался к тем, кто прибывал в Милан с информацией о нашей организации в различных провинциях. Я наблюдал за действиями наших врагов. Я наметил для фашистов четкий и ясный перечень намерений и целей. Я поддерживал свободу, необходимую для гибкости наших действий. Я не желал лишать чистоты и искренности светлую, сильную веру фашизма. Я не хотел, чтобы эта пылкая молодежь, которая являлась неотъемлемой душой фашизма, смеялась со старыми элементами торговли и взаимовыгодного обмена хитроумных комбинаций,

коалиций, парламентских компромиссов и лицемерного итальянского либерализма.

Среди множества факторов, которыми сопровождалось мое существование, я никогда не терял неукротимой тяги к полетам. В тот такой беспокойный, окрашенный в самые драматические тона период я каждое утро преодолевал более восемнадцати миль туда и обратно на своем велосипеде, чтобы брать уроки пилотирования. Моим наставником был Джузеппе Радаэлли, сдержанный и отважный авиатор, переполненный страстью к полетам и счастливый тем что помогает мне осваивать тяжелейшее ремесло искусного пилота.

Однажды утром я занял место в самолете рядом с Радаэлли. Первый полет прошел без происшествий.

Но во время второго полета, напротив, мотор по непонятной причине заглох как раз в тот момент, когда мы осваивали маневры для приземления. Машину повело в сторону, и после планирования на одном крыле нас выбросило на поле с примерно сорокаметровой высоты. Пилот отделался легкими ушибами и ссадинами на лбу. У меня же было несколько ранений головы, которые потребовали двухнедельного лечения. После оказания первой помощи на аэродроме меня более тщательно осмотрел доктор Леонардо Паллиери в госпитале Гардия Медика в Порта Венеция. Этот инцидент, который мог бы привести к серьезным последствиям, благодаря доброму участию и лечению моего близкого друга доктора Амброджио Бинда, обошелся ничем.

Однако данное происшествие позволило мне оценить, сколько итальянцев внимательно следят за моей деятельностью. Я получил практически всенародное сочувствие и теплые симпатии. Я отдыхал, мучаясь от боли, несколько дней, а затем занялся обыкновенной работой в «Пополо ди Италия», зная о том, что Италия уже не станет недооценивать играемой мной роли.

В день кровопролития в театре Диана и в дни последующих преследований, в то время как всеобщий дух был взвинчен и возмущен, некий Маси, посланный анархистами из Пьомбино, прибыл в Милан, чтобы совершить покушение на мою жизнь. Он пришел в мой дом позвонил в звонок и дерзко поднялся по лестнице. Это было странное создание с чрезвычайно удивительной наружностью. Моя дочь Эдда пошла открывать двери.

Неизвестный мужчина спросил обо мне. Его направили в редакцию «Пополо ди Италия», но он спустился вниз и остался ожидать меня на большой площади Форо Бонапарте. Увидев меня, он пошел ко мне сначала

стремительно, но затем замедлил шаг. Было заметно, что он нервничает. Неуверенным, вздрагивающим голосом он осведомился, не я ли профессор Муссолини, и когда получил утвердительный ответ, добавил, что хотел бы поговорить со мной какое-то время.

Странное поведение субъекта со зловещим взглядом позволило мне понять, что передо мной сумасшедший.

Я ответил ему, что не веду бесед на улице, и объяснил, что принимаю в редакции своей газеты, куда он действительно пришел спустя полчаса, прося о встрече со мной. Я сразу же охотно согласился. Повторяю, что Маса, этот молодой человек с огненным взглядом, оказавшись в моем обществе, снова сразу же стушевался. Он сказал, что хочет поговорить со мной. Его поведение было таким странным, что я прямо и доброжелательно попросил его рассказать мне все, что он хотел.

После минутного колебания он поведал мне, что был избран по жребию, который тянули анархисты Пьомбино, чтобы предательски застрелить меня из пистолета Берретта. Позднее, мучимый некоторыми сомнениями, он решился прийти ко мне и во всем признаться, передать в мои руки оружие, из которого я должен был быть убит, и отдать себя на мою милость. Я выслушал его молча.

Взяв из рук молодого человека револьвер, я вызвал старшего клерка и позвонил оператору газеты Сант Элиа и перепоручил ему этого бедолагу, пойманного в ловушку анархии и напуганного последствиями собственных мечтаний. Я хотел, чтобы Сант Элиа сопровождал его в Триест с рекомендательным письмом к фашисту Джинта. Однако вскоре после этого полиция, неизвестно какими путями разузнавшая об этом эпизоде, арестовала анархиста из Пьомбино после того, как он ушел от меня. Это было единственное удачное расследование, проведенное миланской полицией в то время. Полицейские оказались абсолютно неспособными установить личности людей, ответственных за взрыв в театре Диана, даже спустя Два месяца после преступления.

О, сколько людей мечтало поприсутствовать на моих похоронах! Но все же любовь сильнее ненависти. Я всегда ощущал в себе власть над событиями и людьми.

В то время Джиолитти находился в сложнейшей парламентской Ситуации. На политическом горизонте появилось созвездие первостепенного значения — фашизм. Столкнувшись с этим фактом, президент Совета министров той эпохи считал возможным ограничить активность партий на основе парламентского избирательного права и объявил о выборах, которые состоятся в мае месяце.

После предварительных дискуссий различные партии, которые стремились к правопорядку, представляя оппозицию социалистическому коммунизму, нашли целесообразным пойти на выборы единым целым, которое может быть определено как национальный блок.

В центре этого блока, в качестве единственной мотивирующей и поддерживающей силы, выступал фашизм. Все прочие партии поддерживали вид ниспровергателей политических и экономических условий. Социалистическая партия вступила в предвыборную гонку отдельно от коммунистической, в то время как Народная партия которая всегда требовала вдохновения духовного, религиозного характера, вышла на поле боя в одиночестве, полностью полагаясь на политическое влияние духовенства страны.

Для того, чтобы самостоятельно ознакомиться с реальным весом нашей партии, я начал вести предвыборную агитацию в нескольких провинциях. В начале апреля меня очень тепло встречали в Болонье, оплоте социализма и барометре, показывающем политическую температуру, преобладающую на всей территории долины По. Болонья приветствовала меня многоцветием знамен, парадами, радушными фанфарами и речами в поддержку возрождения Италии. Резня в Палаццо Аккурсио была все еще свежа в памяти со всеми своими кровавыми событиями. Фашизм был в особом фаворе; следовательно, мое присутствие не могло не пробудить у молодежи единую силу воли, надежды и веры.

Из Болоньи я отправился в Феррару, другой бастион социализма. И там снова меня ожидало незабываемое выражение силы. Болонья и Феррара — два крупных города, центры преимущественно аграрных районов. В те дни я мог измерить своей молодостью и глубокими познаниями силу, сознание, образ мыслей и стремление к порядку работников этой земли. Я понял, что их мышление просто заблудилось, но не находится во власти красной пропаганды. В глубине души это люди мудрые и достойные, которые в решающие моменты всегда были оплотом судеб итальянской нации.

Предвыборная гонка длилась ровно месяц. В течение этого периода я произнес три речи — одну в Болонье, одну в Ферраре и одну в Милане, на Плаца Борromeo. В отличие от ситуации, сложившейся во время политических выборов 1919 года, сейчас мне удалось добиться большинства голосов не только в Милане, но и в районах Болоньи и Феррары. За этой новостью следовали небывалые демонстрации ликования. Более того, в избирательном поле фашизм добился несомненных успехов.

В ноябре 1919 года я не смог набрать более четырех тысяч голосов. В

1921 году я лидировал со 178 тысячами голосов. Мое избрание в Итальянскую палату вызвало волну ликования среди моих друзей, коллег и ассистентов. Для всех моих верных подредакторов, Джилиани, Джанни, Рокка, Моргани и других, я припомнил эпизод 1919 года, когда я заверил моих обескураженных и растерянных коллег, что не пройдет и двух лет, как я получу свой реванш. Это пророчество действительно сбылось в течение двух лет. Каждый из слоев населения теперь вдыхал новую моральную атмосферу. Хотя немногие фашисты прошли в парламент, но это меньшинство представляло собой подавляющую силу для формирования новой судьбы Италии.

В Монтечиторио, Итальянском парламенте, в соответствии с законами палаты, фашисты сформировали собственный блок. Всего было тридцать пять представителей. Численно это действительно была незначительная группа, но она состояла из людей добропорядочных и к тому же отменно храбрых.

В ходе сессии я произнес мало речей. Мне кажется, я выступал пять раз, но не более того. Разумеется, во всех случаях я стремился придать своим выступлениям особое воодушевление и придерживаться основных реалий. Конечно же, я ограничивался тем, что посвящал их вопросам итальянской действительности. Я отбрасывал в сторону парламентскую демагогию и ничего не стоящие спектакли парламентских политиканов.

В речи, произнесенной 21 июня 1921 года, я абсолютно открыто раскритиковал внешнюю политику правительства Джиолитти. На твердых, реальных основаниях я поднял вопрос северной Италии, Верхнего Адига. Я подчеркнул бессилие правительства, а также людей, в чьих руках находилась власть над новыми провинциями. Один из них, Кредаро, был «также связан символом политической окружности и треугольника с бессмертными принципами» фальшивого либерализма, а его идеи испытывали на себе влияние масонства, которое в Италии представляло «паутину иностранных и интернационалистических идеалов».

Исходя из этого я со всей торжественностью заявил: «Если правительство Джиолитти несет ответственность за ничтожную политику Салата и Кредаро в Верхнем Адиге, то я голосую против него».

Давайте заявим немецким представителям, присутствующим в нынешнем парламенте Италии, что теперь мы находимся на перевале Бреннера и останемся на нем любой ценой». Я снова поднял острый животрепещущий вопрос Далмации и Фьюме. Я со всем пылом осуждал постыдную внешнюю политику Сфорца, приведшую нашу землю к унижению и краху.

Также я говорил о нашей внутренней политике. Я снял все покровы с социализма и коммунизма и заставил их взглянуть в лицо фашизму. Я не без иронии отметил тот факт, что среди других сторону коммунистов принял Грациадеи, который в прошлом, в бытность свою социалистическим реформатором, был моим оппонентом. Я вынес на свет божий абсолютную беспринципность тех представителей, которые запустили свои когти в плоть той или иной партийной группы или программы исключительно с целью достичь мелочной власти или личных выгод.

Эта речь, назначением которой было всего лишь разъяснение, помогла сделать несколько необходимых намеков касательно политического курса фашизма, направленного на опровержение методов и принципов наших противников. К моему удивлению, она произвела глубокое впечатление. Она имела обширный резонанс и за пределами палаты и, несомненно, была в числе факторов, которые в итоге заставили правительство Джиолитти, как и всех других, опрокинуться на спину, подобно пьяному канюку.

Я был не один в парламентской битве. Мой блок оказывал мне мужественную и умелую поддержку. Уже депутат Федерцони, позднее ставший видным деятелем фашистского государства, положил начало пересмотру и ревизии всей работы, проделанной графом Сфорца, министром иностранных дел в правительстве Джиолитти, а в особенности уделил внимание Адриатической политике. Во время наполненных драматизмом парламентских сессий работа вышеупомянутого министра не только подверглась строгому и непреклонному рассмотрению, исходя из логики и совести фашизма, но была изучена в свете переговоров и договоренностей, открытых или тайных, которые парламент должен был знать и утвердить.

После различных парламентских взлетов и падений правительство Джиолитти было смещено, и его сменило правительство Бономи — социалиста, который перешел в демократы исходя из различных каверзных измышлений. Он попытался установить в государстве мирную политику. Он был заинтересован в перемирии между фашистами и социалистами, подавляющие итоги которого я уже предвидел. В то время, когда Бономи развивал эту политическую идею, произошел трагический эпизод с бойней в Сарцане. Не менее восемнадцати фашистов погибло. Затем произошла резня в Модене, входе которой Королевская гвардия расстреляла участников фашистского парада, оставив больше десятка убитых и множество раненых. Если говорить как можно мягче, то внутренняя государственная политика все еще не обрела даже намека на стабильность.

Я не прекращал активной деятельности ни как лидер партии, ни как журналист и ни как политик.

У меня возникали продолжительные споры с Чичотти Скоццезе, одной из самых низких фигур журналистики. Он являлся той самой длинной рукой итальянского масонства. Среди прочих многочисленных несовершенств Скоццезе была патологическая трусость. И наша дуэль служила тому свидетельством. После нескольких резких выпадов врачи были вынуждены остановить поединок, заявляя, что у моего оппонента произошел сердечный приступ. Другими словами, страх довел его до подобного состояния. Незадолго до этой дуэли у меня была еще одна, с майором Басседжио, по причине некоторых парламентских разногласий.

Мне кажется, что я был достаточно умелым фехтовальщиком, по крайней мере, обладал некоторой долей отваги и благодаря этим Двум качествам всегда выходил из поединка достаточно легко. В таких поединках, носящих рыцарский характер, я стремился вести себя самым достойным образом.

В конечном итоге, в ноябре 1921 года я созвал в Риме всеитальянский конгресс фашистов. Положение должно было перейти с первой фазы, на которой фашизм носил характер движения, находящееся вне всех политических образований, в новую фазу, на которой должна была выкристаллизоваться окончательная структура партии закалившейся как при помощи сильной политической опоры, так и путем роста центральных и местных организаций.

Итальянское боевое ополчение находилось под влиянием стремительного, импульсивного духа. Поэтому они больше походили боевую организацию, нежели на нормальную и привычную партийную структуру. Теперь было необходимо перейти к этой второй фазе для того, чтобы подготовиться и стать достойным преемником старых партий в деле управления и руководства общественной жизнью. Конгресс в Августео, мавзолее Августа, а теперь концертном зале Рима, должен был прийти к договоренности относительно сроков создания новой партии. Необходимо было учесть как организационную структуру, так и партийную программу.

Это было памятное собрание. Благодаря множеству последователей, а также быстроте и основательности дискуссий оно показало всю зрелость фашизма. Моя точка зрения одержала на этом собрании ошеломительную победу. Итальянское боевое ополчение теперь переживало трансформацию. Оно должно было получить новое название — Фашистская национальная партия с централизованным руководством и верховным советом над каждой из провинциальных организаций и менее

значительных фашистских секций, которые должны были быть созданы в каждой местности. По этой причине я от всего сердца хотел избавить нашу партию от личностного характера, который фашистское движение приобрело благодаря влиянию моей воли. Но чем больше я желал сделать из партии автономную организацию, чем больше старался, тем увереннее становилось мое основанное на фактах убеждение в том, что партия не сможет существовать, а тем более добиться триумфа, не находясь под моим командованием и руководством, без моей поддержки и побуждения.

Конгресс в Риме дал глубокое проникновение в суть основополагающей силы фашизма, но для меня в особенности это было откровением о моей собственной внутренней силе. Но не обошлось и без некоторых неприятных инцидентов. В Риме было убито несколько человек. Рабочие предместья Рима были настроены враждебно по отношению к нам. Однако полноценная и нормальная работа конгресса была продолжена, а фашистский парад наконец-то прошел победоносным шествием по улицам Рима. Это дало понять каждому, что фашизм, как партия, уже созрел, а также является одушевленным механизмом, наделенным боевыми средствами и способным постоять за себя.

Правительство Бономи продвигало свою мирную политику среди разного рода трудностей. Время и место были выбраны не слишком удачно. 1921 год принес с собой такие проблемы, которые заставили бы содрогнуться любого политика. На горизонте должна была наметиться линия прояснения, но, несмотря на это, небо все еще было затянуто прежними тучами.

Приблизительно под конец этого противоречивого, серого года, в период ожидания великого просветления в финансовом мире произошел инцидент, бросивший тень скорби на всю Италию. Это был крах банка «Итальяна ди Сконтто». Последствия этого были особенно ощутимы на юге Италии, где простые труженики хранили свои сбережения в этом банке. Это значительное банковское учреждение появилось в годы войны и внесло заметный вклад в дело нашего успешного сопротивления, но в послевоенный период не вынесло бремени своих обязательств. Крупная банковская организация, в которой был так сильно заинтересован рабочий класс южной и верхней Италии, потерпела крах, заставив всю послевоенную итальянскую финансовую политику пережить ощущение полного смятения и собственной несостоятельности. Невежество, глупость, недочеты, легкомыслие стали тому причиной? Кто знает?

Разумеется, наш кредит, как мощная реконструирующая сила, в сравнении с зарубежными странами сильно сократился. Теперь к промахам

нашей внутренней политики в глазах всего мира прибавилась еще и подавляющая финансовая несостоятельность.

Фашизм держался в стороне от шумихи, вызванной финансовым хаосом, а также от последовавшей за ним политической неразберихи. Он не стал брать во внимание прошлое, но решил тщательным образом разработать разумную, здравую и дальновидную финансовую политику нации.

Первый раз я оказался лицом к лицу с проблемой общественных финансов гигантского масштаба.

Для меня это был абсолютно новый самолет, причем на нашем аэродроме совсем не было компетентных инструкторов.

Глава VIII

К завоеванию власти

Финансы, надлежащее использование и плавное течение капитала, а также развитие банковской системы страны не должны недооцениваться, когда имеешь дело с очевидной обязанностью по построению государства или по выводу страны из кризиса.

Как я уже говорил, ошеломительный крах большого банка «Итальяна ди Сконто» обнаружил глубинную слабость нашей экономической структуры. После войны стало ясно, что многие банковские и индустриальные предприятия вышли из строя и должны исчезнуть либо перейти под контроль более устойчивых организаций.

Велись постоянные бои между противоборствующими группировками капиталистов. Это вызвало циничное отношение со стороны нынешнего среднего класса; и в то же время стало очевидным, что наша капиталистическая индустриальная группа показала свою полную несостоятельность в составлении обширного плана выхода из кризиса. Мы нуждались в сильных капиталистических традициях, скрупулезном опыте; мы обнаружили, что в вихре событий трудно понять, кто прав и кто, по всей вероятности, сможет спастись, когда начнется настоящее давление и будет осуществлена настоящая проверка на выносливость.

Другие нации, которые смотрели в глубь этого поразительного кипящего котла безучастными глазами своих финансистов, делали неутешительные прогнозы относительно экономической ситуации в нашей стране. Само итальянское правительство не знало, как вести себя в сложившейся финансовой ситуации, и, не найдя ничего лучшего, поступило так, как всегда поступало в подобных случаях — начало выпуск дополнительных денежных средств. Это сделало ситуацию, которая и так была запутанной и сложной, чудовищно тяжелой.

В январе 1922 года Межсоюзная конференция проводилась в Каннах, на юге Франции. Это была довольно милая прогулка, но еще более приятной ее делало радушное гостеприимство французов. Я отправился туда в интересах своей газеты «Пополо ди Италия». Что за прекрасная возможность, по крайней мере, временно отвлечь внимание общественности от внутреннего кризиса! Вместо отечественных перипетий мы могли тщательнейшим образом изучить проблемы международного

характера!

В Каннах я хотел взять интервью у великих мировых политиков — людей ответственных. Исходя из полного обзора мне бы хотелось проинформировать итальянскую публику относительно тех разнообразных ингредиентов, которые можно обнаружить в пироге международной ситуации. Каннская конференция была увертюрой к опере Конференции в Генуе. Италия должна избрать собственный политический курс. Он должен быть таким, чтобы не ущемлять насущные интересы нации, произрастающие из наиболее неотложных исторических и политических потребностей.

Во всяком случае, исходя из этих соображений я решил отправиться в Канны. Я собрал десять тысяч лир на необходимые расходы. Мой брат Арнальдо обменял их в обменном пункте и принес мне эквивалент этой суммы во французской валюте, что составило всего лишь пять тысяч двести франков. Хотя я следил за курсом обмена иностранных валют, этот незначительный личный опыт оставил глубокое впечатление. Он заставил меня осознать достаточно неприятный факт: итальянская валюта утратила почти половину своей стоимости в сравнении с валютой Франции! Это было мрачное предзнаменование. Это было унижение. Это был удар по самолюбию нации-победительницы, досадное положение, указывающее прямой путь к банкротству! Пришла мысль о том, что ситуация должна быть исправлена при вмешательстве существенной силы фашизма. Это была одна из возможностей; ведь отчаянные события, к сожалению, не побудили правительство, политические партии или парламент к действиям. Вместо того чудовищный уровень инфляции давал каждому бессмысленное, противоречивое и ложное ощущение процветания.

Каннская конференция не имела важных последствий; она была прелюдией к Генуэзской. Она проходила в атмосфере равнодушия. Международные совещания следовали друг за другом с утомительной регулярностью то на том, то на другом из европейских курортов, которые представлялись наиболее приятными для проведения встреч на международном уровне. Последняя встреча утратила всякий интерес и вместо того, чтобы заявить о своей важности, стала объектом газетной сатиры и шуточных «куплетов» в юмористических изданиях. Однако лично мне временное пребывание в Каннах позволило сделать глубокие и обоснованные выводы на основании прямого и непосредственного наблюдения за людьми и событиями.

Каннская конференция спровоцировала внезапный правительственный кризис во Франции. Бриан, у которого в один из дней я брал интервью,

даже не ожидая голосования, покинул палату депутатов. А я, в статье от 14 января 1922 года, озаглавленной «После Канн», раскрыл истинный вес многочисленных острых вопросов международной ситуации, заключив:

«Нерешенные проблемы, вопросы и задачи могут выстраиваться рядами до бесконечности. Однако настало самое время взять на заметку наиболее важные уроки французского кризиса. Это горькое свидетельство. Оно заставит массы населения, страдающие как экономически, так и морально, признаться в глубине души: «Или эти господа совсем утратили совесть, либо они чересчур бессильны и мягкотелы. Они либо не хотят мира, либо просто не способны его достичь. Европа при нынешней ужасающей духовной и экономической ситуации должна либо руководствоваться здравым рассудком, либо погибнуть. Завтрашняя Европа, разбитая на отдельные обнищавшие нации, может превратиться в колонию: два других континента уже маячат на историческом горизонте!»

К тому плачевному состоянию, обнаружившемуся благодаря открывшейся мне панораме европейских горизонтов, следует прибавить, что, несмотря на наши внутренние проблемы, всегда могло быть немного хуже.

Как журналист, политик и депутат я всегда говорил о существовании двух Италий. Одна представлялась мне освобожденной от рабства. Она была благородной, гордой, верной, глубоко преданной кровавым жертвам войны, всегда готовой в первых рядах встать на защиту прав, привилегий и великого имени итальянского народа. Однако с другой стороны я видел иную Италию, глухую к любым проявлениям благородства и власти, равнодушную к своим корням и традициям, служащую туманным «измам», рабу холодного безразличия, эгоцентризма, не способную на мужество и смертельные жертвы.

В тысячах невзгод и лишений, в бесчисленных битвах две эти Италии выступали друг против друга по воле неизменной судьбы; их оппозиция выражалась в кровавых манифестациях, похожих на те ожесточенные, последние бои, что велись между фашистами и их врагами. Чтобы увидеть характер этого противостояния в истинном свете, давайте рассмотрим несколько типичных эпизодов.

Например, в Пистое храбрый офицер, лейтенант Федерико Флорио, который мужественно сражался во время войны и последовал за д'Аннунцио во Фьюме, был предательски убит анархистом-дезертиром Кафиери Лучези. Это было преступление, спланированное малодушными трусами, чтобы погубить благородного, отважного человека. Это преступное деяние наполнило души фашистов крайним негодованием.

Последние слова нашего мученика были просты и торжественны: «Мне жаль сейчас, что я больше не смогу быть полезен своей родине». И более ни слова. Началась смертельная агония. Я почувствовал, что подобные жертвы нерушимо скрепляют единство фашизма.

«Жуткий цемент! — писал я в своей газете. — Он скрепляет фашистские легионы воедино; священная и неуловимая нить, связующая воедино всех верных Литторио. Это священная связь с нашими мертвыми. Их сотни. Совсем юных. Зрелых мужчин. Ни одна партия в Италии, ни одно политическое движение в прежние времена не может сравниться с фашизмом. Ни один из идеалов не похож на фашистский — освященный кровью стольких молодых душ.

Если бы фашизм не был верой, то как бы он мог внушать стойкость и отвагу своим легионам? Только вера, достигшая вершин, только такая вера могла подсказать слова, слетевшие с губ бескровного и бледного Федерико Флорио. Эти слова представляют собой Документ; они несут в себе завещание. Они также просты и серьезны, как строки из Евангелия.

Фашисты по всей Италии должны услышать эти слова и задуматься над ними в тишине, но беспрестанно маршируя, всегда с еще большим воодушевлением, к своей цели! И никакие препятствия их не остановят».

Все мы с полной ясностью осознавали те команды и импульсы, что исходили от мертвых. Когда вера исходит из сердец мучеников, она неодолимо влечет за собой впечатление благородства, а также людей, осененных его извечным величием.

Фашистские группировки, их собрания, их лаконичные парады, а также служение патриотизму брали за идеал наших мучеников, непобедимых рыцарей фашистской веры и духа. Мы называли их по именам, одного за другим, твердыми и уверенными голосами. И на каждом имени товарищи отвечали: «Присутствует». Это был простой обряд, наделенный всей значимостью и уверенностью клятвы.

Абсолютно противоположные признаки в противостоянии двух разных Италий с полной откровенностью проявлялись в политике, проводимой двумя сенаторами, Кредаро и Салата, которые находились на приграничных территориях в качестве высочайших уполномоченных правительства. Казалось, что эти двое ждут некоей милости и снисхождения от местных жителей, которые не являются по крови итальянцами, на том основании, что сами они итальянцы. Ни одно из требований говорящих на немецком языке приграничных жителей не считалось неоправданным. Мало-помалу, следуя хитрой и раболепной политике, мы отреклись от строго определенных прав, освященных кровью, пролитой героями-

добровольцами. Как я уже говорил в предыдущей главе, уже в июне 1921 года я прямо и открыто в присутствии всей палаты парламента осудил и осмеял работу, проделанную Кредаро и Салата. Однако их деструктивная, разрушительная активность продолжалась. Фашисты, оказавшиеся свидетелями последовательных эпизодов, подтверждающих подобную врожденную и бессмысленную слабость, восстали; они обвиняли двух губернаторов в самых яростных выражениях. 17 января 1922 года, на митинге в Триесте, фашисты требовали отозвать Салата, а также закрыть центральное управление новых провинций. Эта кампания достигла успеха в своих начинаниях некоторое время спустя. Фактически сенаторы Кредаро и Салата были отозваны еще до официального распоряжения правительства об их смещении. Но от последствий их ошибок страна страдала еще долгое время. И совсем по-другому, с честью и достоинством, чернорубашечники разместили свои гарнизоны на священных границах Бреннера и Невоссо.

В этот период горьких, взаимных обвинений, дебатов и раздоров, пока европейский горизонт еще был затянут грозowymi тучами, пришло известие о смерти Папы Бенедикта XV, Джакомо делла Чеза, из благородной генуэзской фамилии. Он покинул этот мир 22 января 1922 года. Он правил Церковью в наиболее бурный период войны, наследовав Пия X, добродушного патриарха из Венеции, чей понтификат запомнился отчаянной борьбой с причудами политического и религиозного модернизма.

Бенедикт XV не оставил в наших душах доброй памяти о себе. Мы не могли забыть, как ни пытались, о том, что в 1917 году, когда люди сражались и все мы были свидетелями падения царского режима и революции в России, а также поражения армий на Восточном фронте, понтифик охарактеризовал войну неуместным высказыванием «бессмысленная резня». Эта фраза, просто невысказанная в столь ужасный период, была ударом для тех, кто верил в жертву ради идеала и надеялся на то, что война исправит многие из несправедливостей, глубоко укоренившихся в ходе истории. Кроме того, война была нашей идеей; католическая церковь всегда была далека от войн, в отличие от тех случаев, когда провоцировала их сама. Но, все-таки неоднозначное поведение Папы на фоне военного конфликта наций сейчас признается чуть ли не верхом справедливости и самой сутью объективного духа некоторыми излишне рьяными личностями, которые неадекватны в критическом смысле и слепы в том, что касается осознания исторических процессов.

Но для нас, итальянцев, подобное отношение и способы его выражения имели абсолютно другое значение. Оно служило лишним свидетельством той аномальной фазы, в которую вошла Италия, а именно позиции римского понтифика в тот момент, когда страна была втянута в страшную, ужасающую борьбу. По этой причине, после смерти Бенедикта XV преемственность понтификата приобрела в тот момент огромную важность для будущего.

У нас в стране существует пословица, которой в случае самых экстраординарных событий пользуются, чтобы подчеркнуть, что даже самые большие трудности могут быть сведены до минимума. Она звучит так: «Когда один Папа умирает, другой уже на подходе». Это простое высказывание не требует никаких комментариев. Но достичь престола Святого Петра, стать достойным наместником этого князя среди апостолов, представлять на Земле святой дух Христа, это одно; но вес и значимость решения, принимаемого Советом кардиналов, — это совсем другое. Ввиду отношений, существующих между Государством и Церковью в Италии, можно легко понять, что могли существовать причины для опасений, точно так же, как и глубочайшая заинтересованность в решении конклава. Глаза всего католического мира были обращены к Риму. Огромное недовольство потрясло все европейские правительства; тайные влияния проникали все глубже; все эти силы стремились подавить и обезоружить друг друга.

Наблюдатели и дипломаты со всех стран мира были озадачены грядущими трудностями еще с того самого момента, как началась подготовка к заседанию конклава и когда весь Рим был готов терпеливо ждать результатов голосования на площади Святого Петра.

Тем временем в Италии поднялись дебаты относительно политического влияния Бенедикта XV. В адрес его преемника делались самые разнообразные предсказания; возникший по этому поводу журналистский ажиотаж никогда не достигал подобных размеров. Многие проблемы, имеющие широкий резонанс, получали поверхностное суждение.

Падение правительства Бономи, приписываемое неэффективности внутренней политики и краху банка «Итальяна ди Сконтто», на самом деле произошло вследствие отказа от поминовения Папы Бенедикта XV в национальном парламенте.

Я и раньше при всяком удобном случае объяснял фашистам, которых считал и всегда буду считать истинной аристократией Италии, что наш религиозный идеал несет в себе моральные черты первостепенной важности. Я подтверждал необходимость отказа от бесплодной идеи неестественного и дурного антиклерикализма, абсурдной и ложной в самой

своей сути. Данная тенденция не только приводила нас в состояние морального меньшинства в сравнении с другими гражданами, но также по религиозному признаку разделила итальянцев на последователей разных школ мысли. Но, прежде всего, это оставило нас беззащитными перед лицом такой коррумпированной, зловещей и лживой власти, какой было интернациональное масонство политического типа, сильно отличавшееся от движения, известного в англосаксонских странах.

Я хотел показать, что проблема взаимоотношений между Государством и Церковью в Италии не должна рассматриваться как неразрешимая, а также объяснить необходимость установления после спокойного и беспристрастного объективного размышления атмосферы взаимопонимания для того, чтобы дать итальянцам основания для жизни в гармонии между религиозной верой и общественной жизнью.

Фашисты, как достойные своей эпохи интеллигентные люди, разделяли со мной идеи новой религиозной политики. К этому прибавилась и борьба с масонством в том виде, в каком оно существовало в Италии. Это была борьба первостепенной важности, и фашисты были практически единодушны в том, что вести ее следует до победного конца.

Не стоит забывать, что итальянские масоны всегда представляли собой грубое искажение идеи не только в политической жизни, но и в духовном аспекте. Вся сила масонства была направлена против папской политики, но эта борьба не несла в себе настоящего, глубокого идеала. С практической точки зрения тайное общество базировалось на взаимном низкопоклонстве и лести, обоюдной помощи, разрушительном деспотизме и фаворитизме. Чтобы обрести власть и влияние, а также чтобы довести до конца свои коварные закулисные интриги, масоны воспользовались слабостью либеральных правительств, наследовавших друг друга после 1870 года, дабы распространить свои махинации на бюрократический аппарат, судебных чиновников, сферу образования, а также армию таким образом, чтобы иметь возможность руководить важнейшими средоточиями жизни нации в целом. Тайный характер на протяжении XX века, загадочные собрания, противоположные нашим прекрасным сообществам, наполненным светом солнца и любовью к истине, придавали этой секте характер коррумпированного и извращенного понимания жизни, лишенной программы, души, моральных ценностей.

Моя антипатия к данной уродливой форме секретного сообщества уходит корнями в юность. Задолго до нынешних событий, на конгрессе социалистов в Анконе в 1914 году, я поставил перед своими товарищами дилемму: социализм или масонство? Эта точка зрения добилась полного

триумфа, несмотря на сильное сопротивление социалист-масонов.

Позднее, уже будучи фашистом, я сделал тот же самый шаг силы. Это потребовало определенного мужества. Я повиновался позитивному побуждению собственного сознания, а не трусливому оппортунизму. Мое отношение не имело ничего общего с антимасонскими настроениями иезуитов. Они исходили из соображений самозащиты. Кроме того, их внутренняя организация как религиозного общества практически неизвестна широким массам.

Из-за моего целенаправленного, методичного и последовательного политического курса ненависть масонских сект преследует меня даже сейчас. Этот вид масонского движения был подавлен в Италии, но он продолжает действовать, прячась под маской международного антифашизма. Однако ему никак не удастся сразить меня. Он старается забросать меня грязью, но все оскорбления и нападки не достигают цели. Он плетет интриги и замышляет преступления, но наемные убийцы не могут контролировать моей судьбы. Распускаются сплетни о моих слабостях и мнимых болезнях и недугах, но я никогда еще не чувствовал себя таким бодрым и здоровым, как сейчас.

Это непрерывная война, ветераном которой я уже стал. Каждый раз, когда я хотел клеймить проблемы и трудности политической жизни Италии, каждый раз, когда у меня возникало желание высказать искреннее, откровенное и честное суждение о личностях отдельных политиков, то всегда против меня восставали наши масоны! Но эта организация, которая в иные времена обладала огромной властью, была повержена мной. Она так и не смогла у меня выиграть. За меня победу в этой битве одержали итальянцы. Они нашли исцеление для этой язвы.

Сегодня Италия дышит полной грудью; ее жизнь проходит под лучами солнца.

Когда пало правительство Бономи, король обратился за советом ко многим государственным мужам. Меня также дважды вызывали в Квиринал, его официальную резиденцию, где проходили конференции. По причине вполне очевидной сдержанности я не мог распространяться о том, что говорил Соверену. Этот политический кризис приобрел невероятные масштабы. Мы двигались ощупью в кромешной тьме. Число политиков, которые с честью могли заполнить пробел, было крайне ограничено. Взгляды оборачивались то в сторону Орландо, то в сторону Де Никола, но никто не хотел брать на себя обязанность по формированию правительства при сложившихся условиях. Они были вынуждены снова обратиться к Бономи, который потерпел поражение во второй раз, когда снова

выставлял свою кандидатуру в палату.

Были проведены новые консультации, и высказаны новые предположения. И всегда назывались одни и те же имена: Орландо, Де Никола, Бономи. Общая картина представляла собой ту степень беспомощности, которая оказала влияние на многие демократические режимы и вынудила многие страны к унижительному и нелепому соперничеству в том, что они насчитывают больше правительств и министров, чем лет существования! Требования к руководству оставались неизменными: способность находить компромиссы между принципами, а иногда добиваться даже интеграции, торговаться и вести переговоры с мастерски отточенной демагогией, чтобы выстроить следующую шаткую конструкцию, которая сможет увековечить всю целостность загнивающей системы. Подобная система могла быть дорога сердцу доктринеров. Но на практике это было совсем другое дело.

«Народная», или «Католическая», партия, следуя своему ложному политическому инстинкту, который заставлял ее оставаться ультраконсервативной по сути и революционной на митингах и в парламенте, наложила «вето» на возвращение Джиолитти. Такая позиция «народников» была крайне необычной. К сожалению, они контролировали достаточно сильную парламентскую группу. Отказываясь принять на себя ответственность государственной власти, они вычеркнули Джиолитти и отказали в поддержке Бономи. Они сделали формирование какого бы то ни было правительства почти невозможным даже на временный срок.

Несмотря на все повторявшиеся консультации, на поверхность всегда всплывали одни и те же имена. Это был тот же застой, который постиг в свое время иные слабые демократические режимы. Он разбивал вдребезги политическую логику, здравый смысл и, к сожалению, разрушал и саму Италию.

Наконец-то было сформировано правительство Факта. Этот заурядный выбор одного из членов парламента, близко связанного с Джиолитти, стал единственным якорем спасения в этой абсурдной буффонаде. С каждым днем мы спускались на одну ступень ниже по лестнице собственного достоинства. Тем не менее, в силу сложившихся условий, а также благодаря тому, что Факта взвалил на себя ношу, которую не захотел нести никто другой, я без всяких колебаний заявил на страницах своей газеты, что новый кабинет, такой же бесцветный, как и прежние, должен дойти в своей работе до какого-то логического конца. Я был готов заявить, что правительство должно олицетворять хотя бы стремление продолжать работу, по крайней мере, в тех делах, которые касаются ординарной

рутины административного аппарата. Уже достаточно терпеть правительство, не создающее ничего; но еще хуже претерпевать политическую систему, которая самостоятельно не может создать даже администрации!

Факта был настоящим ветераном парламента, и я чувствовал уверенность в том, что это человек старой закалки. С уважением относящийся к третьесортной политической морали людей своего поколения, он имел в жизни лишь одну сильную привязанность. И это была преданность его учителю. Джиолитти. В былые времена Факта был весьма здравомыслящим и предусмотрительным министром финансов. Даже его друзья отмечали, что он не обладает силой и влиянием, необходимым для того, чтобы управлять правительством в переломный период. Он должен был лицом к лицу встретиться с дымом сражений между партиями, с претензиями «народников», все возрастающей силой фашизма и, в конце концов, весьма деликатной ситуацией за рубежом.

Именно при помощи подобных методов старая «либеральная» Италия с ее недалеким отношением к проблемам, мелочными парламентскими перебранками, недостойными кулуарными интригами и заговорами в коридорах и раздевалках, приемных и близлежащих кафе, стремлением к ничтожной личной власти, периодически повторяющимися кризисами и журналистской возней разрушала настоящую Италию. Италию со всеми ее враждующими кооперативами, дутыми сельскими банками, жалкими и поверхностными экономическими мерами, недееспособной и недаленовидной благотворительностью! Италию на позициях покорного слуги с салфеткой на руке, которой он вытирает рты другим государствам на международных конференциях! Италию плодородную и могучую! Италию, которая подобно матери способна вскормить даже для неблагодарных зарубежных стран трудолюбивых сыновей, которые делают плодородной чужую почву, благоприятным чужой климат, благополучными другие города и других людей! Таким было ее могущество; таким было положение!

Факта был истинным представителем того старого мира. И его первого удивило то, что у него внезапно завелось столько почитателей. Он любил повторять, что так и не смог понять, почему именно он должен был возглавить итальянское правительство. Этот робкий член парламента забыл о том, что все окружающие его люди, которые внушали ему ощущение собственной силы и значимости, всего лишь были уцелевшими элементами старого либерально-демократического мира, лишенного жизненных сил, давно изжившего себя, разрушающегося и ищущего

спасения в последних опорах либерального компромисса.

Но могучая машина фашизма уже была запущена. Никто не мог стать на ее пути, чтобы остановить, поскольку она руководствовалась единственной целью: дать Италии правительство.

В этот период было совершено несколько попыток привести фашизм к расколу и краху. Я отвел их несколькими росчерками пера и некоторыми внутренними мерами. Меня меньше беспокоили ошибочные проявления неприязни и недовольства, нежели отдельный печальный инцидент во Фьюме. Там, изменивший интересам Италии ренегат Занелла лелеял и возвращал постыдный и подлый антиитальянский заговор. Фашисты осудили его на изгнание. Этот злосчастный представитель автономистов и югославов был вынужден покинуть несчастливый город, который без поддержки Италии так никогда и не смог бы испить из кубка мира.

В это же время умер Чарльз Габсбургский, который дважды тщетно пытался вернуть себе снова корону Святого Стефана. Богиня возмездия истории сделала свое дело и отняла у рода Габсбургов последнюю возможность возвращения. В итальянской истории этот правящий дом всегда представлял наиболее несчастливое влияние. Он был неизменно враждебен по отношению к нашей солидарности.

Не привлекая всеобщего внимания и не вызывая глубокого интереса у интеллигентной публики, принимающая то тот, то иной оборот, сопровождаемая то сменяющимися друг друга надеждами, то кризисами, то оптимизмом, то абсолютным разочарованием, прошла конференция в Генуе.

1 мая того года праздновался так называемый День труда. К сожалению, единственными отличительными чертами этого праздника были повышенные взрывы активности и нападок, а также засады со стороны социалистов и коммунистов. Даже 24 мая, годовщина объявления войны, была омрачена кровью. Торжественные парады прошли по всей Италии, но в Риме коммунисты осмелились обстрелять участников парада, проводившегося в память Энрико Тотти, Римлянина, который помимо своей жизни бросил против спасающихся бегством врагов также свою единственную опору. Один человек погиб, двадцать четыре получили ранения.

Как будто всего этого было недостаточно, Альянс Труда, своеобразный коалиционный гибрид всех антифашистских группировок, объявил всеобщую забастовку.

Это уже было слишком! Со стороны правительства не наблюдалось даже никаких попыток к активным действиям. Без лишних колебаний я

объявил всеобщую мобилизацию фашистов. Я дал свое слово чести, что мы сломаем хребет всем попыткам красного мятежа. «Мы уверены, что победим, вернее, сокрушим этого зловещего зверя раз и навсегда».

Учитывая робкое бездействие средних классов и правительства, это мужественное решение, принятое после всестороннего анализа, с полной долей решимости и ответственности, послужило для красных и социалистов чем-то вроде ледяного душа. Мобилизация фашистских отрядов ударила подобно молнии.

В тот же день забастовка закончилась.

Пока на улицах, скверах и площадях твердой, энергичной рукой фашистов восстанавливался порядок, в парламенте Монтечиторио продолжали плестись те же интриги. Происходило обычное колебание между планами и программами. Оно имело место в связи с предложениями власти вступить в сотрудничество с красными! В этом всеобщем маразме 12 июля вышло заявление министра финансов Пеано, которое ознаменовало для меня максимальный уровень тревоги.

«Дефицит бюджета нации составляет шесть с половиной миллиардов». Для Италии это была просто ужасающая цифра. Вынести подобную финансовую ситуацию наши экономические структуры были не в силах. К ошибкам и промахам во внешней и внутренней политике прибавился финансовый хаос. Министр Факта в рекордно короткие сроки обнаружил свою полную несостоятельность во всех направлениях. 19 июля 1922 года я выступил в парламенте с речью, в которой прямо и категорически отвел от правительства голоса фашистской фракции. После раскрытия противоречивой и сомнительной позиции социалистов, которые добивались сотрудничества с правительством, чтобы в дальнейшем облегчить для себя его шантаж, а также «народников», ошибочно возомнивших себя истинными властителями сложившейся ситуации, я недвусмысленно и резко высказался прямо в лицо премьер-министру:

«Многоуважаемый синьор Факта, я утверждаю, что ваше правительство не может существовать, потому что оно неподобающе с любой точки зрения. Оно не может жить, а вернее сказать, прозябать, влачить свое существование, благодаря милости всех тех, кто вас поддерживает. Традиционная петля в той же мере поддерживает не менее традиционного повешенного. Кроме того, ваши творцы здесь, чтобы засвидетельствовать характер вашего правления; вы были первым, кого больше всех удивило назначение на должность Президента Верховного Совета».

Затем я продолжал обнародовать печальные промахи политики Факта и закончил утверждением, что фашизм, отдалившись от парламентского

большинства, достиг «состояния высокой политической и моральной сдержанности...». «Невозможно быть частью большинства, — добавил я, — и в то же время действовать вне его, как теперь вынужден действовать фашизм».

Эти слова вызвали оживленный гул приглушенных голосов, отдельные выкрики и комментарии, которые достигли своей наивысшей степени, когда я прибавил:

«Фашизм будет принимать собственные решения. Возможно, уже скоро он заявит о том, желает ли быть легитимной партией, поскольку это означает правительственную партию, или вместо этого станет партией мятежной. В последнем случае она уже не сможет быть частью какого бы то ни было правительственного большинства. А следовательно, не будет обязана присутствовать и заседать в этой палате».

Я высказывался подобным образом не только в адрес умирающего правительства Факта, но также и любого другого нового правительства, и в моих словах безошибочно чувствовалось деятельное и твердое предупреждение. Я поднял предупредительный знак своих намерений и открыто заявил о них, не сходя со своего места.

В тот же день правительство Факта пало. И сразу же началось новое блуждание в потемках в поисках преемников. Повсеместно опять звучали одни и те же имена — Орландо, Бономи, Факта, Джиолитти.

И вот, наконец-то, в процессе дедуктивных размышлений и отсева остановиться решили на имени Меда. Он был депутатом от Народной партии из Милана, а также главой фракции «народников», которая своей тайной, зловещей тактикой удерживала в своей власти любое правительство. Меда, который уже был министром, отказался от этого назначения из страха. Это было нашим главным парадоксом — никто в Италии, в среде этой так называемой силы конституционного правопорядка, которая включала в себя священников и радикалов, не желал брать на себя ответственность за власть. Какие бы претензии «либерализм» и «демократия» ни имели на власть, сейчас, по крайней мере, никто не решался коснуться этого сокровища.

В сложившейся ситуации социалисты с готовностью шантажировали нацию, в то время как фашисты молча заготавливали дрожжи и хлеб, закаляли волю и оружие ради борьбы за честь и достоинство нации.

Пока медленно протекали конференции, направленные на поиски путей выхода из кризиса, в период неспособности сформировать новое правительство в Италии возникла практически невыносимая ситуация. Все силы левых партий, не только откровенно подрывных, но также

организации Трудовой конфедерации, парламентской фракции социалистов, а также фракций демократов и республиканцев, готовили всеобщую забастовку по всей Италии. Ее характер был типично и исключительно антифашистским. Основным предлогом было стремление уберечь свободу людей, оказавшуюся под угрозой фашизма!

Вся галактика политических элементов, скорее напоминающая жалкий сброд, эти инертные, негодные, безнадёжные силы, которые в прошлом на корню уничтожали всяческую свободу и попирали всеми доступными способами нашу мораль, наш мир, наше процветание и наш порядок, никогда не поднимались против фашизма и всей Италии в более нелогичном, несправедливом, оскорбительном и провокационном порыве.

Дни, прошедшие под знаком этих зловещих сил, были днями, когда я принял окончательные и бесповоротные решения. Наше развитие, обусловленное влиянием как политических, так и военных силовых резервов, должно было, в конце концов, привести нас к маршу на Рим и захвату власти.

В качестве ответа на антифашистскую провокацию я объявил следующую всеобщую мобилизацию фашистов. Совет «Фашистского итальянского ополчения» должен был заседать постоянно. Фашистские техники должны быть собраны вместе, чтобы продолжать работу в общественных службах. «Боевые отряды» должны были громить подрывные организации. Миланские фашисты атаковали «Аванти», которая считалась основным оплотом наших оппонентов. Редакционные помещения были сожжены. Фашистами также были заняты все трамвайные парки. Они начали побуждать общественные службы к обычной деятельности, несмотря на объявленную забастовку.

Правительство было не способно подавить назревающую забастовку, но новая сила пришла ему на замену! Превосходно вооруженные фашисты заняли электростанции, чтобы предотвратить акты саботажа.

Было необходимо раз и навсегда уничтожить все нервные центры беспорядка. И фашистам это удалось.

Только в Милане трое юных чернорубашечников заплатились своими жизнями. Двое из них были студентами университета. Среди наших мальчиков также было много раненых.

Однако испытание сил прошло успешно. Враги Италии были охвачены предсмертными конвульсиями. Они беспечно разменяли свои обязательства на пустые сражения в красноречии и литературщине. Жизнь людей снова вернулась в нормальное русло. Фашизм обнаружил глубинную силу, единственную способную повелевать Италией

завтрашнего дня, не только с позиции откровенной силы, но и с решимостью, основополагающей мудростью, характером и лишенным всяческого эгоизма патриотизмом.

Наши противники были побеждены, поставлены в тупик и унижены. Одни из тех, что называли себя толкователями либеральной идеи, признали — крайне великодушно с их стороны! — что теперь фашизм превратился в такую силу, которая уже не может быть проигнорирована. «Карьере дела Сера», серьезная и в некоторой степени выдающаяся миланская газета, которая всегда использовала свой тираж, чтобы быть глашатаем духа отживающей свою среднеклассовую ограниченность, в прошлом окружала чем-то вроде благородного ореола личность лидера социалистов Филиппо Турати. Теперь она почувствовала необходимость выделить на своих страницах место для того, чтобы признать право фашистов на участие в правительстве. Неурегулированный кризис продолжал набирать обороты. Меня снова вызвал к себе король. У меня также состоялось несколько бесед с Орландо. Одна за другой все прогнозируемые комбинации распались и отодвигались в сторону, подобно старому отвергнутому распределению ролей. Итак, измученные, они вновь вернулись к Факта. Он послал ко мне одного из своих эмиссаров с вопросом, на каких условиях фашисты согласятся занять места в новом правительстве. Я отправил свой ответ вместе с посланцем, предав, что фашизм удовлетворится лишь наиболее значительными назначениями.

Меня убеждали занять пост в кабинете министров, но каким абсурдным способом! Естественно, что я должен был держаться в стороне от коалиции, дабы сохранить за собой право критиковать, а если возникнет такая потребность, то и действовать. Однако мои требования относительно представительства фашистов были расценены как чрезмерные. Невезучее правительство Факта начало свою работу без нас, но, как в случае со спуском корабля на воду, вместо теплых приветствий со стороны нации раздавался лишь ропот презрения и равнодушия.

И друзья, и враги теперь смотрели лишь в сторону фашизма. Это было единственным обстоятельством, пробудившим интерес к жизни у итальянского народа.

Я решил лично возглавить чернорубашечников. У меня уже выкристаллизовалось намерение провести марш на Рим.

Ситуация не предполагала никакого другого решения.

16 октября я вызвал в Милан генерала, который отличался особой стойкостью и был переполнен истинной верой в фашизм. Я составил схему военно-политической организации по модели древнеримских легионов. Я

разделил фашистов на «принципсов» и «триаров». После совещаний с лидерами высшего звена мы создали лозунг, униформу и клич. Я отлично знал ситуацию с профашистскими и антифашистскими настроениями по всем регионам Италии. Я мог вести свои легионы на Рим вдоль Тирренского моря, отклоняясь в сторону Умбрии. С юга ко мне могли присоединиться объединенные формирования Пулье и Неаполя. Единственным препятствием была враждебная зона, расположенная в центре Анкона. Я собрал Арпинати и других фашистских лейтенантов, отдав приказ освободить Анкону от социал-коммунистического господства.

Город, который, как известно, находился в руках анархистов, был покорен при помощи маневров, осуществленных в безукоризненной военной манере. Были убитые и раненые. Очень жаль! Но зато теперь остатки антифашистских сил были уничтожены. Сейчас его главные силы сосредоточились в Риме; они были вытеснены в свои укрытия на Монтечиторио, где заседал парламент.

Новое солнце просияло над большинством наших провинций. Теперь все мы могли дышать полной грудью. Смелые усилия фашизма теперь переживали свой прилив во всей его силе. Знаменитые критики, историки с мировым именем, ученые со всех концов света начали со все возрастающим интересом следить за движением, созданным и возглавленным мной ради достижения великой победы.

Тем временем я написал несколько передовых статей, направленных против отчаянных скептиков, в которых говорилось: «Сегодня фашизм пребывает на первой стадии своего существования; на одной с Христом. Не торопитесь; новый Святой Павел уже грядет».

Затем, не теряя ни минуты, я в деталях стал разрабатывать планы захвата Рима и власти. Мной никоим образом не руководили ни миражи личной власти, ни какие бы то ни было иные соблазны, ни стремление к единоличному политическому господству.

У меня всегда преобладало альтруистическое видение жизни. Я на ощупь пробирался в сумраке теорий, но делал это не для собственного блага, а для того, чтобы принести его и другим людям. Я сражался, но не ради собственной выгоды, прямой или косвенной. Моей целью было высшее благо родной нации. В конечном итоге, я мечтал о том, что фашизм должен править Италией ради ее славы и светлого будущего.

По понятным причинам я не могу обсуждать даже самые простые из мер, предпринятых мной в тот период. Некоторые носили политический и тайный характер, поэтому в этом случае абсолютно необходимо

прибегнуть к сдержанности. Моя газета, не привлекая слишком много внимания посторонних лиц и моих врагов, превратилась в штаб-квартиру духовных и материальных приготовлений к маршу на Рим. Это было сосредоточение наших помыслов и действий. Военные и политические силы повиновались моим приказам. Я взвесил все планы и пропозиции. Наконец-то составив свой собственный план, я отдал все необходимые распоряжения. Затем здесь же развернулись масштабные подготовительные маневры, такие как план оккупации Тренто, Анконы и Больцано — мест, которые могли стать угрозой нашей стратегии.

Я желал получить информацию о состоянии духа фашистов, их оперативности и решимости. Следовательно, я отправился, чтобы произнести четыре важные речи в разных частях Италии. В них я выдвигал на первый план политику завтрашнего дня. Я определил основную цель фашизма. О ней было заявлено абсолютно открыто. И заключалась она в захвате власти. Я не хотел снискать для себя Расположение масс. Я всегда обращался к большинству с неприкрытой прямоотой и даже некоторой безжалостностью. В этом заключался яркий контраст с тем презренным заискиванием, которое использовали в отношении масс политические партии всех эпох и народов.

Например, 17 сентября 1922 года, за месяц до похода на Рим, я писал о том, что необходимо «сбросить с алтарей, воздвигнутых демократами, Ее Величество Толпу!».

Я посещал фашистские митинги, проводимые в Удине, на севере Италии, в Кремоне, расположенной в долине реки По, индустриальном Милане и Неаполе, центре южной Италии. Я хотел лично убедиться в том, какой дух преобладает в этих регионах, каждый из которых отличался собственным величием. Я был провозглашен освободителем и спасителем. Это польстило мне, но абсолютно не заставило меня возгордиться. Я почувствовал в себе силу и с еще большей уверенностью осознал те вершины ответственности, которые принимал на себя. В этих четырех городах, таких разных и таких далеких друг от друга, я видел один и тот же свет! Со мной была честная, добрая, чистая, искренняя душа итальянского народа!

Я созвал заседание Центрального Комитета Итальянского боевого ополчения фашизма, и мы пришли к соглашению относительно основных принципов движения, которое с триумфом должно было провести чернорубашечников по священным дорогам в Рим.

Выступая в те дни в цирке Сиеса в Милане, я сказал моим доверенным лицам, что мы наконец-то подошли «к печальному закату либерализма и

рассвету фашизма над новой Италией!».

Глава IX

Так мы взяли Рим

Теперь мы жили в преддверии исторического похода на Вечный город.

Завершив обзор и оценку условий в провинциях, выслушав доклады разных лидеров чернорубашечных отрядов, окончательно наметив планы действия и в общих чертах подготовившись к наиболее благоприятному моменту, я собрал во Флоренции руководителей фашистского движения и отрядов быстрого реагирования. Среди них были Микеле Бьянчи, Де Боно, Итало Бальбо, Джиуриати и многие другие. Кто-то во время спокойного обмена мнениями предложил назначить дату мобилизации отрядов на 4 ноября, годовщину Победы. Я отверг эту пропозицию, так как священный день поминовения будет осквернен вторжением элементов революционной активности.

Было необходимо предоставить нашему движению всю полноту преимуществ и возможностей и заставить его вспыхнуть и воссиять над всей Италией. Помимо военных аспектов следовало взвесить политические последствия и ценности. И, в конце концов, мы должны были учесть неприятную возможность яростного сопротивления или полного провала наших планов из-за какой-то недоработки. Мы были обязаны заранее определить все, как и когда, детально проработать все средства, а также наметить, с какими людьми и какими целями наиболее разумно осуществлять фашистскую атаку.

Собрание фашистов в Неаполе, которое было заявлено как наш второй главный конгресс, представлявшее собой образец дисциплины и ораторского искусства, было призвано завуалировать начало настоящей мобилизации. В назначенный момент отряды быстрого реагирования по всей Италии должны были быть в полной боевой готовности. Они должны были занять все жизненно важные артерии — города и почтовые управления, префектуры, полицейские управления, железнодорожные станции и военные казармы.

Фашистские подразделения под командованием своих лидеров, в прошлом храбрых офицеров, должны были пройти вдоль Тирренского моря к самому Риму. То же движение должно было быть предпринято вдоль Адриатического побережья, откуда на Рим должны были двинуться силы регионов нижней Романьи, Марче и Аbruцци. В соответствии с

военными планами Анкона должна быть освобождена от социал-коммунистического господства. Эта цель была достигнута. Из центральной Италии отряды, уже мобилизованные на объединение в Неаполе, также были направлены на Рим. Они сопровождались кавалерийскими группировками фашистов под командованием Карадонны.

В тот момент, когда фашистская мобилизация и кампания были уже решены и фактически вступили в силу, было усилено военное положение, суровые правила и порядок как для офицеров, так и для рядовых фашистов.

Политическая сила нашего «Национального директората» была превращена в военный квадрумвират в лице генералов Де Боно, Де Веччи, Итало Бальбо и Микеле Бьянчи. Я председательствовал над квадрумвиратом и был его лидером, Дуче, несущим основную ответственность за деятельность всех четырех — ответственность, которая связывала меня обязательствами не только перед фашистами, но и перед всей Италией.

Мы избрали главным пунктом сосредоточения город Перуджию, столицу Умбрии, из которой множество дорог вело к центру страны и откуда было легче добраться до Рима. В случае военного и политического провала мы могли пересечь Апеннинскую гряду и отступить к долине По. В истории любого революционного движения эта зона всегда по существу считалась краугольным камнем любой ситуации. Там наше главенство было абсолютным и неоспоримым. Мы избрали пароль и определили детали будущей акции. Обо всем должны были докладывать мне — в редакцию «Пополо ди Италия». Доверенные фашистские гонцы плели паутину подобно проворным паукам. На протяжении всего дня я раздавал необходимые приказы. Я написал прокламацию, которая должна была быть адресована нации накануне акции. Мы знали от верных и незабвенных друзей о том, что армия, за исключением особых обстоятельств, будет придерживаться положения дружественного нейтралитета.

На историческом конгрессе в Неаполе, после моей вступительной речи, которая наметила основные черты фашистских акций государственного масштаба и присвоила Неаполю титул «Королевы Средиземноморья», общие дискуссии продолжались в академическом тоне, без какой-либо конкретной цели, за исключением стремления выиграть время. Лидером этих обманчивых, притворных дискуссий был Микеле Бьянчи, один из членов квадрумвирата, руководившего походом на Рим. В это время он уже обнаружил недюжинный политический ум. Де Боно и Бальбо, которые пользовались огромным авторитетом у отрядов быстрого реагирования, присоединились к генеральному штабу в Перуджии.

После закрытия конгресса я вернулся в Милан. Во время поездки у меня появилась возможность встретиться со многими друзьями и произвести дополнительные приготовления. У меня состоялись важные разговоры относительно того особого движения, которое должно было быть организовано в Милане, равно как и в других центрах провинции Ломбардия. Для того, чтобы не вызывать подозрений у полиции, я притворился абсолютно равнодушным и беззаботным человеком. Это было довольно трудно, поскольку мне приходилось тратить драгоценное время на то, чтобы опробовать на скорость новый автомобиль, а также принимать посетителей и заниматься обычными рабочими делами. По вечерам я посещал театры. Я делал вид, что уделяю все свое внимание работе над статьями и руководству газетой.

Но сразу же после того, как я узнал, что все готово, я выпустил в Милане через «Пополо ди Италия», при помощи независимых изданий, а также через корреспондентов всех итальянских газет, свою революционную прокламацию. Она была подписана квадрумвиратом. Ниже я привожу текст этого достопамятного документа:

«Фашисты! Итальянцы!

Пришло время решительной битвы! Четыре года назад в это же время национальная армия вступила в последнее сражение, принесшее ей победу. Сегодня армия чернорубашечников снова поднимает знамя этой попоранной победы и, направляясь в Рим, опять приобщает победу к славе Капитолия. С сегодняшнего дня «принципсы» и «триары» мобилизованы. Военное положение фашизма теперь становится фактом. По приказу Дуче все военные, политические и административные функции управления партией передаются в руки тайного Квадрумвирата, наделенного неограниченной властью.

Армия, оплот и защита нации, не должна принимать участия в этой борьбе. Фашизм восстановит высочайшее почтение, которым пользовалась некогда армия Витторио Венето. Более того, фашизм не идет против политики, а против класса политиков, трусливых и ограниченных, которые в течение четырех долгих лет не могли дать нации достойного правительства. Те же, кто составляет класс производителей, должны знать, что фашизм не хочет устанавливать ничего, кроме национального порядка и дисциплины, а также помочь подняться тем силам, которые восстановят прогресс и процветание. Людям, работающим на полях и на фабриках, а также тем, что трудятся на железной дороге и в учреждениях, нечего бояться фашистского

правительства. Их исконные права будут защищены. Мы проявим великодушие даже к безоружным противникам.

Фашизм поднимает свой меч, чтобы разрубить многочисленные гордые узлы, которые сковывают и отягощают жизнь Италии. Мы призываем Бога и души пяти сотен тысяч погибших в свидетели тому, что лишь один импульс движет нами, единственная страсть горит в наших душах — внести вклад в безопасность и величие своей Родины.

Фашисты всей Италии!

Подобно римлянам бросьте на благое дело свой дух и свою силу!

Мы должны победить. И мы обязательно победим.

Да здравствует Италия! Да здравствует фашизм!

Квадрумвират».

Ночью ко мне поступили первые сведения о кровавых столкновениях в Кремоне, Алессандре и Болонье, а также о нападениях на оружейные фабрики и военные бараки. Моя прокламация была написана в очень сжатой, но сенсационной манере; она поразила всю Италию. Наша жизнь внезапно перешла в горящую атмосферу революции. Новости о сражениях, проходивших в различных городах, иногда преувеличенные воображением репортеров, добавляли драматического эффекта революции. Лица, чувствующие ответственность за судьбу страны, признавали, что в результате этого движения наконец-то появится правительство, способное руководить и управлять с честью. Однако большая часть населения с изумлением смотрела на происходящее из окон.

Никто из главарей подрывного или либерального движения даже не показывался. Все они забились в свои норы, руководимые исключительно страхом. Они слишком хорошо понимали, что наш час пробил. Каждый чувствовал уверенность в том, что борьба фашизма обязательно увенчается победой. Я мог ощущать это даже издали. Этим был наполнен воздух, об этом нашептывал ветер. Дождь приносил это в своей влаге, и земля пила ее.

Я тоже надел черную рубашку и забаррикадировался в редакции «Пополо ди Италия». Сумрачным, серовато-синим утром Милан приобрел совсем новый, фантастический облик. Паузы и внезапная тишина свидетельствовали о том, что над ним пробил тот великий час, который иногда случается в истории.

Мрачные батальоны Королевской гвардии объезжали город, и монотонный ритм их движения зловещим эхом отдавался на полупустынных улицах.

Общественные службы продолжали свою работу по сильно сокращенному графику. Атаки фашистов на военные казармы и почтовые отделения привели к перестрелкам, которые пронесли над городом грозное эхо гражданской войны.

Я обеспечил редакционные помещения своей газеты всем необходимым для отражения атак. Я знал, что если правительственные власти пожелают предоставить доказательства своей силы, их первый яростный удар обрушится на «Пополо ди Италия». Фактически ранним утром я увидел, как на мою редакцию и меня лично наводят свои ужасные, уродливые дула пулеметы. Произошел стремительный обмен выстрелами. Я перезарядил ружье и направился вниз оборонять входные двери. Соседи забаррикадировали все входы и окна и также подготовились к обороне.

В ходе перестрелки пули свистели прямо над моими ушами.

Наконец майор Королевской гвардии попросил передышки, чтобы поговорить со мной. После непродолжительной предварительной беседы мы договорились, что войска должны быть отведены на расстояние двухсот метров, а пулеметы убраны с центральной части улицы и размещены на перекрестке, приблизительно в ста метрах. Вот таким коротким прекращением огня началось для меня 28 октября!

Ночью группа депутатов, сенаторов и политиков Милана, из самых известных и наиболее значительных фигур парламентского мира Ломбардии, среди которых были сенаторы Конти и Креспи, а также депутат Де Капитани, пришли в редакцию «Пополо ди Италия», чтобы просить меня отказаться от борьбы, которая, по их мнению, положит начало жестокой, тяжелой и предосудительной гражданской войне. Они предлагали мне что-то вроде перемирия и договоренность с центральным правительством. Они также сказали, что, возможно, правительственный кризис сможет спасти ситуацию и страну.

Я улыбнулся наивности парламентариев и ответил им приблизительно следующее:

«Уважаемые синьоры, речь не идет о каком-либо частичном или тотальном кризисе или замене одного правительства другим. Предпринятая мной игра носит куда более обширный и серьезный характер. В течение трех лет мы варились в общем котле из незначительных битв и потрясений. На сей раз я не сложу оружия, пока не достигну абсолютной победы. Настало время менять направление не только для правительства, но и жизни всей Италии в целом. Вопрос борьбы между партиями в парламенте больше не стоит, ему на смену пришел другой — мы хотим знать, смогут ли итальянцы жить свободной, независимой жизнью или оставаться

жертвами собственной слабости не только во внешнеполитических вопросах, но и делах внутренних? Война уже объявлена! И мы будем вести ее до победного конца. Видите эти коммуникации? Так вот, пламя борьбы полыхает по всей Италии. Молодежь взяла в руки оружие. Я избран лидером как тот, кто движется вперед, а не топчется на месте. Я не стану унижать третейским судом светлые страницы пробуждения итальянской молодежи. Я говорю вам, что это последняя глава. Она восстановит традиции нашей нации и не закончится компромиссом».

Затем я показал своим гостям письмо, которое я получил на рассвете от командующего Габриеле д'Аннунцио. Я отправил короткое послание освободителю Фьюме, который был вместе с нами с первых тягчайших дней борьбы. Оно было доставлено ему генералами Джампьетро, Доэ и Эудженио Козельчи. Д'Аннунцио, к которому напрасно были обращены некоторые призрачные надежды политиков, сразу же ответил мне следующее:

«Дорогой Муссолини!

Сегодня вечером, после тяжелого трудового дня, я принял трех твоих посланников.

В этой книге, написание которой откладывалось столько раз, собраны те истины, которые одноглазый человек открыл в минуты отдыха и размышления. Мне кажется, что итальянская молодежь теперь должна признать их и следовать им с чистым сердцем.

Необходимо собрать воедино все искренние, подлинные силы и направить их к великим целям, предначертанным Италии ее извечной судьбой.

Спасение придет к нам с мужественным терпением, а не с неугомонной нетерпимостью.

Посланники передадут тебе мои мысли и намерения, избавленные от всяческих недомолвок и приукрашивания.

Его Величество знает, что я до сих пор остаюсь самым преданным и активным солдатом Италии.

Позволь ему подняться против враждебной судьбы, которую нужно встретить лицом к лицу и победить.

У победы светлые и чистые глаза.

Не ослепляйте ее.

Габриеле д'Аннунцио».

Прочитав письмо д'Аннунцио этим ломбардским политикам, я отослал их назад с заверением, что даже если останусь с одним человеком или даже

совсем один, я не прекращу борьбы, пока наконец не достигну решающих итогов, какими я представил их своим соратникам.

Логическая ясность высказанных мной решительных, суровых и последовательных аргументов поразила пришедших ко мне с предложениями о перемирии, компромиссах и соглашениях.

Я думаю, что один из них должен был немедленно доложить премьер-министру Факта, что сделать со мной ничего не удастся.

Несчастный Факта вместо того, чтобы заниматься собственными недостатками и промахами, ломал голову над тем, как и кому он сможет заявить об этом настоящем кризисе среди череды мнимых. В это время палата была закрыта. К кому же он мог обратиться?

Каждый знает, что при любых обстоятельствах, даже самых торжественных, всегда может быть найдена доля гротескных и курьезных явлений, которые иногда процветают в самой тени великих и трагических событий.

Последнее в череде либеральных правительств Италии хотело сделать заключительный жест. Оно адресовало стране декларацию, составленную следующим образом:

«Мятежные настроения охватили некоторые провинции Италии и призваны навредить нормальному функционированию сил государства, нося тот характер, который может повергнуть страну в серьезные бедствия.

Правительство сделало все от него зависящее, чтобы достигнуть соглашения, в надежде вернуть спокойствие мятежным умам и обеспечить мирный выход из кризиса. Однако перед лицом назревающего революционного переворота его долгом является сохранение общественного порядка любыми средствами и любой ценой. Даже если встанет вопрос об отставке правительства, оно исполнит свой долг ради спокойствия граждан и безопасности свободных конституционных установлений.

До этих пор граждане должны сохранять спокойствие и верить в эффективность предпринимаемых мер общественной безопасности.

Да здравствует Италия! Да здравствует король!

Подписано: Факта, Шанцер, Амендола, Тадеи, Алессио, Бертоне, Параторе, Солери, Де Вито, Аниле, Риччио, Бертини, Росси, Делло Сбарба, Фульчи, Лукиани».

В то же самое время министры, рассматривая сложившуюся в стране ситуацию, предоставили свои портфели в распоряжение Президенту Верховного Совета Факта. Этот человек прислушался к совету нескольких

своих друзей в Риме. В результате он внес предложение об объявлении военного положения, которое король категорически отказался подписывать, руководствуясь своей глубокой мудростью.

Соверен понимал, что революция чернорубашечников является логическим завершением трехлетней ожесточенной борьбы; он понимал, что только с победой единственной партии страна сможет достичь мира, а также того порядка и прогресса в общественной жизни, которые просто необходимы для гармоничного существования итальянского народа.

Из уважения к наиболее ортодоксальным конституционным формам король предложил Факта последовать конституционному уставу. За этим последовали отставки, назначения, консультации, дискуссии, обвинения и все тому подобное. В этот момент имел место зловещий маневр, поразивший меня своим грозным предзнаменованием. Национальная партия правых, которая отличалась необыкновенной схожестью взглядов с фашистами, хотя и не придерживалась той же системы проведения кампаний, выдвинула несколько отдельных претензий посредством своих эмиссаров.

Фактически правые националисты заявляли о том, что ситуация достигла своей кульминации.

Саландра, бывший наиболее типичным представителем данной группы, склонялся к тому, чтобы принести себя в жертву и взвалить себе на спину бремя власти. Это должно было быть расценено как содействие фашистам. Я отчаянно протестовал против такого решения, которое сможет увековечить механизм компромиссов и ошибок. Фашизм взялся за оружие, господствовал над основными артериями национальной жизни, обладал четкой целью, намеренно следовал внепарламентским путем и не мог позволить, чтобы его победа была обезображена и опошлена подобным образом. Таким был мой категоричный ответ сторонникам союза правого национализма и фашизма.

Никаких компромиссов!

Борьба продолжалась с теми целями, которые я наметил ранее. Невозможно на страницах автобиографии нарисовать полную картину революционных событий тех дней. Я отчетливо помню, что с каждым проходящим часом я все острее ощущал приближение триумфального господства над политической ситуацией в Италии. Противники находились в абсолютном замешательстве и хранили полное безмолвие. Небольшие организованные отряды фашистов были уже у ворот Рима и ожидали, чтобы я возглавил формирования и ввел их в столицу.

Днем 29-го числа я получил крайне срочный телефонный звонок из

Рима от имени Квиринале. Генерал Читтадини, первый адъютант Его Величества короля, весьма доброжелательно попросил меня приехать в Рим, поскольку король, оценив ситуацию, хочет доверить мне формирование правительства. Я поблагодарил генерала Читтадини за его любезность, но попросил телеграфировать мне ту же самую просьбу. Ведь каждому известно, что временами телефон может сыграть с тобой очень злую шутку. Сначала генерал Читтадини запротестовал на том основании, что моя просьба не вписывается в регламент двора, но затем принял во внимание всю абсурдность и неформальность ситуации и согласился послать мне то же самое приглашение телеграммой. И действительно, несколькими часами спустя пришло срочное сообщение. Оно носило личный характер.

Вот его содержание:

«Муссолини, Милан.

Его Величество король просит Вас немедленно приехать в Рим, поскольку желает возложить на Вас ответственность по формированию нового правительства.

С уважением генерал Читтадини».

Это была еще не победа, но достигнутый прогресс был значительным. Я напрямую связался со штаб-квартирой революционного движения в Перуджии, а также с некоторыми формированиями черных рубашек в Милане. При помощи экстренного выпуска «Пополо ди Италия» я объявил новость о полученном мной распоряжении.

Я находился в состоянии чрезвычайного нервного напряжения. Я бодрствовал уже которую ночь, отдавая приказы, следя за продвижением сборных колонн фашистов, сводя столкновения до рыцарски благородных действий, присущих фашизму.

Для меня вот-вот должен был начаться период большей ответственности; я не мог позволить себе не исполнить долга или не добиться поставленных целей. Я призвал себе на помощь все свои силы, пробудил в себе память о погибших, попросил Божьей помощи и призвал верных соратников помочь мне в моих великих свершениях.

Ночью 31 октября 1922 года я сложил с себя полномочия главы «Пополо ди Италия» и передал управление своим боевым изданием брату Арнальдо. В номере от 1 ноября я опубликовал следующую декларацию:

«С этого дня руководство «Пополо ди Италия» переходит к Арнальдо Муссолини.

Я с братской любовью благодарю и приветствую всех редакторов, сотрудников, корреспондентов, рабочих и служащих, всех тех, кто усердно и преданно работал вместе со мной ради жизни этой газеты и из любви к нашей Родине.

Рим, 30 октября 1922 года».

Я с сожалением расставался с газетой, которая внесла наиболее устойчивый и мощный вклад в нашу победу. Должен добавить, что мой брат Арнальдо справлялся с обязанностями главного редактора умело и достойно.

Перепоручив управление газетой своему брату, я отправился в Рим. Чересчур рьяным людям, желавшим отправить меня в Рим специальным поездом для скорейшей аудиенции с королем, я ответил, что для меня будет вполне достаточно купе в обычном поезде. Двигатели и топливо не должны расходоваться вхолостую. Рационализм и экономия! Вот первый и наиболее важный тест для будущего главы правительства. И, в конце концов, я мог войти в Рим только во главе моих чернорубашечников, а затем расположиться лагерем у Санта Маринелла в атмосфере сияющих лучей столицы.

Новости о моем отъезде распространились по всей Италии. На каждой из станций, где поезд делал остановку, меня приветствовали группы фашистов и массы людей, которые, несмотря на проливной дождь, желали выразить мне свое одобрение и добрую волю.

Мне было больно покидать Милан. Этот город был мне домом на протяжении десяти лет; он всегда был щедр со мной на искупление; поддерживал меня в каждой из моих неудач; он стал крестным отцом для наиболее выдающихся отрядов быстрого реагирования фашизма; он стал основной ареной политических битв исторического значения. Теперь я покидал его, призываемый судьбой и более великими свершениями. Всему Милану было известно о моем отъезде, и я чувствовал, что, несмотря на радость, которую он внушал, символизируя собой победу, в чувствах горожан также присутствовала легкая тень грусти.

Но это было не время для сантиментов. Это было время быстрых, уверенных решений. После поцелуев и прощальных объятий членов моей семьи я распрощался со многими выдающимися миланцами, а затем отбыл, уносясь в ночь, чтобы обдумать свое положение, ободрить свою душу, прислушаться к смутному эху голосов друзей и заглянуть за обширные горизонты завтрашних возможностей.

Незначительные эпизоды моей поездки и тех дней не имеют особенного

значения. Поезд доставил меня прямо к самому сосредоточению фашистских формирований; я находился на полпути к Риму, в Санта Маринелла. Я осмотрел колонны. Прояснил все формальности, касающиеся входа в Рим. Наладил связь между членами Квадрумвирата и младшим командным составом.

Мое присутствие удвоило и без того огромный энтузиазм. Я читал в глазах этих юношей святую улыбку триумфа идеала. С такой опорой я был готов, если понадобится, принять вызов не только со стороны коренного правящего класса Италии, но и от врагов любого сорта и национальности.

В Риме меня ожидал неопиcуемый прием. Поэтому я не желал никакого промедления. Даже не встретившись со своими политическими соратниками, я помчался в Квиринале, предварительно надев черную рубашку. Я без всяких лишних формальностей был представлен Его Величеству королю. Агентство Стефани и ведущие газеты мира давали высокопарные или умозрительные подробности этой встречи. Из вполне очевидной сдержанности я ограничился заявлением, что беседа прошла в теплой, сердечной обстановке. Я не скрывал никаких планов и без труда пояснил свои идеи относительно управления Италией. И получил одобрение Его Величества. Я снял апартаменты в отеле «Савой» и приступил к работе. Сначала я принял меры касательно генерального командования армией, чтобы доставить в Рим отряды милиции и, сформировав их надлежащим образом, провести торжественным парадом перед королем. Я отдал детальные и четкие указания. Сто тысяч вышколенных чернорубашечников идеальным строем прошли перед Совереном. Они внушили ему почтение к фашистской Италии!

Таким образом, я пережил свой триумф и вошел в Рим! Я сразу же запретил все ненужные демонстрации в свою честь. Я отдал приказ о том, что ни один парад не должен проводиться без разрешения Генерального фашистского командования. С самого начала необходимо было внушить всем и каждому суровое и строгое чувство дисциплины, соответствующее пропагандируемому мной режиму.

Я также отменил всяческие выражения восторженного одобрения со стороны армейских офицеров. Я всегда считал армию структурой, существующей вне и превыше какой бы то ни было политики. По моему мнению, армия должна быть проникнута духом абсолютной и сознательной дисциплины: она со всей полнотой отдачи должна посвятить себя защите государственных границ и исторических прав нации. Армия является тем самым образованием, которое должно сохраниться в своей целостности. Она не должна испытывать ни малейших нарушений своего

единства и не уходить в сторону от своего высочайшего предназначения.

Но другие, куда более сложные проблемы занимали меня в тот период. Я прибыл в Рим не только для того, чтобы сформировать новое правительство; у меня также было твердое желание с самых глубин обновить и перестроить жизнь итальянского народа. Я поклялся себе, что поведу свой народ к более высоким и блестящим свершениям.

Рим обострил во мне чувство преданности. В Вечном городе было два суда и два дипломатических ведомства. За века своего существования он видел, как армии могущественных империй сражались под его стенами. Он был свидетелем падения сильных и восхождения универсальных волн цивилизации и мысли. Рим, этот всемирный город, заветная мечта князей и вождей, наследник Древней Империи и хранитель Христианства! Он приветствовал меня как лидера национальных легионов, не как представителя отдельной партии или политической группировки, а как выразителя великой веры и чаяний всего народа.

Я долго размышлял над своими действиями в качестве государственного и политического деятеля. Я не отпускал этих мыслей ни Днем, ни ночью. Я уже выиграл, но мог выиграть еще больше. Если бы я пожелал, то мог пригвоздить своих противников к стенке не только метафорически, но и фактически. Это были те самые враги, клеветавшие на фашизм, и те, которых я ненавидел за то, что они предали Италию в мирное время точно так же, как и во время войны.

Атмосфера источала флюиды возможной трагедии. Я мобилизовал три сотни тысяч чернорубашечников. Они ждали моего сигнала, чтобы выступить, поскольку могли понадобиться в тех или иных целях. В самой столице в моем распоряжении находились шестьдесят тысяч вооруженных людей, готовых к действию. Поход на Рим мог привести к трагическим вспышкам. Должно будет пролиться много крови, если он последует примеру прежних и новейших революций. Для меня это был момент, когда более чем необходимо изучить поле действий с позиций безмятежного спокойствия и холодного рассудка, дабы сравнить незамедлительные и отдаленные результаты наших смелых акций, направленных на достижение определенных целей.

Я мог объявить установление диктатуры, мог сформировать тоталитарное правительство, состоящее исключительно из фашистов, по принципу директории, созданной во Франции во времена Конвента. Однако фашистская революция обладала своими уникальными особенностями; она не имела прецедентов в истории. Она также отличалась от любой другой революции в способности снова обрести с

сознательным намерением законные, укоренившиеся традиции и формы. Исходя также из этих причин я знал, что мобилизация должна осуществиться в кратчайшие сроки.

Я также не забывал о том, что на моих руках были еще и парламент; палата депутатов со зловещими намерениями, готовая в любой момент расставить мне ловушки, хорошо знакомая с давними традициями двусмысленности и интриг, полная ненависти и подавляемая лишь страхом; потрясенный Сенат, от которого я смог добиться послушного уважения, но не активного и продуктивного сотрудничества. Монархия наблюдала за тем, что я буду предпринимать в рамках конституционного законодательства.

Понтификат с тревогой следил за происходящими событиями. Другие державы смотрели на революцию с подозрением, если не с враждебностью. Зарубежные банки с нетерпением ожидали новостей. Валютный курс колебался, кредит все также находился в подвешенном состоянии, в ожидании прояснения ситуации. Прежде всего было необходимо создать впечатление стабильности нового режима.

Я должен был замечать, следить и предвидеть абсолютно все. Я совсем не спал на протяжении нескольких ночей, но это были ночи, плодотворные мыслями и идеями. Меры, следовавшие сразу же в течение первых суток моего правления, были показательны.

Другая проблема проистекала из характера революции. Каждая революция, помимо огромного влияния массового человеческого фактора, а также воли сознательных и бескорыстных лидеров, также порождает два других типа — авантюристов и меланхолических интеллектуалов, которые могут быть объединены общим понятием революционных отшельников, или аскетов. Когда революция подходит к концу, то массы, зачастую влекомые обычным предчувствием великих исторических или общественных событий, мирно возвращаются к своим прежним занятиям. Они составляют трудоспособную и дисциплинированную основу для нового режима.

Сознательные и бескорыстные лидеры формируют обязательную аристократию власти. Но аскеты и авантюристы представляют собой губительное бремя. Первые захотят сразу же увидеть совершенное человечество без изъянов. Они не понимают, что ни одна революция не может изменить природы человека. Благодаря своим утопическим идеям аскеты никогда не бывают удовлетворены; они расходуют свое время и силы других людей на софистику и сомнения, в то время когда необходимо работать с фанатичной целеустремленностью, чтобы двигаться вперед.

Авантюристы всегда ассоциируют достижения революции со своими собственными достижениями; они надеются извлечь из победы персональные выгоды и проявляют недовольство, когда их желания не удовлетворяются, а поэтому требуют чрезвычайных и опасных мер.

Теперь мне предстояло защищать победу фашистов от аскетов и авантюристов. Однако авантюристы быстро исчезли с подмостков фашистской революции, поскольку она отличалась от всех прежних революций и проходила на более высоком уровне.

Но я чувствовал, что в такой решительный момент я обязательно и постоянно должен продумывать и контролировать каждый свой шаг.

Прежде всего, под давлением событий я решил навести порядок в стране и сформировать новое правительство. Порядок наступил быстро. Произошло всего лишь несколько единичных актов насилия, неизбежных при подобных обстоятельствах. Я почувствовал необходимость в охране Факта и с этой целью поручил десяти легионерам, отмеченным особой храбростью, сопровождать его до родного города Пинероло, под их слово чести. Они сдержали свое обещание. Приказ был таким: «Никто не смеет тронуть даже волосок на голове Факта, а также издеваться над ним или подвергать унижению». Он отдал стране своего единственного сына, который погиб при аварии самолета во время войны, и заслуживал уважения по этой и другим причинам.

Я запретил всяческие репрессии против лидеров оппозиции. Только лишь власть моего высочайшего авторитета уберегла моих наиболее яростных противников не только от риторического, но и от фактического уничтожения. Я спас их драгоценные шкуры. В то же самое время, не более чем за несколько часов, я сформировал новый состав правительства. Как я уже говорил, я отбросил идею фашистской диктатуры, поскольку хотел обеспечить стране ощущение нормальной жизни, избавленной от эгоистичной исключительности единственной партии. К счастью, это инстинктивное чувство равновесия никогда не покидало меня в самые мрачные, требующие недюжинной отдачи, критические моменты. Поэтому тщательно взвесив все факты, я решил сформировать правительство националистического характера.

У меня, как и тогда, уже возникало чувство, что позднее произойдет неизбежный процесс чистки; но я предпочел позволить ему прийти спонтанно, из цепи последовательных политических событий.

Но это был последний великодушный жест из сделанных мной в сторону представителей старых партийных и политических кругов Италии.

В новом правительстве, среди министров и их заместителей, было

пятнадцать фашистов, три националиста, три либерала из правых, шесть «народников» и три социал-демократа. Я проявил благосклонность к правым либералам, несмотря на их совсем недавний специальный маневр, движимый стремлением самостоятельно воспользоваться плодами фашистской революции. Из представителей Народной и Социал-демократической партий я выбрал тех, кто остался верен национальному духу и не вступал в совместные интриги с подрывным популяризмом и социализмом.

Помимо поста президента Верховного Совета я также оставил за собой Министерство внутренних дел, а также временно Внешнеполитическое ведомство. Я передал Армандо Диазу Военное министерство и пообещал вверить ему армию, достойную нашей страны и героя Витторио Венето. Я назначил адмирала Таона де Ревеля руководить морским флотом, а Федерцони — колониями.

Полный состав правительства был следующим:

Бенито Муссолини — депутат, президент Верховного Совета, министр внутренних дел и «временно» министр иностранных дел (фашист).

Армандо Диаз — генерал армии, Военное министерство.

Паоло Таон де Ревель — адмирал, сенатор, Министерство военно-морского флота.

Луиджи Федерцони — депутат, Министерство колоний (националист).

Альдо Овильо — депутат, Министерство юстиции (фашист).

Альберто де Стефани — депутат, Министерство финансов (фашист).

Винченцо Тангора — депутат, Министерство казначейства (народная партия).

Джованни Джентиле — профессор, Министерство гражданских дел (правый либерал).

Габриелло Карнацца — депутат, Министерство общественной деятельности (демократ).

Джузеппе де Капитани — депутат, Министерство сельского хозяйства (правый либерал).

Теофило Росси — сенатор, Министерство промышленности и торговли (демократ).

Стефано Каваццони — депутат, Министерство труда и социальной политики (народная партия).

Джованни Колонна Ди Чезаро — депутат, Министерство связи (социал-демократ).

Джованни Джиуриати — депутат, Министерство освобожденных провинций (фашист).

Заместители министров:

Президента: Джакомо Ачебро, депутат (фашист).

Министра внутренних дел: Альдо Финци, депутат (фашист).

Министра иностранных дел: Эрнесто Вассалло, депутат (народная партия).

Военного министра: Карло Бонарди, депутат (социал-демократ).

Министра Военно-морского флота: Костанцо Чьяно, депутат (фашист); вместе с Комиссариатом торгового флота.

Министра казначейства: Альфредо Рокко, депутат (националист).

Министра военной помощи: Чезаре Мария де Веччи, депутат (фашист).

Министра финансов: Пьетро Лиссия, депутат (фашист).

Министра колоний: Джованни Марчи, депутат (правый либерал).

Министра освобожденных провинций: Умберто Мерлин, депутат (народная партия).

Министра юстиции: Фульвио Милани, депутат (народная партия).

Министра гражданских дел: Дарио Лупи, депутат (фашист).

Министра искусств: Луиджи Сицилиани, депутат (националист).

Министра сельского хозяйства: Оттавио Корджини, депутат (фашист).

Министра общественной деятельности: Алессандро Сарди, депутат (фашист).

Министра связи: Микеле Терцаги, депутат (фашист).

Министра промышленности и торговли: Грончи Джованни, депутат (народная партия).

Министра труда и социальной политики: Сильвио Гаи, депутат (фашист).

Когда состав правительства был утвержден, я написал следующее письмо о демобилизации, подписанное Квадрумвиратом:

«Фашисты Италии!

Наше движение увенчалось победой. Лидер нашей партии сосредоточил в своих руках как внутривластную, так и внешнеполитическую государственную власть. Наряду с тем, что правительство освящает наш триумф именами тех, кто был его творцами на суше и на море, оно также с целью разрядки национальной напряженности включает в себя представителей других партий, поскольку они причастны к судьбе Италии.

Итальянский фашизм слишком разумен для того, чтобы рассчитывать на большую победу.

Фашисты!

Высший Квадрумвират, уступая свои полномочия руководству партии, приветствует свидетельство вашей необыкновенной отваги и дисциплинированности. Вы обнаружили свое достоинство ради будущего родной страны.

Расходясь в том же безупречном порядке, в котором вы собрались для великих свершений, мы твердо верим в то, что избраны открыть новую эпоху в истории Италии. Возвращайтесь к своей обычной работе, поскольку теперь Италия должна мирно трудиться для того, чтобы достичь лучших дней.

Ничто не должно омрачить могущественного прогресса победы, которую мы одержали в эти дни гордого стремления и наивысшего величия.

Да здравствует Италия! Да здравствует фашизм!

Квадрумвират».

Затем я послал телеграмму д'Аннунцио, а также раздал деловые циркуляры всем префектам королевства и менее значительным представителям власти. В телеграмме д'Аннунцио говорилось:

«Приняв на себя тяжелую обязанность по установлению мира и порядка для всей нации, я посылаю тебе, главнокомандующий, свои самые теплые приветствия не только в твою честь, но и в честь судьбы нашей страны в целом. Отважная фашистская молодежь, которая отдает свою Душу нации, не станет ослеплять победы.

Муссолини».

Текст циркуляра, разосланного должностным лицам, был следующим:

«С сегодняшнего дня, по высочайшему доверию Его Величества короля, я принимаю на себя руководство правительством страны. Я требую, чтобы все государственные чиновники от высшего до низшего ранга разумно и с надлежащим почтением относились к своим обязанностям ради высших интересов страны.

Я лично подам такой пример.

Президент Верховного Совета и министр внутренних дел.

Подписано: Муссолини».

В конце концов, я назначил на 16 ноября заседание палаты депутатов, дабы обсудить всю проделанную мной работу и объявить о своих дальнейших намерениях и программе.

Заседание было из ряда вон выходящим. Зал был переполнен.

Присутствовали абсолютно все депутаты. Мои заявления были краткими, четкими, деловыми. Я категорически обозначил права революции. Я попросил присутствующих обратить свое внимание на тот факт, что только благодаря воле фашизма революция удержалась в границах законности и терпимости.

«Я мог бы, — говорил я, — сделать из этого зала бивак для трупов. Я мог бы заколотить двери парламента и сформировать исключительно фашистское правительство. Я мог бы сделать подобное, но не стану делать этого, по крайней мере, пока».

Затем я поблагодарил всех своих союзников и с особенной симпатией коснулся массы итальянских рабочих, которые содействовали фашистскому движению своей активной или пассивной солидарностью.

Я не представил на рассмотрение ни одну из стандартных программ, которые обычно выдвигали прошлые министры, поскольку они решали проблемы страны только на бумаге. Я заявил о своей воле к действию, и действию, не разменивающимся на бессмысленные речи. В сфере внешней политики я прямо объявил о намерении следовать «политике достоинства и национального единства».

По каждому из пунктов я делал весомые заявления, призванные показать, как фашизм уже смог оценить, проанализировать и решить разнообразные и неотложные проблемы, а также наметить будущие цели правительства. Я закончил свою речь такими словами:

«Синьоры!

Из дальнейших сообщений вы узнаете детали политической программы фашистов. Мне не хотелось бы, во всяком случае пока этого возможно избежать, руководить государством в противовес палате; но и она должна чувствовать собственное место. Оно открывает возможность того, что палата может быть распущена в течение двух дней или двух лет. Мы просим полноты власти, так как хотим принять на себя всю полноту ответственности. Вам прекрасно известно, что без абсолютных полномочий мы не сможем сберечь ни лиры, ни единой лиры. Мы не хотим исключать возможность добровольного сотрудничества и с сердечной благодарностью примем ее, если она будет исходить от депутатов, сенаторов или даже компетентных частных лиц. В каждом из нас живет почти религиозное предчувствие всей трудности стоящих перед нами задач. Страна приветствует нас и ждет. Мы предоставим ей не слова, а факты. Мы официально и торжественно обещаем восстановить здоровый плебисцит бюджета. И мы сделаем это. Мы хотим следовать мирной внешней политике, но одновременно сделать ее политикой достоинства и

стабильности. И это нам по плечу. Нашим намерением является дать нации дисциплину. И мы добьемся этого. И пускай ни один из наших вчерашних, сегодняшних или завтрашних врагов не питает иллюзий в отношении постоянства нашей власти. Это глупые и детские иллюзии, как те, что были еще вчера!

Самым что ни на есть прочным основанием для нашего правительства является совесть нации. Оно поддерживается лучшими, новейшими поколениями Италии. Несомненно, что за последние годы был сделан огромный шаг в сторону унификации духа. Наша Родина вновь стала единым целым с севера на юг, от континента до великодушных островов, которые никогда не будут забыты, от метрополий действующих колоний Средиземноморья и до Атлантического океана. Прошу вас, синьоры, больше не обращайтесь к нации с пустыми обещаниями. Пятьдесят два заявления на право высказаться относительно моего официального заявления парламенту — это слишком много. Давайте, вместо того, чтобы вести беседы, работать с чистым сердцем и разумными усилиями ради того, чтобы упрочить благоденствие и величие нашей страны.

Да поможет мне Бог довести до победного конца мой тяжкий труд».

Я не верю, что с 1870 года зал Монтечиторио слышал энергичные и твердые слова. Они горели пламенной страстью в глубине моего существа. В этой речи отразилась сущность прежней и недавней борьбы со своим разумом и собственной душой. Далеко не один депутат вынужден был подавить раздражение, вызванное моими заслуженными упреками; но мое выступление в парламенте было вознаграждено одобрением всей Италии. Я смотрел за пределы этого старинного зала, где заседали партии с мелочной, ограниченной властью и такие же политики. Я обращался ко всей нации. Она слышала меня и понимала, о чем я говорю!

Мой политический инстинкт подсказывал мне, что с этого момента, отмеченный все возрастающей истинностью и ростом экспансии деятельности фашистов, начнется рассвет новой истории Италии.

А возможно, и рассвет нового пути, по которому пойдет цивилизация...

Глава X

Пять лет правления

Мой революционный метод и мощь черных рубашек привели меня к той огромной ответственности, которую накладывает власть. Как я уже отмечал, моя задача не была ни простой, ни легко достижимой; она требовала широкого кругозора, постоянно прибавляя к нему все новые и новые обязанности.

Для меня наступило абсолютно новое существование. Чтобы говорить о нем, мне потребуется отойти от обычного автобиографического стиля повествования и рассмотреть мою правительственную деятельность в ее органической целостности. С этого момента моя жизнь практически полностью ассоциировалась с тысячами правительственных актов. Индивидуальность исчезла. Вместо этого я иногда ощущал, что выражаю лишь меры и средства конкретного характера; они не касались отдельной личности, а множества таких личностей; они самым тесным образом были связаны со всем народом. Таким образом, одна отдельная жизнь растворилась в жизни целого.

Разумеется, я отдавал себе отчет в том, что возглавил правительство, когда центральная государственная власть шла ко дну. В стране сложилась финансовая ситуация, которую член либеральной партии Пино резюмировал как дефицит бюджета в шесть миллиардов! Люди в общей массе удовлетворялись существующим. Прогрессирующая инфляция и активная работа по выпуску новых денежных средств давали населению прежнюю иллюзию процветания. Это создавало изменчивую иллюзию благосостояния, пробуждая надуманную игру интересов. Все это должно было закончиться перед лицом суровой финансовой политики фашизма.

Наша политическая репутация за рубежом сильно пошатнулась. Нас считали нацией, лишенной дисциплины и порядка, не способной ни работать, ни преуспевать. Хроническая зараза беспорядка отвернула от нас симпатии более развитых, нежели мы, стран. Но хуже всего, это дало толчок высокомерному и презрительному отношению со стороны наших врагов.

Итальянская система образования, во всей своей сложной целостности, университеты, средние и начальные учебные заведения, обратила свои усилия в сторону исключительно абстрактных, теоретических функций;

она все более и более отдалялась от реального мира, современной цивилизации и основополагающих проблем национальной жизни; в сфере гражданских обязанностей она просто бездействовала. Школы и университеты всегда должны указывать путь грядущим поколениям.

В национальном механизме власти все еще существовали странные и негативные региональные политические формации; они грозили поставить нашу солидарность под вопрос, если не грозили ей еще большими бедами. Деятельность правительства в сфере услуг, усовершенствований и ассигнований руководствовалась и вдохновлялась не насущными естественными потребностями, а стремлением к интеграции тех или иных слоев населения или регионов. Министерство финансов ограничивало себя этим основным политическим курсом — электоральной стратегией.

Бюрократический аппарат уже страдал от элифантизма, повысившего его размеры до невообразимых пределов, а также генерировавшего ощущение надвигающейся беды, порождая те нестабильные, нетолерантные, неразборчивые в обязанностях характеры, типичные для больших скоплений функционеров, особенно когда должности последних не слишком хорошо оплачиваются, а также не видят собственного морального престижа, поддерживаемого и формируемого государственной властью, а также четким и ясным определением индивидуальных обязанностей.

В качестве наследия нашей благородной борьбы мы все еще располагали фашистскими эскадронными формированиями. При новых условиях жизни они должны были превратиться в опасность, грозящую общественному порядку и законности.

Армия и флот находились в стороне от значительных проблем национальной жизни. Фактически, несмотря на то, что во многих отношениях это довольно хорошо, плохо, когда они разделены в самой унижительной форме. Авиация была полностью расстроена. Было трудно вдохнуть в нее новую жизнь. Беря во внимание авиацию, не следует забывать, что Нитти запретил полеты не только военных самолетов, но и средств гражданской авиации. Его приказом была демобилизация авиации, а также продажа моторов, равно как и самих самолетов. Это было что-то вроде предумышленного убийства нации, которая не желала быть задушенной.

В то же время в Рим съехались все ведущие элементы антифашистского движения, а также вся его иерархия. Политические партии, поначалу напуганные революцией черных рубашек и моим приходом к власти, начали постепенно возрождаться. Они стали набираться мужества для того,

чтобы снова добиться прежнего общего состояния политических партий в противоречивой атмосфере парламентских коридоров Монтечиторно. Большой своей частью итальянская пресса была связана с прежними партийными группировками и старыми политическими заказчиками.

Было необходимо реорганизовать всю систему гражданской жизни, не забыв о насущной потребности в контролирующей силе. Следовало внести порядок в политическую экономику, в систему образования, в военную мощь государства. Было необходимо упразднить двойственные функции, снизить бюрократический аппарат, усовершенствовать общественные службы. Требовалось воспрепятствовать коррозии и эрозии критики со стороны остатков прежних политических партий. Я вынужден был отражать внешние атаки. Я должен был облагораживать и совершенствовать фашизм. Я ясно видел, что всей проделываемой в этом отношении работой должен постоянно улучшать и задавать тон всем манерам и обычаям итальянской политической жизни.

Также не следовало игнорировать те десять миллионов эмигрантов, которые жили за пределами Италии. Мы снова должны были вернуть веру жителям наших приграничных зон. Мы должны были принимать участие во внедрении современных средств и стимулов для жизни в южных регионах, а также оставаться в прямой связи со всеми жителями здоровых и сильных провинций, где бы они ни находились.

В то время проблемам и тревогам не было числа. Я должен был принимать все решения и обладать достаточно твердой волей, чтобы собрать воедино и мобилизовать все политические постулаты, изложенные и подтвержденные мной на бумаге, на собраниях и в парламентских речах. Это была не только проблема силы, которая способна продлиться долго и выстоять в любых условиях, но также, прежде всего, проблема воли.

Я покинул все, что связывало меня с судьбой моих газет; я отделил себя от всего, что могло бы носить хотя бы намек на личный характер. Я полностью, целиком, исключительно посвятил себя работе над реконструкцией государства.

Сегодня ничего не изменилось. Я хотел быть простым, преданным слугой государства; вождем партии, но, прежде всего, достойным главой сильного правительства. Я без сожаления покинул все излишние жизненные удобства. Я делал исключение только для спорта, который не только делал мое тело более подвижным и легким, но и помогал в создании здоровых и счастливых интервалов в моей сложной, отданной работе жизни. В течение этих шести лет, за исключением официальных обедов, я не переступал порога аристократического салона или кафе. Я также

практически перестал посещать театры, которые раньше забирали у меня плодотворные часы вечерней работы.

Я люблю все виды спорта; я с уверенностью вожу автомобиль, совершая поездки на головокружительной скорости, удивительной не только для моих друзей, но и для старых опытных водителей. Я также люблю самолеты и летал на них бесчисленное множество раз.

Даже в то время, когда я был занят государственными заботами, мне понадобилось всего лишь несколько дополнительных уроков, чтобы получить лицензию пилота. Однажды я упал с высоты пятидесяти метров, но это не остудило моей страсти к полетам. Двигатели давали мне новое, всепоглощающее ощущение силы. Верховая езда на прекрасном гнедом скакуне также является для меня радостным перерывом в плотном массиве работы; то же можно сказать о фехтовании, которому я всегда посвящал себя с полной физической отдачей и которое приносит мне огромное удовлетворение. Я ждал от своей скрипки не более чем нескольких безмятежных часов музыки. Читая таких великих поэтов, как Данте, или таких глубоких философов, как Платон, я всегда получаю часы прекрасной поэзии и размышлений.

Никакие иные развлечения меня не интересуют. Я не пью и не курю, а также не увлекаюсь картами и азартными играми. Мне жаль тех, кто тратит время, деньги, а иногда и растрчивает всю свою жизнь на безумие игры.

Что касается моего стола, то я не придаю ему особенного значения. Я никогда не был гурманом. Особенно за эти последние годы моя пища такая же скромная, как у самого простого итальянца. Каждый час моей жизни меня ведет некий духовный элемент. Деньги не имеют для меня никакого значения.

Единственными целями, к которым я стремлюсь, являются те, которые ассоциируются с величайшими достижениями жизни и цивилизации, с высочайшими интересами, а также настоящими и глубинными чаяниями моей страны. Я уверен в своей силе и в своей вере; именно по этой причине я не склоняюсь ни к каким концессиям и компромиссам. Я покидаю, даже не удостоив последним мимолетным взглядом, своих врагов и тех, кто не может нагнать меня. Я оставляю им их политические мечты. Я оставляю их наедине с даром к пустой демагогии и многословию.

Что нужно Италии? Мститель! Ее политическое и духовное возрождение нуждаются в достойном проводнике. Это необходимо для того, чтобы залечить ее смертельные раны, придать ей силы и дать возможность двигаться против течения. Следовало искоренить все проявления зла, которые грозили перерасти в хронические. Требовалось

остановить политическое разложение. Я должен был добавить в кровь национальной жизни новую, чистую и могучую лимфу итальянского народа.

Голосование было сведено к детским играм; оно уже в течение нескольких десятилетий приводило нацию в унижительное состояние. Оно породило зловещую структуру, далеко отстоящую от высот долга любой новой Италии. Я лицом к лицу столкнулся с бесконечным множеством врагов. И, разумеется, нажил новых — на этот счет у меня не было иллюзий! По моему мнению, всякая борьба должна носить решающий характер: она должна вестись в целостном виде на самых различных фронтах.

Чтобы выразить всю полноту и законченность борьбы, я должен был подать ее в ясном, доступном виде. Мне нужно выделить в качестве отдельных подпунктов различные моменты, требовавшие от меня активных действий и из которых эволюционировали наиболее значительные факты моей правительственной жизни. Деяния и поступки, более чем любые бесполезные субъективные высказывания, напишут мою истинную биографию с 1922 по 1927 год.

У меня никогда не было периодов неуверенности в собственных силах; к счастью, я никогда не знал того резкого разочарования и экзальтации, которые так часто вредят плодотворной работе государственного деятеля. Я понимал, что на кону не только мой личный престиж, но и авторитет, само имя той страны, которую я любил больше самого себя, больше чего бы то ни было в жизни.

Я страстно желал усовершенствовать, облагородить и привести к гармонии характер итальянцев. Позвольте мне коснуться проводимой мной внутренней политики, а также того, что было запланировано и достигнуто. От мелких разногласий и раздоров, которые повторялись во время праздничных мероприятий и воскресных дней, многоцветной политической приверженности, крестьянских волнений, кровавых битв, неискренности и двуличности прессы, от парламентских сражений и маневров, противоречивости представительских лобби, неприятных, бессмысленных дебатов и путаных речей мы наконец-то поднялись на уровень объединенной нации, к могущественной гармонии — управляемой, вдохновляемой и одухотворенной фашизмом. И это не только мое личное суждение, а мнение всего мира.

После моей речи в палате депутатов от 16 ноября 1922 года я добился одобрения своей декларации 306 голосами против 116. Я попросил и без всяких трудностей добился полной власти.

Я выпустил постановление об амнистии, которое установило мирную атмосферу. Я вынужден был решать проблему вооруженных фашистских эскадронов. Я всегда обладал огромным влиянием и авторитетом на своих солдат и отряды быстрого реагирования, которые в каждом из регионов Италии подтвердили свое мужество, благородство и пылкую веру. Но теперь, когда фашизм пришел к власти, к тому же в подобной ситуации, такие формирования более не были желательны.

С другой стороны, я не мог ни с того ни с сего расформировать или направить в спортивное русло этих молодых людей, которые питали ко мне глубокое, абсолютное и слепое благоговение. По своему инстинкту, своему живому убеждению они руководствовались не только силой и мужеством, но также ощущением политического блага. А поскольку угроза не миновала полностью, было необходимо уберечь цитадель триумфа черных рубашек. Поэтому я решил создать добровольные милицейские отряды для национальной безопасности и защиты. Разумеется, их обязанности должны были быть четко определены. Ими должны были руководить бывалые ветераны и вожди, которые, пройдя войну, узнали и пережили битвы восхождения фашизма.

Я провозгласил, что с фашизмом у руля все противозаконное и нарушающее общественный порядок должно исчезнуть. Решение переформировать отряды быстрого реагирования в добровольную милицию в целях национальной безопасности, несомненно, несло в себе политическую мудрость; оно придало режиму не только авторитет власти, но также необыкновенный силовой резерв.

Организация такого исключительно политического образования, как Высший совет, стала одной из моих главных целей после прихода к власти. Я очутился перед необходимостью создания типично фашистской политической организации, которая будет находиться в стороне и над различными прежними политическими механизмами, своим господством приносящими раздор в национальную жизнь. Каждый день возникала необходимость находить четкие ответы на вновь поступающие вопросы — мне требовалась консультационная организация. За всеми трудностями работы в качестве главы правительства я не должен был забывать и о том, что также являюсь главой партии, которая в течение трех лет сражалась на площадях и улицах Италии не только ради достижения власти, но, прежде всего, для того, чтобы воплотить высшую задачу и осуществить насущную необходимость вселения в нацию нового духа.

Высший совет должен был стать движущим элементом фашизма, с тяжелой и деликатной задачей подготовки и трансформации в сферу

законности работы, проделанной фашистской революцией. Тогда, как, впрочем, и сейчас, в Высшем совете не существовало неоднородных элементов, кроме зрелых фашистов, министров и выразителей глубинных течений общественного мнения, а также экспертов своего дела и людей знающих. Высший совет всегда преуспевал. Я председательствовал в нем, и позвольте прибавить в качестве характерной детали, что все декреты и официальные отчеты, появляющиеся в прессе в сжатой форме, были написаны мной. Они являлись продуктом продолжительных размышлений, в которых жизнь Италии и ее позиция на мировой арене рассматривались и анализировались с позиций души, воли и веры фашиста. Высший совет, который сегодня я хочу сопроводить законодательными организациями фашистского режима, за первые пять лет своего существования сослужил прекрасную, беспримерную службу.

Одной из первостепенных проблем было объединение полицейских сил. У нас была обыкновенная полиция, с различными ответвлениями политического и судебного характера, Королевские карабинеры и, в заключение, Королевская гвардия. Это последнее образование, созданное Нитти, состояло из демобилизованных элементов и представляло собой бесполезную организацию, занимающую место где-то между карабинерами и обыкновенными силами гражданского правопорядка. Поэтому я принял мгновенное решение о роспуске Королевской гвардии. По большому счету, это событие не сопровождалось печальными инцидентами. В некоторых городах, таких как Турин и Милан, прошли мятежи и были проявлены попытки к сопротивлению. Я отдал строгие приказы. Пригласил к себе в кабинет или обзвонил руководителей, ответственных за состояние дел в провинциях. Я приказал им при необходимости открывать огонь. Через шесть часов ситуация пришла в норму. Безотлагательное расформирование военного объединения, состоящего из сорока тысяч человек, стоило всего четырех убитых и нескольких десятков раненых. Офицеры были включены в другие организации или занялись работой, соответствующей их желанию; рядовые разъехались по своим округам и провинциям без дальнейших неприятностей.

Итальянское политическое масонство, которое сначала казалось приспособившимся к новым условиям, подчинившись приходу фашизма к власти, теперь начало бессмысленную и коварную войну против меня и против самого фашизма. На собрании Высшего совета я провозгласил невозможность одновременного членства фашистов в масонских организациях. В качестве социалистического лидера я уже преследовал подобную антимасонскую политику. Мы не должны забывать о том, что

эта подозрительная организация, с ее тайным характером, всегда имела в Италии свойства, типичные для взяточдателя и шантажиста. Она не имела ничего общего с защитой, гуманностью и филантропией. Все и даже те, кто извлек из этого выгоду, знали о том, что итальянское масонство представляет собой не более чем общество взаимной поддержки и обоюдного низкопоклонства его членов. Каждому было известно, что оно всячески покровительствует потаканию лишь собственным интересам, а также методам преимущественного права и интриги, пренебрежению и презрению к правам и прерогативам интеллигентности и нравственности. Моя борьба с масонством была горькой; я все еще несу на себе ее ощутимые отметины, но она является для меня, для моей честности и моей искренности наиболее драгоценным проявлением достоинства.

В 1923 году, после переговоров, проводимых с решительным постоянством, я объединил итальянский национализм и фашизм. Определенный период времени эти организации придерживались единого мнения относительно всего, что касается окончательных целей национальной жизни. Однако политические события направили их по разному пути. Теперь победа была достигнута, и наилучшие элементы националистского движения уже вступили в сотрудничество с новым режимом, а поэтому объединение стало самым разумным шагом и также являлось актом политического доверия и искренности. Черные рубашки и синие рубашки, поскольку последние являлись униформой социалистов, объединились в абсолютном согласии по всем нормам рыцарского благородства и политической лояльности. Это новое, серьезное образование позволило нам наслаждаться перспективой более благоприятных предзнаменований для нового будущего, а также стало достойным той великой Италии, которая предвиделась и грезилась и наконец-то была создана национализмом и фашизмом.

В апреле 1923 года в Турине был созван национальный конгресс Народной партии. Это было многословное и академическое собрание, не слишком отличающееся от иных политических конгрессов, которые десятилетиями гипнотизировали общественную жизнь Италии. На нем, безусловно, много времени уделялось обсуждению политики фашистского режима, и после некоторых расхождений во мнениях большинство собравшихся проголосовало в пользу центристской позиции с антифашистским уклоном.

Среди членов моего правительства было несколько представителей Народной партии; после этого собрания они оказались в сложной и крайне деликатной ситуации. Естественно, я поставил Перед ними задачу

обдумать возможность остаться в фашистском правительстве при новом стечении обстоятельств, созданном отношением их партии. Последовали некоторые объяснения. Различные Мнения сменяли друг друга, но для того, чтобы начать процесс политического преобразования, в котором я уже давно видел необходимость, я посоветовал членам правительства от Народной партии оставить занимаемые должности для того, чтобы избежать разногласий между их парламентской фракцией и фашистской партией.

Я предвидел такой процесс чистки еще только придя к власти. В то время к настроениям и высоким целям фашизма склонялись далеко не все умы. Все еще существовало множество инакомыслящих. Многие люди жили иллюзорной надеждой на то, что смогут влиять и менять методичный и строгий курс, определенный фашизмом. С этой целью меня окружили те, кто был искусен в увилывании, оборотистости и скользких маневрах. Разумеется, они всегда встречали твердое сопротивление с моей стороны.

В 1923 году впервые за все время День труда прошел без инцидентов; люди спокойно работали, не жалея о той старой дате, которая теперь утратила для Италии всякое значение. Позднее мне захотелось узнать позиции общественного мнения Италии и измерить, насколько глубоко фашизм проник в массы. Сначала я отправился в Милан и Романью. Затем поехал в Венецию, Падую, Виченцу, на Сицилию и Сардинию; по окончании путешествия я посетил Пьяченцу и Флоренцию. И везде я встречал теплый, живой энтузиазм не только среди моих лейтенантов и чернорубашечников, но также и среди простых итальянцев. Эти самые люди наконец-то стали ощущать, что у них есть правительство и лидер.

Чернорубашечники, эти творцы революции, приветствовали меня как своего лидера с тем же неизменным радушием, которое выказывали мне в то время, когда я был всего лишь главой партии и разрабатывал программу журналистской атаки, которая очень подействовала моей популярности. Временами темперамент итальянцев гораздо более расположен к раздорам, нежели к действиям. Но теперь мои старые товарищи были близки мне в своих ежедневных занятиях, а также в своей полковой дисциплине. Их отношение не только придало мне гордости, но глубоко тронуло меня. Я также не мог пренебречь нашей сердечной, полной горячего пыла молодежью и был полон решимости не жертвовать ею ради компромиссов со старым миром, который был обречен на исчезновение. Население почувствовало, что наступила настоящая свобода; оно пережило освобождение от постоянного шантажа политических партий, который вводил в заблуждение массы. Италия благословила мою политическую

работу. И это делало меня счастливым.

Именно в этот период оппозиция вновь начала кампанию протеста. Не имея возможностей одолеть меня на поле примирения и компромисса, оппозиционные элементы, возглавляемые «Карьере делла Сера», выдвинули ряд гнетущих пророчеств и начали бить тревогу. Они развернули коварные атаки и начали плести свои полемические тенета. Однако я привел в исполнение новый избирательный закон, потому что не хотел угодить в ловушку старой пропорциональной представительской системы. Таким образом я отделил «народников», демократов и некоторых либералов. Реформа школы, о которой я еще расскажу подробнее, вызвала у некоторых враждебную реакцию.

Тем временем мы столкнулись с антифашистскими атаками и западнями. Это был бурный год. Он должен рассматриваться как период стабилизации и сопряженных с ней трудностей. Передо мной встала необходимость оборонять фашизм от внутренних кризисов, всегда провоцируемых ложью и интригами. И я справился с этой задачей успешно благодаря тому, что всегда был неумолимо непреклонен в отношениях с теми, кто считал, будто может породить трения и разногласия внутри самой партии. Фашизм представляет собой целостность; он никогда не распадался на различные тенденции и направления, точно так же, как не имел одновременно двух лидеров на одном и том же уровне организации. Фашизм подразумевает иерархию: у основания отряды черных рубашек, а на вершине один-единственный вождь.

В этом заключался один из первых источников моей силы; весь процесс разложения наших политических партий всегда порождался не идеальными мотивами, а персональными амбициями, фальшивыми предрассудками и коррупцией или таинственными, косвенными и скрытыми силами, которые я всегда связываю с работой, проделываемой нашим итальянским масонством. Я принял все это во внимание. Я принял решение не уступать ни на волосок. Когда более насущные законодательные проблемы были решены парламентом, я решил распустить палату и, добившись продления властных полномочий, объявил выборы на 6 апреля 1924 года.

Этого сигнала о выборах было достаточно для того, чтобы успокоить политические агитации сомнительного характера. Все партии приступили к критическому самоанализу и пересмотру собственных сил. Все были готовы добиться самого значительного числа голосов и разместить в палате наибольшее возможное число представителей.

Выборы могут считаться детской забавой, в которой важнейшую роль

играют сами избираемые. «Достопочтенные», чтобы действительно стать таковыми, не упустили ни единой возможности фальсификации, демагогии и компромисса. Фашизм не хотел приспособляться к обычным формам этого глупого фарса. Мы решили создать обширный национальный список, в котором должны найтись места не только для известных, надежных и верных хранителей и доверенных лиц фашизма, но также и для тех, кто принимал активное участие в жизни нации и способен был поддержать достоинство своей родины. Этими мерами фашизм в полной мере обнаружил высокую политическую мудрость и честность. Он даже снисходительно относился к лицам с противоположной и сомнительной позицией, так как они тоже могли сослужить свою службу. В национальный список были включены бывшие президенты Верховного Совета, такие как Орландо, а также палаты, такие как Де Никола; но основная часть списка состояла из новых элементов. Фактически его составили две сотни ветеранов, десять золотых медалей, сто четырнадцать серебряных, девяносто восемь бронзовых медалей, а также восемьдесят калек и инвалидов войны и тридцать четыре добровольца. Большая часть списка была отобрана из аристократов войны и победы.

Отделившиеся от коммунистов социалисты точили свое оружие точно так же, как и народники. Но из избирательных урн 6 апреля потоком хлынула полная, решительная и бесповоротная победа национального списка. Он получил пять миллионов голосов против двух миллионов, представленных всеми другими списками, вместе взятыми. Моя политика и наш режим нашли свою поддержку в народе. Благодаря этому я затем мог быть более снисходительным к нашим противникам вместо того, чтобы надавить на них еще сильнее, как следовало бы поступить.

Я руководил этим политическим сражением из Милана. Я не придавал слишком большого значения результатам избирательной борьбы, но она интересовала меня как проявление поддержки и воодушевления, которое в каждом из итальянских городов было отдано национальному фашистскому списку. Одобрение народа проявило поощрение моей программе и моей правительственной деятельности. По приезде в Рим я был встречен как вернувшийся победитель, и с балкона Палаццо Чиги, откуда приветствовал Рим и римлян, я поздравил новую и великую Италию, в которой честные, достойные люди пребывают в единой гармонии.

В этом был мой синтез: позволить старым партиям умереть, чтобы дать выжить стране.

24 мая с необыкновенной торжественностью прошло открытие двадцать седьмой законодательной палаты. Его величество король

произнес крайне впечатляющую речь. В зале царил атмосфера великого события. Из мелочных политических интересов элементы, отрекшиеся от родной страны и приуменьшающие достоинство национальной жизни, решили не присутствовать на заседании. Однако, несмотря на это, инаугурация двадцать седьмой законодательной палаты нисколько не потеряла в своей полноте и моральной значимости. С особым радушием были встречены ветераны, некоторые из которых были награждены множеством орденов и медалей. Таким образом, в старую палату, уже настолько привыкшую к подлым и низким политическим интригам, вдохнули дыхание новой жизни; там присутствовало героическое ощущение новой души Италии, чувство ожившего стремления к величию.

Все это крайне раздражало социалистов. В глубине души они ненавидели войну, обесценивали значение нашей победы. Старый парламентский мир не мог приспособиться к этому величественному скоплению молодежи. Врожденная трусость Монтечиторио, бездействие парламента, разумеется, отказали бы в уважении к мужеству, символизируемому всеми этими золотыми медалями!

Глубокая пропасть между старой и новой Италией снова разверзлась в Монтечиторио. Разлад и разногласия витали в парламентской атмосфере даже после того, как были побеждены и преодолены фашизмом на улицах и площадях Италии, а также в сердцах граждан. Во время исторического заседания 24 мая 1924 года печальная вражда должна была достичь своего эпилога. И не случайно мной была выбрана дата нашего вступления в войну.

Через несколько дней начались обычные парламентские прения. Присутствие новых депутатов вызвало едкие замечания. Социалисты, которые не принимали участия в церемонии 24 мая, снова заняли воинственные позиции. Атмосфера сильно накалилась. Я знал, что необходимо придать всей нашей политической, а особенно парламентской, жизни иной тон, поэтому не было смысла строить иллюзии на сей счет. Призвав на помощь все свое терпение и настойчивость, мне удалось внести умиротворение в первые особенно бурные заседания. Ничто не смогло более эффективно повысить уровень дискуссий, чем речь, произнесенная 6 июня слепым ветераном Карло Делькро. 7 июня я давал основательные объяснения всем оппонентам. Я осудил их маневры. Помню, что заклинал всех присутствующих именем фашистских мучеников, а также во имя спокойствия душ приступить исключительно к продуктивной деятельности. Я прибавил: «Мы чувствуем ответственность за то, что представляем итальянский народ, и мы заявляем, что имеем право развеять

по ветру пепел вашей и нашей враждебности таким образом, чтобы мы могли годами и столетиями питать освященную веками, неосязаемую плоть нашей страны могучей и чистой кровью».

Я почувствовал необходимость выступить в парламенте с высочайшим призывом сохранять спокойствие ради равновесия и справедливости. Я был воодушевлен глубоким и искренним стремлением к миру. Но успех моих слов был только видимым; в ходе усердного рвения, с которым велись политические битвы в парламенте, имели место сцены, недостойные любой ассамблеи.

Социалистам были нанесены удары в самые болезненные точки; они столкнулись с реальностью. Они были превзойдены и поражены стремительным движением итальянской молодежи, приведенной в смятение тем новым направлением, которое принимали события. Весь новый политический реализм пребывал в антагонизме с их намерениями; они были побеждены и почувствовали это. В подобной ситуации социалисты хотели в качестве последнего средства спасения каким-то образом избежать полной капитуляции, по крайней мере в парламенте.

Искусные и хитроумные в любом политическом искусстве, они до бесконечности затянули с теми притязаниями, которые еще могли изобрести. Это была игра с хорошо обдуманной целью погубить и стереть с лица земли. В этой тонкой работе озлобленности и раздражения депутат Маттеотти отличился более всех остальных. Это был социалист из провинции Ровиго, чья высокомерная натура цепко держалась принципов политической деградации. Как социалист, он ненавидел войну. В этом своем отношении он достиг полного абсурда, который выделял его даже среди других социалистов. В трагический период после поражения при Капоретто он восстал против наших венецианских полков. Маттеотти отказал в приюте тем несчастным людям, которые бежали из оккупированных врагом провинций, в которых австрийцы совершали всяческие акты насилия и творили прочие зверства. Он заявил, что все они должны оставаться под властью Австрии!

В эти парламентские полемические баталии он привнес весь свой арсенал средств и трюков. Будучи миллионером, он рассматривал социализм в качестве обыкновенной парламентской доктрины. Однако не стоит забывать о том, что он был искусным и пылким бойцом, способным довести соперника до иступления в вихре борьбы, однако был далек от того, чтобы стать серьезной угрозой для ассамблеи или заставить замолчать такую партию, как фашистская. Маттеотти не был лидером. В той же социалистической партии были личности, превосходившие его в

силе красноречия, талантах и последовательности. В своих избирательных округах он вступал в отчаянные стычки с фашистами и непосредственно в палате проявил себя как наиболее рьяный и бойкий оппонент.

В один прекрасный день Маттеотти исчез из Рима. Сразу же расползлись слухи о совершении политического убийства. Социалисты искали жертву, которая может пригодиться в целях обличительной риторики, и сразу же, даже до того, как что-то определенное стало известно, обвинили во всем фашизм. По моему приказу началось наиболее тщательное и полное расследование. Правительство было намерено действовать со всей возможной энергией не только в целях правосудия, но и для того, чтобы пресечь на корню распространение всяческих клеветнических измышлений. Я обязал префекта и начальника полиции Рима, секретаря внутренних дел Финци и главу средств массовой информации Чезаре Росси раскрыть все обстоятельства данного дела. Полиции было приказано действовать без всяких ограничений, дабы выявить и арестовать лиц, виновных в преступлении. И очень скоро стало возможным установить личности преступников. Они занимали высокое положение в обществе. Они вышли из фашистской группировки, но были совершенно в стороне от ответственных позиций.

Против них без всякого снисхождения был начат строжайший судебный процесс. Были приняты самые суровые меры, настолько суровые, что в некоторых случаях они даже оказались излишними.

Подозреваемые были сразу же арестованы. Что касается причастных лиц, вступавших в сношения с виновными, то они были отстранены от общественной жизни просто потому, что находились под подозрением, даже несмотря на невиновность. На власти, полицию и суды не оказывалось никакого давления и не вводилось никаких ограничений.

Все эти меры должны были успокоить назревавшую бурю.

Но получилось наоборот. Этому драматическому эпизоду суждено было потревожить ту строгую безмятежность и спокойствие, в которые я облек себя и каждого, ответственного за генеральную политику страны. Хотя мы все еще жили в атмосфере, пропитанной страстным энтузиазмом, не без полемик и яростных столкновений, представлялось маловероятным, что всего через несколько дней после открытия двадцать седьмой законодательной сессии группа высокопоставленных лиц ввяжется в авантюру, которая, начавшись как безобидный курьез, переросла в трагедию. Я всегда твердо и сурово высказывался о случившемся. Но теперь, несмотря на преданность и активность центрального правительства, разразились беспрецедентные выступления против

фашизма и его лидера. Члены оппозиции в палате дали первый сигнал грандиозной атаки. Я сразу почувствовал и предвидел низкую, подлую игру, которая раздувалась не из любви и сочувствия к несчастной жертве, но исключительно из ненависти к фашизму. Это не удивляло меня. Когда слабые личности уже начали колебаться, я выступил в палате со следующим заявлением:

«Если это вопрос недовольства, вопрос порицания, вопрос жалости к жертве, вопрос давления на нашу систему преследования виновных и соучастников, мы здесь, чтобы повторить, что все будет сделано с полным хладнокровием и неумолимостью. Но если из этих крайне печальных событий кто-то хочет извлечь аргументы, но только не в пользу более масштабного примирения сторон на основании всеми принятой и признанной потребности в установлении национального согласия, или кто-то пытается сделать из этой трагедии спектакль эгоистичного политического характера в целях атаки на правительство, он должен знать, что правительство будет защищаться любой ценой. Правительство с чистой совестью и с полной уверенностью в том, что уже выполняет свой долг, и с намерением делать то же самое и в будущем, примет необходимые меры, чтобы нанести сокрушительный удар по проискам, которые, вместо того, чтобы вести нацию к гармонии, вселяют в души итальянцев глубочайшие противоречия и переживания».

Эти слова не проникли в уже ожесточившиеся умы. И случилось в точности то, что я и предполагал: оппозиция накинулась на труп Маттеотти для того, чтобы отравить политическую жизнь Италии и набросить тень на фашизм не только в Италии, но и за ее пределами.

Направление итальянской политической жизни с июня по декабрь 1924 года представляло собой событие абсолютно беспрецедентное в политической борьбе любой из других стран. Оно было отмечено стыдом и бесчестьем, которые могли бы обесславить любую политическую группировку. Пресса, собрания, подрывные и антифашистские партии самого разного толка, ложные интеллектуалы, побежденные кандидаты, слабоумные трусы, сброд и различные паразиты набросились на труп подобно стервятникам. Ареста виновных было недостаточно. Обнаружения тела и убедительного, обоснованного заявления судмедэкспертов, что смерть наступила не в результате преступления, а вследствие травмы, также было недостаточно.

Вместо этого обнаружение трупа поблизости от Рима, в живой изгороди, известной как Квартарелла, не остановило фанатичного стремления докопаться до новых деталей, которое вспоминается нами под

постыдным термином «Квартареллизм».

На трагедии Маттеотти были сколочены состояния; оборотистые дельцы спекулировали портретами, медалями, памятными представлениями, электрическими символами; была начата подписка на сомнительные газеты подрывного толка, и даже теперь счета все еще открыты.

Оппозиционные партии и их представители в палате покинули Монтечиторио и угрожали и в дальнейшем не принимать участия в законодательной деятельности; этому движению и тем, кто его поддерживал, по ложной аналогии с одним из событий итальянской истории, было присвоено название Авентино. Но в данном случае группировка Авентино была сведена к гротескной пародии, в которой вся ненависть и нагота власти теперь объединила людей крайне противоположных политических взглядов. Они все время раскачивались от социалистов к либералам, от демократов-масонов к народникам, которые претендовали на то, чтобы называться католиками. Проводились тайные собрания. Всеми возможными путями они попирали и поносили свободу прессы и собраний, дабы нанести вред национальной жизни. Фанатично настроенные элементы час за часом ожидали свержения фашистского режима. На фоне этого постыдного театрального фарса выделялась фигура сенатора Альбертини, счастливого владельца газеты. Это был человек, обожающий копаться в мусоре, прислушиваться ко всем грязным сплетням, коллекционировать наиболее лживые памфлеты, а также пытающийся как угодно, где угодно и когда угодно ударить по мне или по фашизму.

Меня ни на минуту не одолевали сомнения, и я не ощущал подавленности. Я знал все намерения, методы и позиции своих противников. Мне было известно, что если они смогут, то обязательно самым низменным способом воспользуются трупом социалистического депутата в качестве антифашистского символа и флага. Но их мерзостная политика превзошла все мои самые смелые ожидания. Но кроме этих спекулянтов также существовали робкие и слабые элементы на периферии самого фашизма. Они не понимали того, что этот эпизод не из разряда тех, которые творят историю. Во имя сентиментальной моральности они готовы были принести в жертву великую мораль и политическую бескомпромиссность и послать под нож благосостояние целой нации.

Эта ситуация также породила множество кающихся Магдалин и многих, побуждаемых печальной привычкой подавляющего числа итальянцев почитать за чистое золото деяния и работу любой оппозиции,

прятать свои фашистские значки и, трепеща, отказываться от фашистской нации, уже раскаленной докрасна тысячами атак и контратак ее врагов.

Мы снова опускались к самым глубинам революционного периода, со всеми преувеличениями этого беспокойного времени, с его озлобленностью, тяготами и бурными конфликтами. Сложилась такая атмосфера, в которой многие магистраты, а особенно находящиеся под влиянием масонов, разумеется, не могли выражать беспристрастных и безошибочных суждений. Различные партии из-за рубежа оказывали поддержку социалистам Италии. Таким образом, стало ясно, насколько антифашистское движение все еще было сильно за рубежом, в определенных интернациональных зонах, где демократия, социализм и либерализм объединили свои усилия в патронаже, шантаже и паразитизме.

Все это в определенной политической атмосфере на какое-то время должно было создать иллюзию ослабления правительства. В декабре 1924 года, под конец этой мучительной осени, некоторые уже считали последние дни, отведенные нашему правительству. Великая надежда возродилась в сердцах политически неудовлетворенных. Фактически это был ничтожный маневр со стороны трех последних президентов Верховного Совета; они могли ввести в заблуждение как себя, так и других. Но эти профессиональные политики обладали слишком низким практическим чутьем, чтобы понять, что я на одном дыхании могу отдать своим чернорубашечникам такой приказ, который раз и навсегда разрушит все их фантазии и чаяния.

Надутые жабы ожидали своего триумфа. Коррумпированная пресса на своих страницах уделяла максимальное внимание клеветническим измышлениям, подстрекательству к политическим преступлениям и распространению дезинформации. Монархия, верховный элемент политического равновесия, подвергалась яростным нападкам, угрозам и шантажу. Как всегда, существовали авантюристы, которые жаждали извлечь свою выгоду из любого поворота событий, для того чтобы снова воссоздать для себя возможность политического возрождения. Я, со своей стороны, всегда старался исключить из сфер активной деятельности и контролируемых мной позиций эту подлую и фатальную шайку.

И как будто всего происходящего в мрачном декабре 1924 г. было недостаточно, чтобы дополнить картину, Чезаре Росси, бывший глава пресс-ведомства, пошел на мошеннический трюк. Этот человек, исключенный из фашистской партии из-за того, что был замешан в деле Маттеотти, подготовил меморандум, сотканный из лжи и клеветы. Его целью было взвалить вину за происшедшее на режим, а, следовательно, и

на меня самого. Все, что происходило в Италии прежде, и все происходящее сейчас он старался свалить на Мой порог. Подобный меморандум, написанный таким человеком, претендовал на то, чтобы стать для меня «моральным обвинением». Но меня невозможно было атаковать в этом направлении; всякие Попытки сделать это оказывались пустыми. Я был заранее предупрежден о заговоре, который собирался предпринять Росси; я знал содержание его меморандума и дату его выхода из оппозиционной печати. И я положил конец этим низменным проискам. Я опубликовал меморандум в союзнической газете; таким образом я указывал на то, что не придаю ему никакого значения. Это была курьезная ложь. Этот театрализованный удар угодил в пустоту; пузыри, раздуваемые злословием, выдохлись, подобно проколотым шарам.

Эта презренная игра продолжалась полгода. Малодушные ушли в подполье и затаились; исполнители скорбных мелодий почувствовали, как у них пересохло в горле. Теперь спекулянты испытывали отвращение к самим себе. В этот период бывший министр, увенчанный высочайшим орденом итальянской монархии Колларе дель Аннунциата, присоединился к культу республиканства и встал в один ряд с наихудшими элементами социализма!

В этот период я крепко держал фашистскую партию в своих руках. Я сдерживал воинственные импульсы некоторых фашистов, жаждавших кровавых репрессий, простым приказом: «Держите свои руки в карманах! Я единственный, чьи руки могут и должны оставаться свободными». Однако во Флоренции и Болонье имели место эпизоды, сопряженные с чрезмерным насилием. И тогда я понял, что настало время говорить и действовать.

Все это время я продолжал доверять себе, основываясь на том, что никогда не утратил спокойствия или чувства равновесия и справедливости. Повинуясь невозмутимому суждению, которым стараюсь руководствоваться во всех своих действиях, я отдал приказ об аресте виновных. Я хотел, чтобы справедливость проследовала своим неукоснительным путем. Теперь я выполнил свои задачи и исполнил свой долг, как и подобает справедливому человеку. Поэтому сейчас могу вести против своих противников собственную игру в открытую.

Когда в Римской провинции возросла угроза всеобщей забастовки, я отдал приказ флорентийским легионам милиции пройти парадным маршем по улицам столицы. Вооруженные милицейские отряды со своими боевыми гимнами являются прекрасным средством убеждения. В сентябре 1924 года я посетил с визитом наиболее напряженные регионы тосканского

фашизма; я побывал среди мужественных жителей Амиаты, среди рабочих и крестьян, среди шахтеров провинции Сиена. По этому случаю, в то время как оппоненты беспрестанно ожидали моего падения, что также было тайным желанием многих моих врагов за рубежом, я обратился к фашистам с отважным заявлением, в котором звучала жизнеутверждающая сила и вера в победу:

«И я говорю вам, что из наших противников мы сделаем сор под ногами наших черных рубашек».

Оппозиционная пресса раздула вокруг этих слов необычайную шумиху; но ее пустая болтовня уже не имела значения. Это стало очевидным 3 января 1925 года. В этот день, когда Рим уже был полон ссыльными из провинций и теми, кто с трепетом ожидал разрешения политического противостояния, я произнес в парламенте следующую речь, которая, разумеется, не нуждается в сокращениях:

«Синьоры!

Речь, с которой я собираюсь выступить перед вами, не должна рассматриваться как обычная парламентская речь. Возможно, что под конец некоторые из вас найдут, что эта речь, несмотря на то, что минуло достаточно времени, очень тесно связана с той, которую я произнес в этом же зале 16 ноября. Подобная речь может вести куда угодно, только не к политическому голосованию. В любом случае, я хочу, чтобы вы знали, что я не стремлюсь к этому голосованию. Я не хочу его; я прошел уже достаточно. Параграф 47 Устава гласит: «Палата Депутатов может предъявить обвинения королевским министрам и передать их в руки Верховного суда». Я официально спрашиваю вас, есть ли кто-то в этой палате или вне ее, кто хотел бы воспользоваться Параграфом 47. Тогда моя речь станет абсолютно понятной и внесет собой полную ясность. Вы сможете понять это. После того, как долгое время маршировали бок о бок со своими товарищами, наша благодарность которым за все их деяния никогда не иссякнет, имеет смысл остановиться и поразмыслить над тем, стоит ли следовать тем же путем и с теми же товарищами и в дальнейшем.

Синьоры, я единственный в этом зале, кто озвучивает обвинения, выдвинутые против меня.

Обо мне говорили, будто я основал «ЧК».

Где? Когда? Каким образом? Никто не может этого сказать. В России без суда и следствия были казнены от ста пятидесяти до ста шестидесяти тысяч людей, как показывает приближенная к официальной статистика. В России действительно существовало ЧК, которое систематически применяло террор против среднего класса в целом и отдельных его представителей, то самое ЧК, которое называло себя карающим мечом революции. Но в Италии никогда не существовало и тени подобного ЧК.

Никто не сможет отрицать, что я обладаю следующими тремя качествами: рассудительным умом, значительным мужеством и абсолютным презрением к денежным соблазнам.

Если бы я основал ЧК, то сделал бы это, следуя по привычному для меня пути рассуждения, в рамках которого я отстаивал единственный род насилия, который никогда не будет исключен из истории.

Я всегда утверждал, и те, кто всегда следовал за мной в течение пяти лет упорной борьбы, теперь смогут вспомнить это, что насилие будет продуктивным только тогда, когда будет характеризоваться избирательностью, разумностью и рыцарским благородством. Но имеющие место ныне деяния любого так называемого ЧК всегда глубоко неразумны, подвержены порыву и откровенно глупы.

Неужели вы действительно способны думать, что в день, следующий за

празднованием Рождества Христова, когда души всех святых парят где-то вблизи, я мог отдать приказ о наступлении в десять часов утра на Виа Франческо Криспи в Риме, после самой миролюбивой речи из всех, которые я произносил за время своего правления?

Пожалуйста, не считайте меня таким уж глупцом. Мог ли я, проявляя тот же недостаток благоразумия, планировать менее существенные атаки на Мисури и Форни? Вы, разумеется, помните мою речь 7 июня. Вы должны с легкостью воскресить в памяти ту неделю яростных политических баталий, когда в этом самом зале почти каждый день происходили столкновения между меньшинством и большинством, дошедшие до того, что многие в отчаянии разводили руками от ощущения невозможности когда-либо снова восстановить те нормы политического и гражданского взаимодействия, особенно необходимые между оппозиционными фракциями парламента. Отголоски яростных и бурных речей перелетали с одной стороны на другую. И вот 6 июня Делькро своей лирической речью, наполненной жизнью и страстью, разрядил готовую вот-вот разразиться бурей атмосферу.

На следующий день я выступил для того, чтобы окончательно прояснить ситуацию. Я обратился к оппозиции: «Я признаю ваши высшие права, равно как и ваши условные права. Вы можете превосходить фашизм опытом; а поэтому можете сразу же подвергать критике все меры, предпринимаемые фашистским правительством».

Я помню и до сих пор вижу перед глазами ту часть палаты, которая вся обратилась во внимание и чувствовала, что я произношу глубокие, существенные слова, а также уже подвел основания под то самое необходимое сосуществование, без которого невозможно продолжать даже любую обычную ассамблею.

Как мог я, после своего успеха, если говорить без напускной и нелепой скромности, да к тому же после успеха такого громкого и признанного всей палатой, включая оппозиционную фракцию, успеха, благодаря которому палата снова приступит к нормальной работе в атмосфере доброжелательности уже в следующую среду, как мог я подумать, не подчинившись внезапному нелепому сумасбродству, приказать, не говоря уже об убийствах, нанести даже малейшее, самое незначительное оскорбление тому самому противнику, которого я ценю за его храбрость, так похожую на мою, а также за его упорство, которое напоминает мне мою настойчивость в отстаивании неких принципов?

Разум насекомого у тех, кто считает, будто по этому случаю я предпринимал лишь циничные действия. Подобные поступки последнее,

что я стал бы терпеть; они противны мне до глубины души. И столь же сильный протест во мне вызывает показная демонстрация силы.

Какой силы? Против кого? С какой целью? Когда я думаю об этом, синьоры, то вспоминаю тех стратегов, которые в ходе войны, пока мы питались в окопах, разрабатывали военные планы при помощи маленьких иголочек на картах. Но когда вопрос касался чего-то, что должно быть осуществлено в сфере командования и ответственности, то вещи представлялись в другом свете и имели абсолютно иной вид. И все же я доказал свою компетентность и мужество во многих случаях. Обычно я никогда не пасовал перед лицом опасности.

Я за шесть часов подавил мятеж Королевской гвардии. За несколько дней я усмирил другой коварный бунт. За сорок восемь часов я перебросил пехотную дивизию и перевел часть морского флота на Корфу. Примеры подобных решительных действий, а последнее поразило даже одного из величайших генералов дружественной нации, приводятся здесь для того, чтобы показать, что я не страдаю от нехватки решимости.

Смертный приговор? Но это же ерунда, синьоры! Прежде всего, смертный приговор должен выноситься в соответствии с Уголовным кодексом, и, во всяком случае, высшая мера наказания не может служить репрессивной мерой в руках правительства!

Когда под вопросом жизнь гражданина, он должен выноситься с ограничениями, а лучше сказать, по весьма сдержанному суждению. Именно под конец того самого месяца, который так глубоко врезался в мою душу, я заявил: «Я хочу мира для жителей Италии и хочу вновь восстановить нормальную политическую жизнь».

Что служило ответом на такую мою политику? Прежде всего, создание Авентино— этого антиконституционного, несомненно, революционного образования! Затем кампания в прессе, которая продлилась целое лето. Грязная, презренная кампания, которая порочила нас в течение трех месяцев. Наиболее фантастическая, отвратительная и ужасающая ложь широко освещалась прессой.

Также были проведены расследования по факту различных нелегальных и замалчиваемых случаев; причастные к ним изворачивались, оправдывались, осознанно лгали и знали об этом, но мы все равно продолжали в том же духе! В любую бурю я всегда старался сохранять спокойствие и равновесие. Но эта буря будет вспоминаться последующими поколениями с чувством глубокого стыда. Одиннадцатого сентября кто-то захотел отомстить за убийство, и был застрелен один из наших лучших людей. Он умер бедным — в его кармане было всего шестьдесят лир. Но я

продолжал прилагать усилия к нормализации обстановки. Я подавил беззакония. Я говорю истинную правду, когда утверждаю, что даже сейчас в наших тюрьмах находятся сотни и сотни фашистов.

Это истинная правда, когда я напоминаю вам, что возобновил работу парламента строго определенного числа и без недостатка упорядоченности прения коснулись практически всех статей бюджета.

Это истинная правда, что та клятва, которую, как известно, приносила милиция, а также назначение всех генералов на все участки командования было осуществлено должным образом.

В конце концов, настало время вопроса, который пробудил среди нас все эти волнения, — вопроса принятия отставки Джунты. Палата была взбудоражена. Я ощутил запах бунта; однако в течение сорока восьми часов я сумел воспользоваться своим престижем и влиянием. Я обратился к мятежному и сопротивляющемуся собранию со следующими словами: «Примите отставку», и она была принята.

Но и этого оказалось недостаточно; я предпринял последнюю попытку для создания нормальных условий — спланировал реформу выборов. И как это было воспринято? Ответом было возобновление кампании и утверждение: «Фашизм представляет собой орду варваров, оккупировавших нацию, а также движение бандитов и мародеров». И теперь, синьоры, они поднимают вопрос морали! Но нам хорошо известна грустная судьба подобных вопросов в Италии.

Но все-таки, синьоры, каких бабочек мы разыскиваем под аркой Гита? Пусть так, я заявляю здесь перед этим собранием и перед всеми жителями Италии, что я один принимаю на себя политическую, моральную и историческую ответственность за все происшедшее. Если более или менее внятно произнесенных фраз достаточно, чтобы повесить человека, то несите веревку! Если фашизм представлял собой не более чем касторовое масло или дубинку варвара, а не гордое стремление лучших представителей итальянской молодежи, тогда вина за это на мне!

Если фашизм был преступным сообществом, если вся жестокость была результатом преднамеренного исторического, политического и морального преступления, то ответственность за это лежит на мне, поскольку я создавал его при помощи своей пропаганды со времени нашего вступления в войну и по сей день.

В эти последние дни не только фашисты, но и простые граждане задавались вопросом: что это за правительство? Обладают ли эти люди человеческим достоинством? Обладают ли они достоинством также как члены правительства? Я хотел достичь этой predeterminedной крайней

точки. Мой жизненный опыт за эти последние полгода стал значительно богаче. Я испытывал фашистскую партию. Точно так же, как для того, чтобы проверить свойства некоторых металлов, необходимо ударить по ним молотом, таким же образом я проверял закалку некоторых отдельных людей. И я узнал им цену; я понял, по каким причинам в те моменты, когда ветер казался противоречивым, они сворачивали за угол. Я также испытал самого себя. И будьте уверены, я бы ни за что не стал настаивать на тех мерах, которые противоречили бы интересам нации. Народ не уважает то правительство, которое позволяет пренебрежительное отношение к себе. Люди хотят видеть собственное достоинство отраженным в правительстве, и именно они даже прежде меня говорят: «Довольно! Чаша терпения переполнена».

А почему она переполнена? А потому, что восстание Авентино носило республиканский характер.

Проводимое Авентино подстрекательство к бунту имело определенные последствия, поскольку сейчас в Италии любой человек — это фашист, готовый рисковать своей жизнью! Только за ноябрь и декабрь было убито одиннадцать фашистов. Одному разmozжили голову, а другой, семидесятитрехлетний человек, был убит и сброшен с высокой стены. За один месяц произошло сразу три пожара, три загадочных пожара на железной дороге, один в Риме, другой в Парме и третий во Флоренции. Затем подрывное движение распространилось по всей Италии.

Глава одного из подразделений милиции был тяжело ранен подрывными политическими элементами.

Произошла схватка между карабинерами и подрывниками в Дженцано.

Была предпринята преднамеренная атака на штаб-квартиру фашистов в Тарквинии.

Человек был ранен мятежниками в Вероне.

Солдат милиции получил ранения в провинции Кремона.

Фашисты были ранены ниспровергателями в Форли.

Коммунистическая западня была организована в Сан-Джорджио ди Пезаро.

Подрывные элементы, распевавшие «Красный флаг», совершили нападение на фашистов в Монцамбано.

Всего за три дня января 1925 года и в единой зоне произошли инциденты в Местре, Пьонке, Валоамбре; пятьдесят вооруженных ружьями бунтовщиков прошли по деревням, распевая «Красный флаг» и взрывая петарды. В Венеции нападению подвергся и был ранен солдат Милиции Паскаи Марио. В Кавазо де Тревизо был ранен еще один фашист. В

Креспано участок карабинеров был оккупирован двадцатью обезумевшими женщинами, а глава подразделения милиции атакован и сброшен в воду. В Фавара ди Венеция мятежники совершили нападение на фашистов.

Я обращаю ваше внимание на эти явления, поскольку они симптоматичны. Экспресс-поезд номер 192 подрывные элементы забросали камнями, в результате чего были разбиты все окна.

В Модуно ди Ливенца был пойман и избит начальник вооруженного отряда. Сложившаяся ситуация позволяет видеть, что подстрекание к мятежу, проводимое Авентино, имело глубокие последствия по всей стране. И затем наступает битва, в которой одна из сторон говорит: «Достаточно!» Когда сражаются два элемента, исход лежит в проверке их силы. История никогда не знала никакого иного исхода, да и вряд ли он когда-либо будет.

И теперь я осмеливаюсь заявить, что проблема будет решена. Фашизм, правительство, партия находятся на высшей стадии своей продуктивности. Синьоры, вы обманулись! Вы думали, что фашизму конец, потому что я ограничиваю его, вы полагали, что партия мертва, поскольку я ее сдерживаю. Если бы я использовал лишь сотую часть той энергии, которой я воспользовался, чтобы подавить фашистов, ослабить их... О! Тогда бы вы увидели...

Но в этом нет никакой нужды, поскольку правительство достаточно сильно, чтобы полностью и окончательно подавить мятеж Авентино. Синьоры, Италия хочет мира, хочет тишины, хочет работы, жаждет спокойствия; мы дадим ей это с любовью, если будет возможно, или силой, если это будет необходимо.

Вы можете быть абсолютно уверены в том, что по прошествии сорока восьми часов, которые последуют за этой речью, ситуация будет прояснена во всех уголках страны. И все мы знаем, что это не просто личные причуды, не жажда власти, не основная страсть, но лишь безграничная и могучая любовь к родной стране».

Эти слова, до тех пор сдерживаемые, наряду с моим презрением и силой выражения, внезапно пробудили фашистскую Италию. Как я и предсказывал, ситуация прояснилась за сорок восемь часов. Оппозиционные газеты, которые до этого момента были полны злобы, ненависти и пестрели дискредитирующими материалами, снова начали расползаться по своим норам. Новая ситуация, исполненная силы и ответственности, развивалась. Теперь, после долгого отступления в сторону «квартареллисты», фашизм располагал всеми необходимыми атрибутами, дающими возможность двигаться вперед и править

самостоятельно.

Именно в связи с этим либеральные министры Сарроччи и Кзати, а также поверхностный фашист министр Овильо попросили об отставке. Я заменил их тремя фашистскими министрами. Волей событий мы возвращались к историческим истокам нашего движения, назад, к полнейшей непримиримости.

После моих слов, полных несокрушимой веры и желания проявить отвагу, фашизм возвратился к своей воинственной сущности. Внезапно все те, кто принадлежал к нашему движению, изъявили желание принять в нем участие, но для того, чтобы не слишком перегружать партию, членские списки были резко сокращены.

Победа была полной. Все маневры прежних премьеров определенно провалились и превратились в пустой фарс, равно как и прочие искусственные структуры, появляющиеся в этот период. Одной из них было движение, вдохновленное Бенелли и известное под названием Итальянская лига, призванное создавать предпосылки для раскола фашизма, а также коварные маневры и происки некоторых, не обладающих должным политическим весом, внуков Гарибальди.

В конце января 1925 года Авентино вместе со всеми нашими оппонентами казалось полностью сломленным, разрозненным тысячами внутренних раздоров и противоречий. И снова я был победителем по всем фронтам, а также готов к тому, чтобы внедрять фашистскую революцию в государственные учреждения и облекать ее в конституционные формы.

28 октября 1924 года Национальная милиция, представлявшая собой избранные силы фашизма и всегда бывшая моим любимым детищем, принесла присягу на верность королю. Теперь было необходимо модернизировать конституцию 1848 года и создать новые представительские организации, достойные новой Италии.

С этой целью я создал специальную комиссию из восемнадцати экспертов по управлению государством. Я возложил на них ответственность за подготовку макетов реформ, предоставляемых на рассмотрение законодательным органам.

Затем эта комиссия была названа Комиссией Солонов. Через некоторое время она прекратила свою работу, предложив внести несколько поправок в старую конституцию и создать некоторые новые институты. Позже я использовал эти рекомендации в качестве базы. В свое время комиссия не провела четких линий, но внесла свой вклад в реформы, которые я начал позднее, чтобы увидеть, как они постепенно приобретают более четкие очертания и находят поддержку у обеих ветвей национального парламента.

Был поставлен на голосование закон, направленный против тайных сообществ; так борьба фашизма с масонством была обличена законными санкциями. Фактически в 1925 году было нелепо думать, что могут существовать сообщества, созданные для осуществления нелегальных публичных действий, вне контроля того лица, в чьих руках находилась высшая власть над общественной деятельностью, а также вне контроля всех тех, кто исполняет всяческие функции закона.

Тайное политическое общество в условиях новой, современной жизни представляет собой полный абсурд в случае, если не является прямой угрозой. Я постановил, что цели, структура, членские ряды и события, имеющие место во всех подобных организациях, должны быть известны.

Именно в это время Федерцони, бывший тогда министром внутренних дел, подготовил новый закон об общественной безопасности, получивший мое абсолютное одобрение. Затем мы вверили коммуны в распоряжение «Подесты», выводя их из ведения старых избирательных ведомств, которые больше не соответствовали ни новому времени, ни новой морали. По моему решению была учреждена и вступила в действие юрисдикция губернатора Рима, а также была начата непреклонная борьба с мафией на Сицилии, бандитами на Сардинии, а также против всех прочих, не столь широко известных, форм преступности, которые порочили целые регионы.

В феврале 1925 года я тяжело заболел. По вполне очевидным причинам и, возможно, благодаря преувеличенным опасениям, никакие точные подробности моего состояния и течения моей болезни никогда не разглашались. Я признаю, что до некоторой степени ситуация сложилась довольно мрачная. В течение сорока дней я не мог выходить из дому. Теперь мои враги возлагали огромные надежды на оживленную их страстным желанием иллюзию того, будто мой конец уже близок. Фашисты были крайне обеспокоены из-за моего молчания и циркулировавших вокруг противоречивых слухов. Никогда больше я не ощущал так остро, как в тот период, что являюсь необходимым для своих людей, моих преданных соратников, и для всего многочисленного итальянского народа. Я получал оживленные, трепетные и трогательные проявления солидарности, преданности и доброй воли. Чернорубашечники усиленно стремились повидаться со мной.

Когда, наконец, в конце марта, на шестую годовщину основания фашизма, я, выздоровевший, появился на балконе Палаццо Чиги, то увидел перед собой весь Рим. Моя худоба и бледность вызвали в массах глубокое волнение.

Я поприветствовал собравшихся во имя весны, и среди всего

сказанного мной в тот день были такие слова: «Теперь нас ждет только самое лучшее!» Эта фраза была истолкована тысячами значений и возбудила волну восторгов и одобрений.

Мудрое лечение весьма искусных врачей, таких как профессор Бастианелли и профессор Марчьяграва, полностью исцелило меня. Те ничтожные личности, которые возлагали надежды на мою болезнь, остались ни с чем. Для меня не существует ничего более ненавистного, чем надежда на то, что болезнь может положить конец вражде. Я еще никогда не чувствовал себя таким здоровым и полным сил, как сейчас. Я могу повторить то, что сказал однажды, после попытки покушения на мою жизнь: «Пули проходят, а Муссолини остается».

Следующая цепь событий, характеризовавшая мое сложное, исполненное трудностей существование, заключалась в попытках покушения на мою жизнь.

Серия этих попыток была организована Занибони. Это был самый заурядный социалист, получивший от чехословацких социалистов два чека по сто пятьдесят тысяч франков на ведение антифашистской борьбы. Вполне естественно, что наркоман Занибони истратил триста тысяч франков на то, чтобы с дьявольским усердием разрабатывать планы покушения на мою жизнь. Он избрал священный день празднования победы. Он засел в номере отеля «Драгоны», находившегося как раз напротив Палаццо Чиги, с балкона которого я по обыкновению обозревал процессии, двигавшиеся по направлению к памятнику неизвестному солдату, чтобы принести туда свои цветы, молитвы и знаки почтения.

Вооруженный австрийской винтовкой с оптическим прицелом, убийца не мог не попасть в цель. Чтобы избежать подозрений, Занибони оделся в форму майора армии и был готов совершить свое преступление уже утром. Однако его обнаружили. За ним долгое время велась слежка. Несколько днями раньше генерал Капелло со всей щедростью наделял его деньгами и советами. Массонство поставило на него свою ставку. Но благодаря оперативным действиям Занибони генерал Капелло и другие не столь глубоко замешанные в заговоре личности были арестованы за час до планируемого ими покушения.

В апреле 1926 года, когда я торжественно открыл Международный медицинский конгресс, безумная и страдающая манией величия, одержимая фанатизмом англичанка подобралась к моей машине и с близкого расстояния сделала выстрел, просвистевший прямо у меня перед носом и задевший ноздри. Разница всего в один сантиметр сделала бы его фатальным. Как я уже говорил, это была сумасшедшая истеричка, ведомая

так никогда и не установленными элементами и лицами.

Я оставил ее на волю судьбы, переправив через границу, где она могла поразмыслить над своим провалом и собственной глупостью.

Почти сразу после этого происшествия, еще до того, как с носа сняли повязку, я выступал на собрании государственных служащих со всех концов Италии. Я почувствовал желание сказать: «Если я пойду вперед, идите за мной; если я поверну назад, убейте меня; если я умру, отомстите за меня!»

Следующей попыткой, которая могла бы иметь плачевные результаты, стало покушение анархиста по имени Люцетти, который возвратился из Франции, переполняемый ненавистью и злобой к фашизму и ко мне. Он подждал меня на широкой и хорошо освещенной Виа Номентана, напротив Порто Пиа. Он мог спокойно обдумать свое преступление. Люцетти находился в Риме восемь дней, и вместе с ним были мощные взрывные устройства. Он узнал мою машину, в то время как я ехал к Палаццо Чиги, и, увидев ее, сразу же запустил в меня свой дьявольский механизм, который ударился об угол машины и отскочил назад, взорвавшись после того, как я проехал. Я не был ранен, но пострадали и попали в больницу невинные люди.

После ареста этот жалкий человек мог оправдать свой безумный поступок лишь ненавистью к фашизму. Я не придавал слишком большого значения этому эпизоду. Опаздывая на встречу с английским послом, я отправился прямо в Палаццо Чиги, и беседа с иностранным дипломатом проходила вполне спокойно, пока нас не прервал гул многочисленной народной демонстрации. Только тогда слегка пораженный английский посол узнал о попытке покушения на мою жизнь. Последнее покушение было совершено 31 октября 1926 года. Это случилось в Болонье после того, как я прожил день, полный жизни, гордости и энтузиазма.

В то время, когда все население города выстроилось в ряд, чтобы приветствовать меня, молодой анархист, науськиваемый таинственными заговорщиками, пробрался вперед и выстрелил по моей машине. Я сидел рядом с «Подестой» Болоньи Арпинати. Пуля прожгла мое пальто, но снова обошлось без серьезных последствий. Между тем сдержать толпу, охваченную бурей безудержного гнева, было невозможно. Она воздала этому человеку по справедливости.

Другие попытки также были тщетны. Теперь раздражение перешло всяческие границы. Я понял, что пришло время положить конец мрачным играм моих противников. Тайные сообщества, оппозиционная печать, а также предательские и лживые политические группировки преследовали

единственную цель: поразить вождя фашизма для того, чтобы нанести меткий удар по нему самому. Они были уверены, что господствующее над Италией движение всецело зависит от одного центрального элемента, одного имени, единственного человека. Все мои противники, от самых омерзительных до наиболее интеллигентных, от самых коварных до наиболее фанатичных, думали, что единственно верной возможностью уничтожить фашизм было уничтожить его лидера. Сами люди понимали это и требовали для преступников сурового наказания. Разгневанные фашисты желали выступить с предупреждением для всех тех, кто замыслил тайные заговоры.

Было абсолютно необходимо прибегнуть к силовой политике. Я возглавил Министерство внутренних дел и выпустил законы по защите режима, призванные составить единую существенную основу для новой, унифицированной национальной жизни.

Я упразднил органы подрывной печати, единственной функцией которых было воспламенять человеческие умы. Провинциальные комиссии налагали ограничения на профессиональных вредителей. Ни дня не проходило без того, чтобы мы не давали итальянцам понять, как много добра принесли данные меры, направленные против сил дезинтеграции, хаоса и предательства.

В заключение хотелось бы отметить, что силовая политика действительно достигла заметных результатов. Каждый день страна в полной мере ощущала отождествление фашизма с насущной силой нации. Никто в Италии не подвергался остракизму; каждому было позволено жить при определенном режиме законности. Теперь многие представители старых противоборствующих сил понимали, каким преимуществом может быть четко отрегулированная жизнь не только для одного класса, но для всего итальянского народа. Не так много тех, кто еще находится в заключении, и также малочисленны те, кто намеревается упорствовать в неповиновении. Как министр внутренних дел, я выпустил от 6 января 1927 года циркуляр, в котором доводил до сведения префектов их обязанности в отношении населения.

Новое чувство справедливости, серьезных целей, согласия и гармонии теперь повелевает судьбами всех граждан и классов Италии. Уже нет места ни раздражению, ни насилию, но присутствует экзальтация по поводу того, что есть добро, и экзальтация относительно добродетелей героизма. В каждом из классов, среди всех граждан не предпринимается ничего, противоречащего государству, не делается ничего вне его интересов.

У многих наконец-то открылись глаза на ясную и суровую истину;

итальянцы почувствовали себя единым братством в великом деле по установлению справедливости. Чувство долга, необходимость действия, образ гражданской жизни определяют сейчас глубокое и значительное пробуждение. Прежние партии окончательно мертвы. В фашизме политика тесно переплетается с моралью повседневной реальности — это вера. Это одна из тех духовных сил, которые вносят свежую струю в историю великих и мужественных народов.

Глава XI

Новые пути

Когда следишь за возведением новых строений, когда отбойные молоты и бетономешалки ударяют и вращаются, то не лучшее время спрашивать у суперинтенданта его мнение по поводу пьес Бернарда Шоу или ожидать, что архитектор станет последовательно высказываться о своих предпочтениях в выборе между горами и морским побережьем в качестве мест летнего отдыха.

Абсурдно даже предположить, что я и моя жизнь могут быть отделены от того, что я делал и делаю. Нельзя разделять создание фашистского государства и преодоление бесплодных попыток, длящихся от рассвета до глубокой темени ночи с ее обещанием нового рассвета, стремящегося к новым свершениям. Я вплеся в эту ткань. Она и я составляем единое целое. Другие люди могут находить романтику в трепете листьев на ветвях; что касается меня, каким бы я ни был, судьба и я сам сделали из меня того, чьи глаза, слух, все чувства и мысли, все время и вся энергия должны быть сосредоточены на стволе дерева общественной жизни.

Поэзия моей жизни превратилась в поэзию созидания. Романтикой моего существования стали меры и средства, политика и будущее государства. Они для меня сродни истинной драме.

Итак, если я оглянусь на те почти шесть лет моего правления, то увижу решение проблем, каждая из которых составляет не только главу в моей жизни, но и в жизни моей страны. Короткую или длинную, простую или сложную главу в истории прогресса, экспериментирования и изысканий в области развития человечества.

Меня не слишком волнует то, что я могу быть неправильно понятым. Более или менее обыденным остается то, что тайные сообщества продолжают ошибочно истолковывать и, по сути, полностью исказить все проделанное мной и мотивы, побудившие меня сделать это. Кроме того, я слишком занятый человек, чтобы прислушиваться к ропоту лжецов.

Тот, кто оглядывается на отстающих и на обманщиков, расходует свое время зря. Именно поэтому я не могу описывать свою обыденную жизнь, свою деятельную жизнь, свою мыслительную жизнь и даже присущую мне одному эмоциональную жизнь, не касаясь тех шагов, которые я предпринял для обновления Италии и нахождения для нее нового места в

общих пределах цивилизации. Поэтому я одно за одним вызываю в памяти воспоминания о своих недавних сражениях за те меры, которые убеждают людей, за политику, которая хоронит под их непритязательностью и значимостью все то другое, что я мог бы пережить.

Два направления моей воли и деятельности, моих мыслей и заключений выходят на передний план, в то время как я пишу это и вспоминаю свою жизнь.

Я размышляю о каждом из них, не выходя за рамки крайней простоты, лишенной сложных, вычурных фраз. Я уже сталкивался с тщетностью усилий тех, кто бесконечно изливает на слушателей целые потоки разнообразных слов. Эти слова подобны армиям, обреченным вечно скитаться во тьме и никогда не вернуться из военного похода, противниками в котором выступают принципиальный компромисс и также трусость, пассивность и идеализм, лишенный реализма.

Несомненно, существуют те, кто считает меня или когда-то считал врагом мирового спокойствия и порядка. Убеждать их в чем-то бесполезно, прежде чем порекомендовать более внимательно прочесть мою автобиографию. Документальные данные и факты стоят большего, нежели обвинения глупцов.

Прежде всего, я хотел полностью обновить и перестроить внешнюю политику Италии. Не стоит забывать о том, что я всегда полностью осознавал исторические, экономические и моральные возможности своей страны в ее отношении к внешнему миру. Подобная инновация, подобная перемена политического курса была абсолютно нова для Италии. Нам было предназначено встретиться с серьезными предрассудками и недоразумениями, прежде чем подобный курс будет полностью осознан и одобрен не только итальянцами, но и теми, кто ответственен за внешнюю политику других наций.

Я был абсолютно уверен в том, что новый дух, присущий новой простоте и достоинству, определенный мной для управления всеми значительными и более мелкими действиями моего правительства, должен создать желаемое впечатление, дабы покончить с прежними международными политическими традициями, организациями, существующими альянсами и статус-кво.

Как я ошибался! Занять твердые позиции вовсе не означает проводить коренную ломку направления международных отношений. Требование более высокой оценки Италии в соответствии с верным восприятием ее возможностей как могущественной и богатой нации сводилось лишь к пересмотру наших правовых позиций.

Моей задачей было открыть глаза ответственных элементов в различных европейских правительствах и канцлерствах. Они продолжали весьма недальновидно полагать, что Италия находится в том же нестабильном состоянии, что и после войны.

Заставить их прозреть, иногда при помощи чересчур решительных средств привлечения внимания, было не всегда легко. Я провел месяцы и даже годы в попытках довести до понимания иностранных держав, что внешняя политика Италии не содержит никаких подвохов. Она всегда была строго определенной и не отклонялась от прямого пути. Она всегда оставалась бдительной. Она основывалась на тщательной и трезвой оценке реальных фактов и в равной степени требовала от других признания этих фактов. Вполне естественно, что подобное понимание позволило Италии подняться гораздо выше за горизонт извечного истока новых мировых событий.

Касающаяся вопросов внешней политики речь, произнесенная мной в сенате весной 1928 года, целиком осветила нашу национальную и международную ситуацию, а также ту роль, которую Италия сыграла во множестве незначительных или великих событий мировой жизни. Она давала ясное представление о проделанной мной работе. Она суммировала реальный успех, достигнутый моим правительством. Она давала понять, что мы вполне обоснованно настаиваем на новой оценке роли Италии в современном мире.

Но прежде чем был достигнут этот осязаемый и фактический результат, не стоит верить в то, что шаги, предпринятые на этом пути, были обыденными и простыми. Мне было достаточно хорошо известно, что многие станут смотреть на Рим с подозрением, как будто он является не чем иным, как безответственным сосредоточением напряженности. Враги нашей страны и фашизма любыми путями стремятся использовать свое влияние для того, чтобы при помощи недобросовестности, изоощренных трактовок и ложных сообщений усилить все те ошибочные представления о том внешнеполитическом курсе, который я стремлюсь воплотить в жизнь.

Но истина обычно стоит за любой простой и ясной политикой и возвышается над ошибками и отклонениями, традиционной ментальностью, духом приспособленчества, а также лживыми заверениями прошедших дней.

В мире не существует ни единой страны, в которой внешняя политика, даже тщательно выверенная и одобренная нацией, не являлась бы предметом внутренних атак, базирующихся на невежестве и

недобросовестности. Следовательно, для меня не стало сюрпризом, что даже после того, как внутренняя политическая ситуация стабилизировалась и были намечены основные пути внешней и внутренней политики Италии, существовали те, кто обратился к оскорбительной критике.

Одним из них был граф Сфорца, который в октябре 1922 года находился в Париже в качестве посла Италии.

Этот человек, остававшийся столь же безответственным и велеречивым на посту министра во всех предыдущих правительствах, был настоящей помехой для страны. Его имя ассоциировалось с Адриатическим конфликтом, унижительным для нашей нации. Этот бывший министр, дилетант во всем, что касалось любых осложнений во внешнеполитической ситуации, проявил себя настолько несостоятельным, что не мог прочувствовать всей деликатности собственного положения в Париже. В то время как в Италии назревали события исторического характера, ностальгия по утраченной власти сделала Сфорца никудышным защитником интересов страны. Он даже дошел до того, что, находясь во французской столице, стремился создавать дополнительные трудности для фашистского правительства. Уже существующие политические группировки с предубеждением, если не с враждебностью, относились к любым проявлениям новой солидарности в Италии.

Граф Сфорца сразу же начал открыто критиковать мои декларации относительно внешней и внутренней политики, мой политический метод, а также мою концепцию фашистской Италии. Я послал ему телеграмму, в которой говорилось следующее:

«Я должен расценивать как не слишком дружественный и довольно неловкий поступок Ваше решение о подаче в отставку, прежде чем до вашего сведения будут официально доведены мои распоряжения относительно внешней политики, которые я собирался обнародовать в парламенте. И эти распоряжения не будут всего лишь совокупностью противоречивых эмоций, как вы могли ошибочно подумать. Сейчас я уже официально прошу Вас оставаться на своем посту и не создавать дальнейших трудностей для правительства. В данный момент оно представляет собой высочайшее выражение совести нации. Я жду от Вас ответной телеграммы и оставляю в силе свое последнее решение относительно Вас».

Граф Сфорца дал крайне уклончивый ответ на эту телеграмму. Поэтому я вызвал его в Рим и после определенных объяснений, обнаруживших полный антагонизм наших понятий, я освободил его от занимаемой должности и сместил его с поста. Это было время, когда центральная

власть не должна была более опускаться до полемики с теми, кто занимал подчиненное положение. Итальянская политическая жизнь нуждалась в руководстве, организации и дисциплине. Наши зарубежные представители иногда обнаруживали холодное, изолированное, автономное существование, слишком далекое от их первичного долга перед родной страной.

Этот первый мой силовой жест стал откровенным сигналом; он, несомненно, служил сигналом и предупреждением для всех прочих дипломатических представителей нашей страны, которые при помощи субъективного поведения старались поставить себя вне высшей государственной власти.

Закрыв эту брешь нашей дипломатии, я направил всю свою энергию на разрешение тех политических проблем, которые стали бы определяющими для нашего будущего. Я оказался лицом к лицу с ситуацией уже искаженной и ущербной благодаря грубым ошибкам предыдущих правительств. Я обнаружил ряд мирных договоров, которые в некоторых отношениях хоть и полны недостатков, все-таки в целом составляют неизбежный факт, нуждающийся в непосредственной доработке.

Все еще саднящей и открытой раной для Италии оставался мирный договор Рапалло с Югославией. Я хотел исцелить ее. Используя деликатную почву договоров, я пояснил свои позиции и высказал предложения в речи по вопросу внешней политики, зачитанной в палате 16 ноября 1922 года. Я сказал тогда, как, впрочем, говорил постоянно, что «соглашения, независимо от того, хороши они или плохи, должны доводиться до конца. У уважающей себя нации не должно быть иной программы. Но договора не являются ни вечными, ни неизменными. Они всего лишь главы истории, а не ее эпилоги». Говоря о внешней политике в отношении различных властных структур, я суммировал свои мысли в следующем высказывании: «Мы не можем позволить себе ни планов безумного альтруизма, ни таких, которые станут полностью ниспровергать планы других народов. В наши планы должна входить политика автономии. И они должны быть твердыми и непоколебимыми».

В ноябре 1922 года я встречался в Лозанне с французским министром Поинкаром и британским министром Керзоном. Будем говорить, что тогда, во время моего первого персонального контакта с представителями Антанты, мне удалось восстановить наше равенство. Состоялось несколько прямых и недвусмысленных бесед, некоторые из которых приобрели достаточно оживленный характер!

Наконец-то и для Италии, с ее репутацией жертвы и бременем ее

истории, пришло время на равных правах вступить в дискуссии международного характера бок о бок с Англией и Францией.

Во время моего короткого пребывания в Лозанне я также встречался с министром иностранных дел Румынии и мистером Ричардом Уошбурном Чайлдом, послом Соединенных Штатов Америки в Риме, возглавлявшим американскую делегацию на конференции. Я также исключил вопрос о Додеканес.

Результаты моей поездки в Швейцарию были следующими.

Во-первых, мы довели до сведения зарубежных дипломатов новый престиж Италии.

Во-вторых, мы показали примеры нового внешнеполитического стиля в момент установления прямого контакта между мной и ведущими дипломатами мира.

В декабре того же года я выступил перед Советом Министров с новыми важными декларациями, касающимися нашей внешней политики. Я снова подверг рассмотрению договор Рапалло. Затем я предложил решение проблем Фьюме и Далмации, стараясь приспособить его к ситуации, порожденной прежними договорами, доставшимися мне в наследство. Я во второй раз встретился с лордом Керзоном, после чего отправился в Лондон, где провел несколько дней. По этому случаю мне оказали самый теплый и радушный прием, и я обнаружил, что политический мир Британии прислушивается ко мне с уважением.

К тому же на карту все еще был поставлен вопрос о долгах Антанты. Я обсуждал его с мистером Чайлдом и британским послом в Риме. То, что я располагал планом, о котором собирался заявить без лишних колебаний, стало одним из наиболее действенных моментов в решении этой проблемы. Мой план возбудил определенный интерес среди Антанты, но некоторые расхождения второстепенного характера, а особенно решение Франции об оккупации Рура, не позволили осуществиться тому, что, на мой взгляд, являлось наиболее логичным решением проблемы долга наряду с вопросом о репарациях Германии. То было решение, которое могло помочь осуществиться быстрой и действенной реконструкцией мировой экономики.

В том, что касается внешней политики, я всегда учитывал экономический аспект международных проблем. Именно поэтому в 1923 году я заключил с некоторыми государствами ряд коммерческих договоров с политическим контекстом. Меня забавляет, когда меня называют антипацифистом в свете всего того богатого перечня заключенных мной договоров о мире и справедливом международном сотрудничестве.

Данные коммерческие договора были как нельзя кстати для

стабилизации нашей экономической позиции. В феврале 1923 года я подписал Итало-Швейцарский договор, заключенный в Цюрихе, а также ратифицировал Вашингтонский договор об ограничении морских вооружений. Другие коммерческие договора были заключены с Чехословакией, Польней, Испанией и в заключение с Францией. Я также предпринял первые шаги к возобновлению коммерческих отношений с Советской Россией.

Наша репутация в сфере международных отношений обнаруживала неусыпное стремление к налаживанию мирных и дружеских связей. Как можно более миролюбивых и дружеских. Наша автономия пока не принесла плодов, и тем более мы не собирались позволять использовать свою силу в качестве залога другими нациями. Мы идеалисты в том смысле, что стремимся заключать и поддерживать мир, возводя и упрочивая кирпич за кирпичом, камень за камнем структуру мирного существования, основанного скорее на реальности, нежели на мечтаниях и иллюзорных планах. Я настаивал на том, чтобы быть сильными, но боролся за то, чтобы стать великодушными.

Для установления прочных внешнеполитических связей миру требуется некоторая доля чистящих веществ для его дипломатических механизмов, которые уже устарели, слишком многочисленны и бюрократичны, а также преисполнены ничтожных и мелочных замыслов приобрести место и повышение.

Затем, в процессе реорганизации наших консульств, я начал сокращение зарубежных функционеров. Эта работа была продолжительной и масштабной, поскольку требовалось перестроить наш старый консульский аппарат. Обновление, такое же сложное как сами его проблемы, было осуществлено с непоколебимой настойчивостью.

В разгар решения этой сложной внешнеполитической и бюрократической проблемы, а также в ходе изучения возможных вариантов разрешения Адриатического конфликта пришло сообщение о том, что представители итальянской военной миссии в Албании были предательски окружены в пути и все до единого вырезаны приграничными бандитами. Это трагическое происшествие стоило жизни таким смелым и мужественным людям, как генерал Энрико Теллини, сержант-майор Луиджи Корте, лейтенант артиллерии Марио Боначини и солдат Фарнети. Итальянская военная миссия находилась в Албании наряду с другими иностранными миссиями со своей строго определенной целью, обозначенной заключенными международными соглашениями. Подобное оскорбление Италии и самого ее имени больно ударило по чувству

собственного достоинства страны. История приводит нам и другие примеры подобных незаконных действий и указывает на общепринятые стандарты. Я сам сделался вездесущим выразителем праведного гнева итальянцев и поэтому сразу же направил ультиматум Греции.

Я потребовал извинений. Я потребовал компенсации в размере пятидесяти миллионов лир.

Греция осталась равнодушной к нашим требованиям. Ответом на мою просьбу были отговорки и извинения. Греция пыталась найти союзников, которые могли бы помочь ей обойти мои требования. Я не собирался играть в эти грязные игры. Без колебаний я направил несколько флагманов нашей военно-морской эскадры к берегам греческого острова Корфу. Итальянские морские пехотинцы высадились на берег. В то же самое время я послал ноту властям. Лига Наций объявила себя некомпетентной в вопросах оценки и урегулирования данного конфликта. Я продолжил оккупацию Корфы, ясно дав понять, что Италия выйдет из Лиги, если не дожидается от нее удовлетворительных действий. Это не было простой угрозой на словах, поскольку касалось жизней итальянских офицеров и солдат. Невозможно было поверить в то, что я позволю перевернуть эту трагическую страницу, отделавшись всего лишь некоторыми бюрократическими уступками.

В том, что касалось той возмутительной трагедии и удовлетворения наших требований, было предостаточно искажений и бессмыслица, так что я могу с полной уверенностью привести самые простые факты, которые сможет понять и осмыслить любой школьник.

Когда дело было передано на рассмотрение Конференции послов, как и ожидалось, вопрос получил разрешение в пользу итальянской стороны.

Греция удовлетворила все мои требования. Компенсация была выплачена. Я предложил отдать десять миллионов из этой суммы на нужды греческих беженцев. Таким образом, добившись полного удовлетворения своих требований, я отозвал эскадрон с Корфы. Книга была закрыта.

Но тот месяц на самом деле был полон трагических событий. Новый внешнеполитический курс фашистского правительства удовлетворял чувствам большинства итальянцев, но следовало признать, что он больно задевал зарубежных деятелей, которые видели в моей внешней политике нечто из ряда вон выходящее, волнующее многих и мешающее осуществлению планов, противоречащих интересам Италии. Но ничто не могло заставить меня отклониться от курса. Я выступил перед Сенатом с важными заявлениями, касающимися как греческого инцидента, так и

вопроса Фьюме. Я сказал тогда, что наиболее болезненным наследием нашей прежней внешней политики был Фьюме, однако я буду стремиться к тому, чтобы с наименьшими возможными потерями договориться с Югославией о решении той самой тяжелой Адриатической проблемы, унаследованной нами в виде последствий договора в Рапалло.

Сенат одобрил мою политику и мои намерения.

В январе 1924 года я, наконец-то, получил возможность заключить с величайшим государственным деятелем Сербии Пасиком и югославским министром Нинчичем новый договор между Италией и ее соседом. Результатом этого договора стала передача Фьюме Италии. Другие шаги, предпринятые в 1925 году, привели к подписанию Неттунских конвенций, которые регламентировали все особенности мирных соседских отношений между двумя государствами. Югославии оставалось лишь ратифицировать их.

Под конец данной широкомасштабной дипломатической работы мы окончательно утратили Далмацию, а также города, священные для Италии своей историей и самой душой живущего в них населения. Все это обеспечил нам Лондонский пакт. Не было возможности принять никакого лучшего решения, чем то, которое было принято на основании того чувства доброй воли и всех стараний, приложенных мной, Пасиком и Нинчичем во время переговоров.

И хотя ратификация Неттунских конвенций Югославией все еще откладывается, наши границы четко обозначены и хорошо охраняются. Югославия может проявить благожелательность со своей стороны, но в любом случае теперь мы можем спокойно смотреть в глаза нашего беспокойного соседа.

Внешнеполитическая программа 1924 года получила в Сенате триста пятьдесят голосов в свою поддержку против шести несогласных и двадцати шести воздержавшихся. В декабре того же года я встречался с Чемберленом, новым министром иностранных дел Великобритании. Во всем многообразии международных событий я всегда находил в нем друга Италии и ее граждан.

В 1925 году я вынужден был вступить в оживленные баталии с правительством Афганистана. В столице этой далекой страны один из наших соотечественников инженер Пиперно, который отправился туда работать и учиться, был убит вследствие определенных событий международного характера. Афганское правительство отказалось выплачивать денежную компенсацию семье Пиперно. Я вынужден был послать им нечто вроде официального требования. И хотя это определенно

была претензия на удовлетворение требований, я не стал отказываться от возобновления добрых дружественных отношений с далекой страной, и действительно через некоторое время правителю Афганистана был оказан в Риме самый что ни на есть теплый и радушный прием.

Тучи сгущались и рассеивались, а на их место на нашем небосклоне приходили все новые. Одной из таких новых туч стала анти-итальянская пропаганда, осуществляемая немцами в приграничных восточных регионах. В феврале 1926 года, когда фашистская политика добилась того, чтобы ее справедливость, силу и вес ощутило смешанное население зоны Верхнего Адига, я должен был откровенно высказаться касательно проблемы наших отношений с теми немцами, что находились за перевалом Бреннера. Я выступил с двумя прямолинейными и откровенными речами, которые потрясли многих нерешительных и робких интриганов или излишне сентиментальных личностей. Подобное поведение не было в ходу в школе силы и мужества. По этому случаю я сместил еще одного посла, Босдари, который в самой гуще столь же существенных событий, как нынешние, имеющие самую тесную связь с отношениями между итальянцами и немцами, не был способен на поступки, которых можно было ожидать от посла такой державы, как Италия.

Откровенная речь, которую я произнес по этому поводу, была частью той самой материи, которую я при сходных обстоятельствах использовал против политики премьер-министра Австрии Сейпеля, и, несомненно, прояснила наши отношения с немецким населением за рубежом.

Однако вопрос Верхнего Адига также соответствовал широкому спектру наших взаимоотношений с другими нациями. Он был поднят как раз в то время, когда у меня состоялся ряд серьезных встреч с министрами иностранных дел Болгарии, Польни, Греции, Турции и Румынии.

Тогда благодаря подобному насыщенному политическому ритму Рим с каждым днем все больше превращался в центр притяжения для важнейшего политического взаимодействия и обмена. Лояльный характер моей внешней политики, поддерживаемой и одобряемой всеми итальянцами, придал Италии большой вес в глазах других наций. Политика лояльности является тем фактором, который достигает наибольшего успеха. Моему характеру не присущи двусмысленность и неопределенность, и, следовательно, они далеки от моих политических методов. Я чувствую, что могу говорить с уверенностью и достоинством, поскольку за мной стоят люди, которые, исполнив свой долг, теперь обладают священными правами, стоящими того, чтобы их защищать, и имеющими право требовать к себе уважения.

Я отправил послания, проникнутые духом братства и веры, всем итальянцам, живущим за пределами страны; я не называю их эмигрантами, поскольку в прошлом это слово имело унижительное значение и до некоторой степени представлялось низводящим всех этих мужчин и женщин в более низкую категорию. Я рад заявить о том, что мог теперь защитить своих соотечественников, не задевая чувств других людей. Эта защита основывается на международном законодательстве и здравом смысле во всех взаимоотношениях между нациями.

Со своей стороны Италия выказывала высочайшее гостеприимство по отношению к тем, кто желал посетить нашу страну в деловых или религиозных целях, ради удовольствия или из чистого любопытства. Я учил итальянцев проявлять должное уважение к иностранным представителям в нашей стране; фактически считалось недопустимым, чтобы в дипломатические дискуссии вмешивались и вредили им гневные народные демонстрации, направленные против послов и консулов. Подобные беспорядки принадлежали прежним демократическим обычаям, которые фашизм, естественно, перерос. В государственных делах Италии присутствовали некоторые деликатные моменты, в ходе которых с легкостью мог быть проявлен протест и недовольство. Я всегда удерживал эти акции протеста в рамках фашистского достоинства, хотя часто о них с чрезмерным преувеличением отзывались в зарубежной прессе. Все это далеко не обыденное дело даже для того, кто взял на себя задачу обеспечить итальянцам порядок и дисциплину.

Направляемая мной внешняя политика Италии была проста, доступна и базировалась на таких основных пунктах:

Во-первых, это была миролюбивая политика. Она опиралась не только на слова, жесты и обычные соглашения на бумаге, но проистекала из повысившегося национального престижа и из всей цепочки договоров и соглашений, укрепляющих гармонию между людьми.

Во-вторых, я не вступал ни в какие особые альянсы с великими державами. Напротив, я заключил ряд договоров, обнаруживших отчетливое и решительное стремление обеспечить Италии процветание ее отношений с другими нациями, особенно с обладающими большим историческим значением, такими как Англия.

Также мне удалось заключить целый ряд соглашений с второстепенными государствами таким образом, чтобы итальянское влияние распространилось и на общемировой прогресс. Албания — это одно, Венгрия и Турция — совсем другое. Чтобы обеспечить спокойствие и гармонию в Средиземноморском регионе, я подписал соглашение с

Испанией. Дабы упрочить и расширить развитие нашей промышленности и внешней торговли, я возобновил независимые коммерческие отношения с Россией.

На самом деле глупцы те, кто не видит, что я занял невозмутимую и почтительную, а вовсе не смиренную позицию. Лига наций и некоторые дипломатические представительства, воодушевленные Локарнским договором, являются тому свидетелями. Я принимал решения после взвешенных обсуждений и благодаря своим четко обоснованным убеждениям касательно пактов о разоружении всегда подмечал в них несоответствия.

Я усовершенствовал и дополнил организацию консульств, поместив в нее ряд новых людей, рожденных и выросших на идеях фашизма. Они пережили все тяготы войны и трудности, сопровождавшие возрождение страны. В то же время я не без успеха распространял фашизм и на территории наших колоний, желая повысить требовавшие дополнительной дисциплины стандарты и гарантировать полную гармонию всем начинаниям Италии. С этих пор все подобные задачи должны быть сконцентрированы в руках представителей нашего политического курса.

Ощущение новой жизни и чувство гордости переполняли не только жителей Италии, но и всех наших соотечественников, разбросанных по всему миру. Теперь Италия добилась уважения тех наций, которые двигали и проводили в жизнь мировую политику.

Моя колониальная политика была во многом близка внешней политике. Даже если принимать во внимание достоинства наших колониальных народов, а также не упускать из виду тот прекрасный человеческий материал, на котором зиждется развитие целых регионов Африки и Америки в довоенный и послевоенный периоды, мы не сможем полностью осознать всех потенциальных возможностей нашей колониальной программы. Мы не смогли привести ее в действие и добиться высокой продуктивности.

Мы пропустили тогда ту законную сатисфакцию, которая причиталась нам по праву и исходя из долга, исполненного во время войны и по ее окончании.

Колониальное развитие не должно было становиться всего лишь логическим последствием демографических проблем, но обязано было обеспечить формулу для стабилизации экономической ситуации. Даже теперь, через десять лет после окончания войны, эта проблема все еще не обрела своего окончательного разрешения. Наши колонии малочисленны и не все из них подлежат всесторонней перестройке. Эритрея, первая из

наших колоний, не подверглась никаким изменениям. Вследствие дипломатического соглашения Сомали пополнило собой британскую Гьюбу.

Позднее, благодаря дальновидной политике губернатора де Веччи, мы восстановили порядок на всей территории Сомали, и значительный итальянский капитал влился в эту колонию, чтобы использоваться для конкретных целей и обеспечивать работу для итальянских трудящихся. Ливийская колония, включавшая Киренайчу и Триполитанию, в ходе войны свелась к оккупации прибрежных районов и нескольких главных городов. Благодаря самоуверенности местных властей фашизм и здесь столкнулся с тяжелыми условиями. Но и это было улажено. Наша политика военной оккупации и, разумеется, экономического вмешательства принесла нам полное и безоговорочное господство над Киренайчей до самого Гирабаба и Триполитанией до границы, признанной договорами международного значения.

Процесс возрождения обеих колоний происходит с чрезвычайным пылом. Триполи превратился в один из прекраснейших городов Средиземноморья. Решением Медицинского конгресса ему было присвоено звание курортного. Мы провели воду в город и обнаружили запасы воды в высокогорьях для ирригации. Я посетил регион Триполи с визитом, и это вселило в меня уверенность во всех тех возможностях к усовершенствованию, которые могут распространиться и на всю территорию колонии. В Гариане существуют такие районы, которые могут соперничать в производительности и плодородии с наилучшими провинциями южной Италии. То же самое можно сказать и о высокогорных равнинах Киренайчи. В этом последнем регионе я упразднил весьма любопытную форму парламентской власти, порожденную слабостью нашего прежнего правительства. Теперь губернаторы располагают полным влиянием и несут абсолютную ответственность за благосостояние местных жителей и итальянцев. В этих регионах царит мир и спокойствие. Туда продолжается приток иммигрантов, капитала и рабочей силы.

Но сами по себе эти две колонии не могут решить наших демографических проблем. Отметьте это для себя. Но с помощью доброй воли и типичных колонизаторских качеств итальянцев мы можем придать ценность этим двум регионам, которыми когда-то владел Рим и которые должны дорасти до величия своего прошлого, а также внести свой вклад в новые и далеко идущие возможности нашего общего экономического прогресса.

Я вложил дни и даже некоторые бессонные ночи в труд по восстановлению миролюбивой позиции Италии в глазах мира, а также в продиктованную долгом проблему развития каждой из потенциальных возможностей колоний, которые могут помочь разрешению демографических проблем. Но было бы абсурдом предполагать, что жизнь была настолько милостива ко мне, что предоставила возможность остановиться лишь на международных и колониальных вопросах.

Позвольте привлечь ваше внимание к сложившейся в стране удивительной и полной драматизма финансовой ситуации.

За шесть месяцев до марша на Рим лидер либеральной фракции парламента Пеано определил дефицит нашего бюджета цифрой, превышающей шесть миллиардов!

Даже согласно заявлениям наших оппонентов, финансовая ситуация тогда была отчаянно серьезной. Я осознавал, какое тяжелое наследство досталось мне. Оно пришло ко мне в качестве наследия из ошибок и слабостей моих предшественников. В сущности, я понимал, что с такой серьезной пробоиной в борту флагмана государства никакое великое плавание к берегам прогресса станет невозможным. В то время финансы представляли собой одну из наиболее деликатных и насущных проблем, которые мне предстояло решить, если я хотел восстановить и повысить доверие к нам как дома, так и за рубежом.

Существовало множество обязательных и не срочных требований; необходимость обратила печатные станки на выпуск бумажных денег во все возрастающем количестве, что постепенно понижало стоимость итальянской валюты. Мы следовали безответственной и велеречивой политике, которая принесла с собой новые сложности. Это влияло не только на устойчивость бюджета, но и подрывало все основы нашей экономической жизни, а также всей мощи государства.

Я вынужден был нанести ощутимый удар по бесполезным расходам, а также по тем, которые влекли за собой чрезмерные казенные издержки. Я должен был вычислять уклоняющихся от уплаты налогов. Я был вынужден установить строжайшую экономию в каждом из отделений государственной администрации. Я должен был прекратить бесконечный прирост количества служащих. Более того, я оказался лицом к лицу с гарантиями исполнения долговых обязательств перед иностранными государствами. Даже несмотря на всю ограниченность наших ресурсов, этот высший акт благоразумия и честности должен был быть исполнен.

Само собой разумеется, что для государств, как и для отдельных граждан, непременным условием является своевременная выплата уже

подписанного и установленного долга, и нерушимая вера должна сопутствовать выполнению данных обязательств.

Для такой работы я избрал человека способного, назначив на пост министра финансов достойного Де Стефани, фашиста и обладателя степени доктора по политэкономии. Он смог сократить расходы, приостановить злоупотребления и создать новые источники государственных доходов и налоговой сферы; таким образом, бюджет был практически сбалансирован за два года.

Я упразднил все экономические организации, оставшиеся в наследство от военного времени; я сократил бесполезный бюрократический аппарат новых провинций, все еще обремененных долгами и контрибуциями военных времен. Я уладил все эти проблемы выпуском облигаций, подписанных в рекордные сроки.

До введения политики суровой экономии я желал полностью воздать должное ветеранам войны. Я с особыми привилегиями и без оглядки на экономию исполнил все принятые государством обязательства в их пользу, а также в пользу вдов и сирот, оставшихся после тех, кто погиб на войне. После того, как таким образом была исправлена жестокая несправедливость и исполнен долг перед теми, которые отдали свою жизнь и проливали свою кровь ради свободы страны, мне стало легче нанести удар по некоторым разновидностям чрезмерного и внезапного богатства, добытого за счет военной наживы. Без сомнения, я проявил в этом вопросе крайнюю суровость. Но почему бы и нет? Подобные незаслуженные привилегии толстосумов являлись прямым оскорблением для тех, кто пострадал в результате войны, испытал не только лишения или смерть, но также пережив потерю капитала или собственности.

Стремясь к ликвидации всего того, что бременем ложилось на экономику и финансы государства, я старался в наивысшей степени оказывать поддержку частному производству. Я должен был с уважением относиться к честно приобретенному капиталу, а также донести до всех не только экономическую, но и нравственную ценность капитала, передаваемого поколениями одной семьи. Благодаря этому, хотя и на фоне проведения важнейшей налоговой реформы, я восстановил многие из основополагающих прав, например, такое, как право преемственности.

Я ясно дал понять, что ни за что не подвергну наследственную собственность обложению налогом, поскольку это будет носить практически тот же характер, что и социалистическая экспроприация. Вмешательство в законы преемственности нанесет удар по институту семьи. Сначала мое решение вызвало споры, но, в конце концов, было

понято и принято народом.

Кто знает лучше меня, что проявленная итальянским народом дисциплинированность была достойна не только моего восхищения, но и уважения всего остального мира. Наша страна не располагает большими запасами природных ресурсов. Тем не менее, наши граждане с такой основательностью покорились условиям налогового давления, что уже к концу 1924 года министр Де Стефани не только смог констатировать перед палатой выравнивание нашего бюджета, но также предусмотреть излишек в сумме ста семидесяти миллионов лир на 1925–1926 финансовый год.

Я считаю краеугольным камнем любой правительственной политики разумную и твердую финансовую политику. И теперь, поддерживаемая уравнивающей бюджетом, данная политика стала совершившимся фактом. Благодаря умелому руководству и спокойному терпению итальянских налогоплательщиков государство смогло достойно исполнить все свои обязательства, ликвидировать все свои задолженности и уже в 1925–1926 годах обсуждать с Вашингтоном и Лондоном животрепещущие проблемы военного долга.

Мы смогли найти выход из затруднительного положения.

Мы не собирались ограничиваться центральным правительством. Государство, теперь уверенное в собственных силах, финансово реорганизованное, было способно силой собственного примера предоставить четкую схему для восстановления здоровой финансовой ситуации в автономных единицах коммун и провинций. Но даже этого было недостаточно; мы должны были подвергнуть переоценке финансовую ситуацию, сложившуюся во множестве корпораций и в промышленном комплексе. В целом сюда входили все те предприятия, акции которых котировались на фондовой бирже.

С помощью одного из тех явлений национальной и международной спекуляции, которые нередки в современной жизни, подавляющее большинство наших промышленных акций и даже некоторая часть правительственных облигаций возросли в цене до гигантских и просто невообразимых масштабов, если учесть то соотношение, которое должно существовать между ценностью нашей лиры и ее покупательной способностью относительно золота.

Даже в такой мудрой и честной стране, как Италия, в которой никогда не были распространены непомерные спекуляции, а фондовая биржа никогда не была объектом повышенного и неконтролируемого интереса со стороны любого класса граждан, с головой окунулись в безумие биржевых махинаций. Разумеется, многие люди потеряли от этого головы. Они

проматывали родовое наследство, вызывали скандалы, способствовали разорению, но этого было недостаточно, чтобы остановить внезапную одержимость финансовыми спекуляциями. Тогда министр финансов решил принять меры по надзору за биржевой деятельностью и предпринять шаги по ее ограничению. Было необходимо принять по-настоящему серьезные меры, которые, разумеется, пойдут вразрез со старыми и укоренившимися деловыми традициями. Возможно, подобные меры были слишком внезапными и неожиданными. Они вызвали активное сопротивление среднего и финансового классов, что привело к волнениям на всех рынках.

Я внимательно следил за ходом событий. Это внезапное противостояние, порожденное причинами экономического, а не политического характера, как оказалось впоследствии, могло превратиться в реальную угрозу, но предоставило мне весьма ценное поле для наблюдений и опыта. Я предпринял контрмеры и усмирил тех, кто выступал с нападками. Была введена более рациональная политика, которая не предполагала никаких поблажек спекулянтам. Через некоторое время Де Стефани ушел в отставку, а на его место пришел Вольпи. В то же время, когда эти первые трудности были преодолены, я сосредоточил свое внимание на военных долгах.

Я знал, что после выравнивания государственного бюджета и его стабилизации я должен буду приступить к работе по заключению соглашения с Соединенными Штатами Америки и Англией по вопросу снижения военного долга. Я направил делегацию в Вашингтон. Во главе ее стояли граф Вольпи и заместитель министра иностранных дел Гранди. Я предчувствовал, что переговоры будут вестись с самой высокой компетенцией. Я был уверен, что мы достигнем соглашения, которое удовлетворит американскую общественность и защитит интересы Италии.

27 января 1926 года путем аналогичного соглашения с незначительными поправками, которые следовали из тех разнообразных отношений, существовавших между нашей страной и Англией, мы также получили возможность уладить свои долговые обязательства перед Великобританией. Америка и Англия ратифицировали это соглашение. И так же поступили и мы с гордостью за то, что как в частных, так и в общественных делах мы неизменно и твердо придерживаемся правила хранить данное слово и в полной мере, до последнего цента выплатить все наши долги без жалоб и причитаний.

Затем имело место проявление стихийного национального патриотизма: наш народ с помощью общественных пожертвований и без содействия государства выплатил первый взнос, причитающийся правительству

Соединенных Штатов!

Тогда я верил в то, что стабильность бюджета и надежность соглашений с Вашингтоном и Лондоном станут тем самым достаточным свидетельством, способным убедить наш промышленный, коммерческий и банковский классы в разумности финансовой политики правительства. Я надеялся на то, что это приведет к постепенной ревальвации государственной валюты и повышению нашей репутации на национальных и международных рынках.

К сожалению, всего того, что, как мне казалось, должно проистекать из убедительной логики, не последовало. За первое полугодие 1926 года лира утратила в среднем десять пунктов по отношению к фунту. Разумеется, фунт стерлингов стимулировал все другие ведущие мировые валюты таким образом, что в то время, когда наш кредит должен был повышаться, мы наблюдали абсолютно противоположное явление. Экономическое состояние страны постепенно ухудшалось и утрачивало стабильность, превращаясь в неустойчивое и ненадежное благодаря вяло текущей инфляции, которая могла ввести в заблуждение промышленные регионы северной Италии, но, конечно же, не удовлетворяла интересы средних классов и тех итальянцев, которые хранили свои сбережения в банках.

Необходимо было оказать поддержку этой бесшабашной финансовой ситуации. Было немислимо, что организованное, мирное и дисциплинированное государство, в котором общественная агитация не стала обязательной и которое трудилось с усердием, верой и гордостью, должно отказаться от этих благотворных сил, сдавшись на милость финансовых акул и прочих паразитов, стремящихся обогатиться за счет обесценивания лиры, готовых с охотой принять или даже ускорить процесс банкротства для того, чтобы избавиться от обязанности выплачивать собственные долги или уклоняться от обязательств перед вкладчиками их банков. Предательство интересов итальянского народа замышлялось классом недостойных граждан. Это было серьезным предательством и ущербом общественной морали, поскольку разорившееся государство не сможет легко и быстро восстановить прежнюю репутацию в глазах мировой общественности.

Я долгое время изучал сложный феномен государства, частной собственности и финансов. Я проводил параллели между нашим экономическим положением и ситуацией в похожих державах. Я внимательно следил за статистикой нашего коммерческого баланса. Я располагал всеми свидетельствами для уверенного и определенного суждения и был готов сказать то слово, которое самым прямым и

решительным образом повлияет на экономическую жизнь Италии.

Таким образом, случилось так, что в августе 1926 года на площади Пезаро, одного из красивейших городов центральной Италии, я произнес речь, которой суждено было прогреметь на всю страну и обозначить собой начало процесса ревальвации лиры, ставшего для нас отправной точкой на пути к золотому базису.

С некоторого времени я решил обращаться к итальянскому народу со всей прямоотой. Курс иностранной валюты обнаружил слабые места в нашем кредите за рубежом. Постоянная нестабильность при головокружительном и губительном состоянии финансов являлась признаком подпольной работы. Я должен был расправиться с финансовыми спекуляциями одним метким ударом. Я должен был встретиться лицом к лицу и нанести поражение той части некоего класса, которая подталкивала нацию к банкротству. Правительство не должно было смиряться ни с ее существованием, ни с ее махинациями. Это была проблема, затрагивающая не только финансовое будущее страны; само национальное достоинство итальянского народа подвергалось опасности. Фактически в определенных ситуациях даже устойчивость валюты может олицетворять собой достоинство национального флага и должна обороняться всевозможными открытыми средствами. Никто не может укрыться за собственным незнанием, когда опасность угрожает родовому наследию и достоинству целой нации.

Фашизм, принеший нации дисциплину и порядок, также должен был приложить свою твердую руку к борьбе с классом недальновидных спекулянтов, которые хотели свести на нет достоинство нашей валюты. Я видел, что фашизм, выигравший политическое сражение, теперь сталкивался с возможностью поражения в случае, если не предпримет энергичных мер вмешательства в финансовую сферу.

В этот направленный против нас заговор были втянуты все силы международного антифашизма, стимулируемые и подстрекаемые нашими извечными врагами внутри Италии и за ее пределами. Я понимал, что наряду с проблемой честности и нравственности существовала проблема воли. Поэтому я заговорил. Здесь привожу основную суть своей речи:

«Вы не должны удивляться, если я выступлю с политической декларацией первостепенной важности. Для меня не впервой обращаться напрямую к народу без вспомогательного участия служебного аппарата и делиться с ним своими убеждениями и решениями. Я всегда нуждаюсь в доверии, а особенно в тех случаях, когда обращаюсь напрямую к людям, глядя в их глаза и прислушиваясь к биению их сердец. Я говорю с вами, но в то же время обращаюсь ко всем без исключения итальянцам, и мой голос по очевидным причинам, конечно же, будет услышан и по ту сторону Альп, и за морем. Позвольте сказать вам, что я буду бороться за итальянскую лиру до последнего! Я никогда не подвергну прекрасный итальянский народ, который в течение четырех лет трудился с аскетичной прилежностью и готов на иные, более суровые жертвы, моральному позору и финансовой катастрофе, последующими за банкротством лиры.

Фашистский режим изо всех сил будет сопротивляться попыткам враждебных финансовых сил подавить Италию. Мы нанесем им сокрушительный удар сразу после того, как они будут выявлены. Лира, являющаяся признаком нашей экономической жизни, символом наших продолжительных жертв и упорной работы, может рассчитывать на твердую защиту — и любой ценой! Когда я нахожусь среди истинных труженников, мне кажется, что, говоря таким образом, я со всей искренностью выражаю их чувства, чаяния и их волю.

Граждане и фашисты! Я уже произнес наиболее важную часть своей речи, предназначенной для того, чтобы рассеять туман сомнений и ослабить возможные проявления губительного пораженчества».

Мои слова были подобны ударам хлыста для всех тех спекулянтов, укрывшихся на фондовых биржах страны. Значительные финансовые институты осознали невозможность внедрения независимой политики без вмешательства со стороны правительства. Спекулянты предчувствовали, что скоро окажутся в ловушке.

С другой стороны, я не хотел ограничиваться всего лишь словами. На совещании Совета министров 1 сентября я принял постановления, которые должны были гарантировать осуществление моей финансовой политики. В общем эти меры сводились к следующему: перевод ссуды Моргана в размере девяноста миллионов долларов в распоряжение Банка Италии; упорядочивание счетов между государством и Банком Италии; сокращение двух миллиардов пятисот миллионов оборотных средств на государственном счету; ликвидация автономной секции консорциума Валори.

Ко всем этим мерам следовало присовокупить упрощение налоговой

системы путем отмены некоторых налогов и внедрения новых форм защиты с целью экономии и усовершенствования банковской деятельности.

В ноябре я пустил в ход заем, который назвал «Литторио». Он был направлен на облегчение финансовых операций и на придание определенной гибкости бюджету. Поскольку на повестке дня стоял очень серьезный текущий долг, выраженный в ценных бумагах и облигациях, я решил погасить стоимость этих облигаций и стереть упоминания о них из великой книги общественного долга. Подобные меры, безусловно, носили весьма жесткий, я бы даже сказал, жертвенный характер. Но когда этот момент со всей его напряженностью миновал, мы смогли запустить политику разумной суровости. И наша лира начала постепенно карабкаться вверх на рынках Лондона и Вашингтона, а наш кредит снова возрос по всему миру.

По правде говоря, переход от неустойчивой к строгой финансовой политике, начало которому было положено моей речью в Пезаро, не был лишен определенных трудностей. Было достаточно неудач и тяжелых потерь. Деловые соглашения, заключавшиеся в период, когда лира находилась на отметке сто тридцать по отношению к фунту, прекратились, когда она встала на отметку девяносто. Все это повлекло за собой неизбежные потери, сильнее всего ударившие по тем, кто был наименее устойчив и защищен финансово.

Трудности с возвращением на позиции финансовой стабильности и строгости были значительны; восстановление было таким же тяжелым, как инфляция легкой. Мы были вынуждены сократить бюджет и государственные ценные бумаги до самого минимума; мы должны были начать политику демобилизации наших долгов, чтобы получить возможность установить всю полноту нависшего над нами финансового бремени, с точностью определить те проценты, которые следовали к ежегодной уплате.

Но ситуация прояснилась и изменилась к лучшему. Для того, чтобы иметь более устойчивую, приспособленную и подвижную организацию, я решил провести объединение всех институтов, выпускающих бумажные деньги. Правом выпуска бумажных денег мог обладать лишь Банк Италии. Банк Неаполя и Банк Сицилии возвращались к своим первоначальным функциям попечителей и стимуляторов аграрно-экономической жизни южной Италии.

Когда после года значительных трудностей финансовая ситуация с государственным бюджетом и экономикой Италии в целом выровнялась, в

1927 году я получил возможность приняться за обеспечение для лиры золотого базиса на реальных основаниях. В декабре 1927 года, в ходе совещания Совета Министров, я смог довести до сведения итальянского народа, что лира снова вернулась к золотому базису на основаниях, признанных разумными специалистами и выдающимися экспертами в области финансов.

Я ощущал в себе гордость победителя. Я не только вел за собой чернорубашечников и политические силы, но также разрешил сложную и запутанную проблему национальных финансов, а ведь подобные проблемы иногда выходят за пределы возможностей и влияния любого политика и подвергаются тирании и влиянию механизмов исключительно материального свойства под влиянием различных многочисленных факторов. Только глубокие познания в экономических законах и человеческой структуре могут в подобных отчаянных обстоятельствах привести к решениям, которые бы удовлетворили абсолютное большинство.

Сегодня наш бюджет сбалансирован. Регионы с самоуправлением, провинции и коммуны также стабилизировали свои бюджеты. Экспорт, импорт и финансовые взаимоотношения между ними осуществляются в четко определенном ритме, который вносит стабильное состояние лиры. Путем твердости и уверенности фашистская Италия создает новый политический режим, в то время как необходимая завершенность нашего общеполитического курса и сущность государственной организации обеспечиваются новой корпоративной системой.

Глава XII

Фашистское государство и его будущее

Среди инноваций и экспериментов новой фашистской цивилизации существует один аспект, вызывающий интерес всего мира; речь идет о корпоративной организации государства.

Позвольте мне сразу же заявить, что, прежде чем мы коснемся данной формы государственной организации, которую я теперь считаю завершенной, вы должны уяснить, что предпринятые нами шаги были долгими, а наши исследования, анализ и дискуссии исчерпывающими. Как опыт, так и испытания были полны уроков.

Штурманом была сама обыденная реальность. Прежде всего, стоит вспомнить о том, что корпоративная организация не произошла из стремления создать всего лишь правовые структуры. На мой взгляд, она произросла из особых нужд непосредственно самой Италии и сложившейся в ней ситуации, а также из тех потребностей, которые могут считаться общими в любой ситуации, где экономические ограничения и традиции производительного труда еще не были сформированы временем и опытом. Италия, во времена своего первого полувекового ренессанса, видела свои классы враждующими друг с другом, не столько из стремления одних властвовать над другими в политической сфере, сколько ради борьбы за ограниченные земельные ресурсы, а также природные недра, и это, прежде всего, должно было обратить внимание заинтересованных в труде и его производительности.

В противовес правящему среднему классу выступал другой класс, который я для большей простоты назову пролетарским. Влиянием в нем пользовались социалисты и анархисты, пребывающие в извечной и непрерывной борьбе с правящим классом.

Каждый год приносил новые всеобщие забастовки; каждый год плодородная долина По, например, подвергалась периодически повторяющимся массовым волнениям, что вредило урожаю и уровню производства. Вместо свойственного человеку чувства гармонии, поддержание которой должно стать долгом детей одной Отчизны, велись непрерывные войны интересов, понукаемые профессиональными социалистами, а также синдикалистскими вожаками, а также борьба против среднего класса, который, в свою очередь, продолжал пребывать в

состоянии отрицания и ожидания мессии. Гражданская жизнь не предприняла решительных шагов по пути к улучшению ситуации.

Страна, подобная нашей, не обладающая богатыми природными ресурсами, половину площади которой составляют горы, не может располагать высоким экономическим потенциалом. И если ее граждане к тому же станут враждовать между собой, если между классами появятся тенденция и стремление к уничтожению друг друга, гражданская жизнь не будет протекать в ритме, необходимом для развития современной цивилизации. Несмотря на повторяющиеся из года в год, а иногда и из сезона в сезон потрясения, либеральные и демократические государства придерживаются уклончивого кур А, избрав для себя характерный лозунг: «Ни реакции, ни революции», как будто эта фраза имеет какое-либо определенное или вообще какое бы то ни было значение!

Было необходимо избавиться от низкого, кланового обычая классового соперничества и отбросить прочь ненависть и вражду. После войны, особенно следуя подрывной пропаганде Ленина, враждебные силы достигли угрожающих масштабов. Агитации и забастовки обычно сопровождались столкновениями, результатом которых становились убитые и раненые. Люди возвращались к обыденному труду с сердцами, переполненными ненавистью к классу господ, который по праву или без права считался настолько по-идиотски недалеким, что якобы превосходил в этом отношении средние классы прочих стран мира. Между крестьянством и растущей промышленностью городских центров также имел место феномен очевидного непонимания. Вся наша жизнь находилась под властью демагогии. Каждый был склонен терпеть, притворяться понимающим, оправдывать безумное насилие толпы. Но после каждого инцидента или беспорядка вновь сложившаяся ситуация обещала другую, еще более сложную проблему или конфликт.

По моему мнению, было необходимо создать политическую атмосферу, которая бы придала правительственным мужам немного мужества для того, чтобы говорить о суровых истинах, торжественно заявлять о правах только после исполнения долга и, если необходимо, возлагать на себя всю его тяжесть. Либерализм и демократия всего лишь пробовали меры несущественного характера и истощили свою энергию в залах парламента. Возглавляли агитационный процесс государственные служащие, железнодорожные рабочие и работники почты и телеграфа, а также революционные элементы анархистского толка. Государственная власть напоминала котенка, которого затискали до смерти. В подобной ситуации обыкновенная жалость и терпимость были бы преступлением. Либерализм

и демократия, постоянно отрекающиеся от своего долга, никак не смогли верно оценить и урегулировать права и обязанности различных классов Италии. А фашизм сделал это!

Факт в том, что пять лет продуктивной гармоничной работы изменили экономическую жизнь страны в самой ее сути и, как следствие, внесли перемены в политическую и духовную жизнь Италии. Позвольте добавить, что введенная мной дисциплина не была принудительной; она не рождалась из предвзятых идей, не покорялась эгоистичным интересам различных группировок и классов. У нашей дисциплины один образ и один конец — благополучие и доброе имя итальянской нации.

Введенная мной дисциплина является дисциплиной свободной. Низшие классы, поскольку они более многочисленны и, возможно, заслуживают большего внимания, наиболее близки мне, как ответственному лидеру. В военных окопах я видел простых сельских тружеников и понял, скольким страна обязана этим здоровым людям с мозолистыми руками. С другой стороны, наши промышленные рабочие обладают такими качествами, как степенность, сердечность, стойкость, которые подпитывают гордость того, кто должен управлять и вести за собой массы. Средний класс Италии также включает представителей аграрного класса, которые гораздо лучше, чем молва о них. Наши проблемы произрастают из многообразия и несхожести между различными экономическими интересами, что затрудняет формирование сильного национального звена производителей. Однако ни одна из промышленных групп Италии не может заслуживать прозвища «вампиры», которым наградила этот класс поверхностная терминология прежней социалистической демагогии. Государство более не может оставаться в стороне, когда лицом к лицу сталкивается с фактами и интересами различных классов. Оно не только устраняет борьбу и соперничество, а старается выявить первоначальные причины столкновений и конфликтов. Посредством статистических исследований и при содействии ученых теперь мы можем определить, что же именно станет теми самыми великими свершениями завтрашнего дня.

Тем временем, не только при помощи правительства, но также организованных на местах консультативных органов, мы можем с точностью установить основные черты производительных программ на завтра.

Но более всего мне хотелось, чтобы фашистское правительство уделило особенное внимание социальному законодательству, необходимому для осуществления нашей части согласованных международных промышленных программ, а также содействия тем, кто держит в своих

руках промышленное будущее страны.

Я думаю, что Италия развита гораздо больше других государств Европы; фактически был принят закон о восьмичасовом рабочем дне, обязательном страховании, условиях работы женщин и детей, содействии и поощрении, сверхурочной работе и образовании для взрослых и, в конечном итоге, обязательном страховании от туберкулеза. И это показывает, как в каждом из элементов, составляющих сферу труда, я отстаивал интересы рабочих классов Италии. Я осуществил все, что можно было сделать без нанесения ущерба принципам устойчивости нашей экономики, от установления минимальной заработной платы до последовательности трудоустройства, от страхования от несчастных случаев до больничных пособий, от пенсий по старости до надлежащего урегулирования условий армейской службы. Остается малое из того, чем, по мнению исследователей, должно практически характеризоваться поле социального благосостояния национальной экономики, или из тех мудрых постулатов социального благоденствия, которые еще не были внедрены мной. Я желал предоставить каждому мужчине и каждой женщине такие благополучные условия труда, чтобы работа из горькой необходимости превратилась в радость жизни. Но даже такая комплексная программа не может сравниться с созданием корпоративной системы. Точно так же последнее не может сравниться с чем-то более масштабным. Выше корпоративной системы, выше всех усилий государства только фашизм, этот гармонизатор и владыка итальянской жизни, навсегда аккумулировавший в себе ее вдохновение.

В 1923 году, спустя несколько месяцев после марша на Рим, я настоял на принятии закона о восьмичасовом трудовом дне. Массы, видевшие в законодательной политике фашизма дружественные тенденции, высказали свое одобрение национальному синдикализму. На смену прежним профессиональным синдикатам пришли фашистские корпорации. На собрании, состоявшемся 19 декабря 1923 года, мне представилась возможность заявить следующее: «Первоначальной задачей правительства является установление внутреннего спокойствия. На этот счет правительство располагает четкой линией поведения. Никакие причины более не должны нарушать общественного порядка. Это политическая грань. Но также существует грань экономическая; и она заключается в сотрудничестве. Существуют и другие проблемы, такие как экспортирование. Я напому итальянской промышленности об этих принципах. До сего дня она была излишне индивидуалистской. Следует отойти от старой системы и старых путей».

И чуть далее я прибавил: «Авторитет и власть правительства стоит над всеми конфликтами человеческих и законнических интересов; само по себе правительство придерживается правой позиции, позволяющей рассматривать все с позиций всеобщего благосостояния. Такое правительство не печется об интересах только того или этого человека; оно заботится обо всех, поскольку становится не только правовой совестью нации в настоящем, но также всем тем, что данная нация будет представлять собой в будущем. Правительство показало, что превыше всего ценит производительную силу нации. И, следуя подобным принципам, оно заслуживает того, чтобы быть услышанным всеми и каждым. У него есть определенные задачи. И оно с ними справится. И сделает это исключительно ради моральных и материальных интересов нации».

Шаг за шагом старые трудовые структуры и ассоциации упразднились. Мы все больше и больше нацеливались на корпоративную концепцию государства. Я не хотел лишать трудящихся одного из их праздников, и посему вместо празднования 1 мая, которое не только имело иностранное происхождение, но и носило на себе отпечаток социалистического интернационализма, я приурочил к 21 апреля, радостной и славной дате в итальянской истории, день рождения Рима. Рим — тот город, который подарил миру законодательную систему. Законы Римского права до сих пор управляют гражданскими отношениями. Я не смог бы избрать более многозначительной и достойной даты для празднования Дня труда.

Дабы с наиболее выверенной координацией внедрить в жизнь все предпринятые мной меры, а также все то, что с полной мерой ответственности осуществлялось фашизмом и корпорациями, по моему приказу Высший совет утвердил некий документ. Без ложной скромности могу заявить, что он приобретет исторический характер. Речь идет о Хартии труда.

Он включал в себя тридцать параграфов, каждый из которых содержал основополагающую истину. Исходя из повышенной необходимости в производстве возникла потребность в справедливом распределении продуктов, судебном преследовании в случае разногласий и споров и, в конечном итоге, защитном законодательстве.

Этот документ тепло восприняли все классы Италии. Работа, проделанная магистратами труда во имя исполнения долга, достойна сильного и могучего государства, в противовес расплывчатым стремлениям туманных сфер высокопарного либерализма, демократии и коммунистических утопий. Задачами фашизма стали воплощение и

реализация. Старые представители кругов социалистического или синдикалистского толка были поражены и озадачены смелостью новых реформ. Была развенчана еще одна легенда: фашизм не защищал интересы какого-то одного класса, но являлся верховным регулятором взаимоотношений между всеми гражданами государства. Хартия труда обрела своих толкователей и привлекла внимание ученых умов по всему свету. Она превратилась во внушительную опору новой конституции фашистского государства.

Логическим следствием Хартии труда, а также всех прочих законодательных мер общественного характера и действий магистрата труда, стала необходимость учреждения корпораций. Данная организация включает в себя все отрасли национального производства. Труд во всех своих сложных масштабах и проявлениях, независимо от ручного или интеллектуального характера, требует равной защиты и содействия.

Гражданин фашистского государства больше не является эгоистичным индивидом, обладающим правом бунтовать против любых законов коллективизма. В свете своей корпоративной концепции фашистское государство внедряет людей со всеми их возможностями в продуктивную работу и разъясняет те обязанности, которые им следует исполнять.

В этой новой концепции, нашедшей свое логическое воплощение в наших представительных формах, каждый отдельный гражданин ценен своей производительной силой, работой и мыслями, а не только тем, что уже достиг двадцати одного года и имеет право голосовать!

В корпоративном государстве отражается вся национальная активность. Было вполне логичным, что синдикалистские организации также станут частью новых представительских объединений. Из этой потребности, продиктованной новой политической и социальной реальностью, произросла необходимость реформирования национального политического представительства. Не только новый политический директорат должен отбирать своих кандидатов с оглядкой на их способности и на число представленных граждан, но процесс отбора и оценки кандидатов также должен проводиться силами Высшего фашистского совета, чтобы обеспечить стране самых лучших, самых решительных и самых преданных представителей, а также наиболее экспертный состав членов правления.

Мы разрешили ряд довольно масштабных и серьезных проблем; мы ликвидировали все те извечные беспорядки, а также сомнения, отравляющие душу нации. Мы придали работе ритм, обеспечили ей законность и защиту: в классовом взаимодействии мы обрели практическое свидетельство своих возможностей, своего будущего могущества. Мы не

теряли время на забастовки и перебранки, которые, помимо угнетения духа, наносят ущерб нашему могуществу и стабильности нашей экономики. Мы считаем раздоры роскошью для богатых. Мы должны оберегать свою силу. Мы превозносим работу как высшую производительную мощь, поэтому в наших законодательных органах так много представителей трудового элемента, и именно эти органы являются наиболее достойным и уверенным кормчим итальянской действительности.

И капитал также не отрицается, как в российской коммунистической утопии; мы считаем его ведущим актером в драме производства.

На страницах своей автобиографии я не единожды делал особое ударение на том, что всегда стремился придать своей политической работе органичный и последовательный характер. Я никогда не ограничивался тем, чтобы придать итальянской реальности лишь внешний лоск и гармоничные очертания; я желал влиять на самые глубинные проявления ее духа. Я основывал свою работу на фактах и реальных условиях жизни итальянского народа; из подобной реалистичной деятельности я извлек весьма ценные уроки. Я получил возможность добиться благотворных и непосредственных результатов, указывающих на новое будущее для нашей страны.

Одной из поддерживаемых мной реформ, которой я уделял особое внимание в процессе всех ее последовательных преобразований, была реорганизация школ. Она была названа реформой Джентиле, в честь министра гражданских дел, назначенного на эту должность сразу же после похода на Рим. Серьезность и важность проблем образования не может избежать внимания ни одного из современных государственных деятелей, пекущихся о судьбе своего народа. Школьная система должна рассматриваться во всей полноте своего проявления. Общественные школы, средние школы, высшие учебные заведения оказывают огромное влияние на моральные и экономические основы жизни любой нации. Я держал эту идею в уме с самого начала.

Возможно, мой ранний опыт в качестве школьного учителя только повысил мой неизменный интерес к молодежи и ее развитию. Италия является носителем традиций высочайшей культуры, но общественные школы вырождаются из-за недостатка средств, но, прежде всего, из-за недостатка одухотворенного подхода.

Хотя процент неграмотных имеет тенденцию к снижению, а в некоторых регионах, особенно в Пьемонте, и к полной ликвидации, наши граждане все-таки не получают от школы тех широких образовательных основ физического, интеллектуального и морального характера, которые

представляются наиболее возможными и гуманными. Средние школы излишне переполнены, потому что туда принимаются все без исключения, даже самые недостойные, на основании бесконечного ряда экзаменов, которые чаще всего сводятся к простой формальности. Нам недостает разумной системы отбора, а также профессиональной и педагогической оценки личностей. А механизм все вращается, выпуская на поверхность типовые образчики человеческих существ, которые в большинстве своем занимают места в бюрократическом аппарате. Он обесценивает функции общественных служб посредством стандартизованного, не одухотворенного персонала. Университеты порождают тех же марионеток в сфере так называемых «свободных искусств», таких как юриспруденция и медицина.

Пришло время этому деликатному механизму, который некогда располагал таким влиянием на духовную жизнь нации, приобрести точную, определенную, органичную форму. Мы должны выдворить из средних школ негативные и высокомерные элементы. Мы обязаны вливать в государственные школы те масштабные гуманистические течения, в которых отражено все богатство наших исторических и культурных традиций.

В конечном итоге следовало обязательно ввести в сферу образования новую дисциплину, которой должен будет подчиняться каждый, но, прежде всего, сами учителя!

По правде говоря, учителя в Италии получают весьма скромное жалованье, и с этой проблемой я вынужден был столкнуться лицом к лицу и решать ее, как только позволит состояние бюджета. И все-таки я не мог позволить ограниченного, прижимистого отношения к системе образования. Политика скупости имеет давние и типично либерально-демократические корни. Она предоставляла учителям хороший предлог для того, чтобы равнодушно относиться к своим обязанностям, а также предаваться губительным мыслям, даже направленным против самого государства. Подобные условия достигли своего апогея в унижительной тенденции ухода учителей со своих постов. Мы располагаем множеством вопиющих примеров подобного отношения не только в начальной школе, но и в некоторых университетах.

Фашизм поставил во всем этом точку, возведя дисциплину во главу угла — дисциплину для вышестоящих и подчиненных, а особенно для тех, кто наделен высочайшей привилегией обучать порядку и дисциплине, а также поддерживать возвышенные понятия человеческого долга в самых разных учебных заведениях режима.

У нас существовал старый школьный закон, получивший свое название по имени министра Казати, введенный в 1859 году и оставшийся практически неизменным даже после того, как в него внесли некоторые поправки сменившиеся на посту министра Коппино, Данео и Кредаро. Мы должны были обновить и перестроить его в соответствии с пылким стремлением нашей партии; мы должны были придать ему широкое дидактическое и моральное наполнение; мы должны были привнести в него дух необходимого возрождения, который будет импонировать новой Италии. Великие идеи и значительные революционные потрясения всегда создают надлежащее время для решения множества проблем. Проблема образования, не терявшая актуальности десятилетиями, наконец-то нашла свое решение в реформе Джентиле. Здесь не место для объяснения всех деталей этой реформы. Однако хотелось бы отметить те основополагающие принципы, над которыми размышлял я сам, а затем упорядочил их в течение нескольких кратких бесед с министром гражданских дел. Они могут свестись к следующим пунктам:

1) Государство обеспечивает образование лишь тем, кто заслуживает его на основании своих способностей и предоставляет другим органам инициативу относительно тех учеников, которые не получили права на обучение в государственных школах.

Это сводит на нет демократическую концепцию, рассматривавшую государственную школу в качестве учебного заведения для всех — своеобразную корзину, в которую сбрасывались как отбросы, так и сокровища. Средние классы воспринимают школу как должное, а потому не испытывают к ней уважения. Они требуют лишь самых исключительных привилегий для того, чтобы как можно быстрее достичь своих чисто потребительских целей, таких как научные степени или формальное продвижение по должностной лестнице.

2) Учащиеся государственных и частных школ находятся в одинаковых условиях, если речь идет о сдаче государственных экзаменов, при участии комиссий, назначенных правительством.

Таким образом, это позволяет институту частных школ стать аналогичным системе, распространенной в Англии. Подобное состояние крайне благоприятствует католикам, владеющим многими школами, но не удовлетворяет антиклерикалов старой закалки. Это позволило мне добиться развития свободной академической инициативы за пределами традиционных установлений.

3) Государство контролирует частные школы и способствует духу здоровой конкуренции между частными и государственными учебными

заведениями, что повышает культурный уровень и общую атмосферу всех школ.

Полномочия государства не уменьшаются из-за частных школ: наоборот, оно распространяет свой бдительный контроль над всеми учебными заведениями.

4) Зачисление в средние школы теперь возможно лишь после сдачи экзаменов. Школы следуют по направлению к свободной гуманистической культуре, но на основании учебных стандартов, которые навсегда устранят беспорядки и беззаботный, праздный дух прежних демократических школ. Посредством этих и многих других реформ начальная школа приходит к двум обособленным, но скоординированным целям. Одна заключается в подготовке к обучению в средней школе, а другая представляет собой наивысший тип широкого общедоступного законченного образования.

Система средних школ была расширена за счет следующих образований:

А) Альтернативные школы. Ликвидированные технические школы законченного образца возрождались на новых основаниях.

Б) Технические институты высшей специализации.

В) Научные Лицеи, все еще высшие, занявшие место упраздненных «новых лицеев» и физико-математических отделений Технического института, готовящих студентов для технических и научно-исследовательских факультетов университета.

Г) Педагогические институты, школы исключительно гуманитарного и философского направления, занявшие место упраздненных дополнительных и нормальных школ.

Д) Женские лицеи, школы общекультурного уровня законченного образца.

Е) Классические лицеи, неизменные в своей сути, но усиленные гуманистическим характером дисциплин. В их задачи входила подготовка студентов для большинства факультетов университета. Выпускные экзамены в средних школах, классических и научных лицеях стали называться экзаменами на аттестат зрелости. Все учебные планы были обновлены с расчетом на более современные культурные условия. Латынь была введена в обязательное обучение во всех школах, кроме альтернативных и религиозных отделений начальной и средней школ.

Для всех этих различных типов учебных заведений существовало одно основное правило, а именно: каждая школа должна являться единым организмом с точно установленным числом классов и учеников: кандидаты могут зачисляться на основании выпускной классификации, основанной на

результатах экзаменов; оставшиеся не зачисленными должны направляться на обучение в частные школы.

Принятие и осуществление данной реформы нанесло серьезный урон устаревшим идеям и интересам, но особенно приспособленческому духу населения, возбуждая неизбежный дух негативизма и враждебности. Этим для своих противоречивых целей воспользовалась оппозиционная пресса, в особенности «Карьере дела Сера». Но реформа энергично продвигалась вперед под моим руководством и ознаменовала собой настоящее возрождение итальянских школ и итальянской культуры.

Реформа университетского образования проводилась в тесной связи с реформой начальных и средних школ. Ее целью было разделить студентов университета на различные основные школы, чтобы исключить бесполезное совмещение. Закон о государственных экзаменах распространялся и на университеты, в которые могли поступать как студенты государственных, так и частных школ. Также был реформирован институт «Свободных преподавателей», руководящий орган, на независимых основаниях прикрепленный к тому или иному факультету университета, а значит, назначение более не осуществлялось частными отделениями, а центральными комиссиями в Риме.

По случаю визита делегаций фашистских университетских группировок я получил возможность выступить с заявлением о том, что Реформа Джентиле «наиболее революционная из всех ранее проголосованных нами реформ, поскольку она полностью изменила положение дел, существовавшее с 1859 года».

Я был сыном школьной учительницы и сам учился в начальной и средней школах. Следовательно, мне были хорошо известны проблемы школы. Именно поэтому мне хотелось привести их к определенному итогу. Итальянская система образования снова займет подобающее ей место в мире. С университетской скамьи поднимутся истинные ученые и поэты, которые вновь возродят итальянскую мысль во всем ее блеске, в то время как средние школы будут предоставлять технические и исполнительные элементы для нашего населения, а государственные школы заложат основы для гражданского образования и внесут дух коллективного достоинства в массы.

Я велел, чтобы при участии и содействии университетов создавались отделения фашистской экономики, корпоративного законодательства, а также целый ряд продуктивных организаций фашистской культуры. Таким образом, фашизм распространил свое влияние на исключительно научные и академические сферы, что способствовало зарождению новой культуры

посредством пламенной и комплексной деятельности реального, теоретического и духовного характера.

Но даже более близкой моему сердцу, нежели сообщества фашистских университетов, была новая организация, наделенная всеми подлинными чертами фашистской революции. Речь идет о Национальной организации Балилла. Под именем юного генуэзского героя воспитывалось новое поколение детей и подростков. Более не зависящее, как в прошлом, от всевозможных ассоциаций по организации детского досуга, неоднородных политических школ и вспомогательных объединений, оно воспитывалось в духе строгой, но радостной дисциплины гимнастических упражнений, а также в соответствии с общими законами упорядоченной национальной жизни. Новое поколение Италии привыкло к покорности и получило уверенное и четкое представление о будущем.

Чтобы показать всю ту важность, которую для меня составляла реформа образования, я самолично выступил с лекцией в университете Перуджии. Она была объявлена учеными расширяющей общественную концепцию их долга перед молодежью.

В итоге, дабы воздать должное обыденной и высочайшей культуре, а также всем тем, кто в научной, художественной и литературной сферах возвеличивал имя Италии, я учредил Итальянскую академию с членством для «бессмертных» классиков.

Государственные вооруженные силы пришли в состояние сильного упадка за 1919, 1920 и 1921 годы. Цвет нашей нации был унижен и попран.

Сложившаяся ситуация уже достигла того предела, когда военный министр той «либеральной» поры получил циркуляр, обязывавший действительных военных не появляться в униформе на публике и воздержаться от ношения оружия, дабы не подвергаться нападкам со стороны гангстеров и хулиганов.

Этому отклонению, которое желательно было преодолеть как можно быстрее ради блага страны, было предначертано встретить своего мстителя в лице фашизма. Я был одним из факторов, создавшим атмосферу страстного стремления к переменам. Сегодня общие настроения в стране сильно изменились; сейчас государственные вооруженные силы вполне справедливо считаются силами безопасности, а также достойной и заслуженной обороной нации.

У меня была очень четкая и окончательная программа, когда в 1922 году, в период похода на Рим, я избрал своими союзниками наилучших лидеров Победы 1918-го. Генерал Армандо Диаз, который после Витторио Венето, потрясенный сложностью момента, хранил молчание в стороне от

событий и который смог взрастить, а затем имел мужество высказать в Сенате возмущенный протест против политики правительства Нитти, получил должность военного министра. Я назначил адмирала Таона де Ревеля, величайшего стратега военных действий на море, министром Военно-морского флота. 5 января 1923 года генерал Диаз предоставил на рассмотрение Совета Министров детальную, законченную программу реформирования армии. Это было заседание исторического масштаба; на нем были приняты фундаментальные решения, касающиеся обновления вооруженных сил. И мы смогли торжественно и в открытой форме довести до сведения страны, что в результате данного заседания армия обрела новую жизнь, дабы «осуществить доверенную ей высочайшую миссию во имя высших интересов нации».

Я исполнил первое обещание, данное себе и итальянскому народу. Сразу же после этого я посвятил себя реорганизации авиации, обреченной на полное угасание благодаря стараниям прежних правительств. Задача была не из легких; все предстояло делать заново. Реконструкцию и обновление пережили не только аэродромы и самолеты, но также пилоты, механики и организаторы. Чувства заброшенности, уныния и недоверия культивировались в Италии врагами авиации; многие люди полагали, что этот новый вид вооруженных сил должен развиваться лишь в качестве спорта. В эту ситуацию я вложил свою энергию — я сконцентрировал на ней свое внимание и вложил в нее всю душу. И я добился успеха в своих начинаниях: удачи де Пинедо, Маддалены, полеты эскадр, восхитительные маневры продемонстрировали, что за короткое время итальянская авиация достигла высокого профессионализма и престижа не только на территории родной страны, но и в любых уголках мира, где есть небо для полетов.

То же самое касается и флота, который реорганизовал свою структуру, улучшил свои активы, пополнил свою флотилию и установил деятельную дисциплину. Четвертыми, но не последними, благодаря духу соперничества и бесстрашию, шли добровольные подразделения милиции для обеспечения безопасности нации, разделенные на 160 легионов под командованием выдающихся офицеров и восторженных, полных энтузиазма фашистов. Они представляли собой превосходные ударные части.

В итоге наши казармы и наши корабли, в полном смысле этого слова, могли называться прибежищами мира и стабильности; офицеры занимались физическим и нравственным совершенствованием своих людей; военная подготовка отвечала всем современным техническим новшествам. Армия более не отвлекалась от своих основных функций, как

случалось при прежних властях, только для того, чтобы отвечать за осуществление ординарных функций охраны правопорядка, которые были утомительны и унижительны и на исполнение которых бросались целые подразделения. На протяжении последних пяти лет армия покидала свои казармы для участия в тактических маневрах и ни по какой иной причине.

Через некоторое время генерал Диаз вынужден был покинуть свой пост в связи с состоянием здоровья. Генерал Ди Джорджио временно сменил его на посту главнокомандующего. Но позднее я ясно увидел необходимость объединения всех вооруженных сил страны под единым командованием. Я принял портфели военного министра, министра Военно-морского флота и министра авиации. Благодаря данной программе я создал пост Главнокомандующего над всем генеральным составом, в задачи которого входила координация с полным видением ситуации всех планов для различных подразделений вооруженных сил до самого конца — до победы. Наш воинский дух энергичен и деятелен; он лишен агрессивности, но заставить его врасплох невозможно. Это миролюбивый, но бдительный дух.

Для всей полноты осуществления фашистского возрождения необходимо помнить о еще нескольких менее значительных задачах, которые, тем не менее, требовали непосредственного решения ради поддержания достоинства и стабильности нации.

Государственные служащие в отставке, которые до войны получали мизерные пенсии, с тревогой взирали на величину своих скудных пособий, еще сократившихся благодаря очередному обесцениванию национальной валюты. Я должен был принять некоторые меры исключительного характера, направленные на их защиту, а именно, сделать их пенсии адекватными нуждам сегодняшнего дня и текущей стоимости денег. Я установил уровень обеспечения, также удовлетворяющий нуждам духовенства; это был вопрос справедливого и обязательного распределения. Подобное было бы немислимо во времена масонской демагогии и социальной демократии, которыми управляли силы наносного и воинствующего антиклерикализма. Духовенство в Италии составляет приблизительно шестьдесят тысяч человек. Они чужды тем, не побоюсь этого слова, историческим противоречиям между Государством и Церковью. Они заняты разумными делами и оказывают итальянцам содействие во всех их религиозных отправлениях, не вмешиваясь в политику, особенно со времен восхождения фашизма. Они не хотят осквернять духовный характер своей миссии. Плетуший интриги священнослужитель, разумеется, должен быть усмирен. Напротив, тот священник, который исполняет свои обязанности, следуя евангельской

мудрости и разъясняя прихожанам высочайшие божественные и человеческие истины, получит помощь и участие со стороны государства. И поскольку многие представители духовенства живут в нищете, мы предприняли генеральные меры по улучшению условий их существования.

Политика относительно общественных работ в Италии всегда несла на себе легкий налет избирательного процесса; будущие общественные работы планировались хаотично, не соответствуя какому-либо разумному плану или любой практической необходимости, но с целью обеспечить временное удовлетворение той или иной группе избирателей. Я остановил этот узаконенный фаворитизм. Я учредил Бюро общественных работ, поручив их людям, которым полностью доверял, подчинявшимся лишь централизованной государственной власти, а поэтому обладавшим иммунитетом против давления интересов местного значения. Таким образом я смог существенно улучшить состояние дорог на юге; я также набросал программы для акведуков, железных дорог и портов. Все эти меры сразу же нашли понимание в кругах итальянской бюрократии. Все учреждения государственного значения получили новый импульс и обрели новый престиж. Все государственные предприятия общественного пользования, железные дороги, почта, телеграф, телефон, а также монополии снова начали нормальное функционирование. Но некоторые с сарказмом относились к новой системе. И это легко объяснить: мы не должны забывать о том, что итальянцы на протяжении долгих лет восставали против какой бы то ни было дисциплины; сформировалась привычка использовать их легкомысленные и шумные жалобы на работу и деятельность правительства. Некоторые следы подобного отношения можно обнаружить и по сей день. Иногда можно даже слышать жалобы на продуктивность и порядок в мире. Некоторые обладатели честолюбивых эгоистичных стремлений хотели бы нанести удар по мощным достижениям нашей дисциплины и законности. Но сегодняшнее государство больше не представляет собой абстрактной и несведущей сущности; правительство присутствует всегда и во всем. Все живущие в государстве и за его пределами ощущают величие закона во всех отношениях. Далеко не дело одного дня заставить предприятия общественного пользования работать с продуктивностью, какую можно назвать американской, а также добиться того, чтобы итальянская бюрократия, чья медлительность уже вошла в поговорку, стала энергичной и расторопной.

Особенное внимание я уделил столице. Рим — это всемирный город, дорогой сердцам итальянцев и всего мира. Он обладал истинным величием во времена Римской империи и сохранил свой универсальный огонь. Это

было место исторического значения и центр распространения христианства. Прежде всего, Рим — это город с роковым и историческим ореолом. Он является столицей новой Италии, а также сосредоточением христианства. Он преподавал и будет продолжать преподавать право и искусство всему миру.

Я не смогу отказаться от возможностей, необходимых для того, чтобы превратить эту величественную столицу в город эстетически прекрасным, политически организованным и упорядоченным своим губернатором. С его природным портом в Остии и новыми дорогами он превратится в один из наиболее опрятных и чистых городов Европы. При помощи отделения монументов древнего Рима связь между древними римлянами и современными итальянцами станет более прекрасной и значительной. Данная работа по повышению престижа, а практически по сотворению новой столицы, не проводилась в ущерб другим городам Италии. Каждый из них обладал типичным характером древней столицы. Это города, подобные Перуджии, Милану, Неаполю, Флоренции, Палермо, Болоньи, Турину, Генуе, имеющие собственную историю, достойную высочайшего почтения. Но ни один из них сейчас даже не рассчитывает на то, чтобы соперничать с Римом и его вековой славой.

Некоторые писатели, которые в качестве пытливых наблюдателей следили за каждым новым шагом на пути превратностей нашей политической жизни, в определенный момент выдвинули довольно интересный вопрос: почему Национальная фашистская партия не издала декрет о собственном роспуске или не пришла к дезорганизации после революционной победы в октябре 1922 года?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо призвать на помощь некоторые существенные факты. История учит нас, что в норме любое революционное движение может быть направлено в русло законности только посредством силовых мер, если необходимо, направленных даже против непосредственных участников движения. Любая революция несет в себе непредвиденные и сложные аспекты: в определенные моменты истории жертвы тех, которые были многообещающими солдатами дня вчерашнего, должны стать необходимостью во имя высших интересов дня завтрашнего. Но, несмотря на это, лично я никогда специально не жаждал ничьих жертв. Именно поэтому мне удалось воспользоваться тем обширным влиянием, которым я всегда пользовался среди своих последователей, чтобы остановить застой на почве противоречий, личных интересов и противостояний. Я предпочитал предотвратить, нежели подавить.

Но когда того требовали обстоятельства, я обнаруживал всю свою непреклонность. Фактически я должен был всегда помнить о том, что когда одна партия возлагает на себя всю полноту власти, ей должно быть известно, как осуществлять хирургические меры, а также проводить главные операции против болезни раскола. Мои личные обстоятельства были таковы, что, создав партию, я сам стал во главе ее. Единичные попытки раскола, не являющиеся результатом разницы подходов, а скорее особенностей характеров отдельных лиц, обычно затухали под влиянием общей потери пиетета и уважения, а также после разоблачения эгоистических стремлений.

Это осознание моего неоспоримого главенства давало мне возможность поддерживать партию на плаву. Но иные взгляды и суждения также противостояли расколу партии. Прежде всего, сентиментальная идея врезалась мне в душу и наполнила собой благодарный дух моей нации. Фашисты, особенно молодежь, следовали за мной со слепой, абсолютной и глубокой преданностью. Я вел их сквозь наиболее драматические события, уводя от университетов, контор, фабрик и заводов. Молодые люди не колебались перед лицом опасности. Им было известно, как рисковать своим будущим наряду с жизнью и судьбами. Я испытывал и поныне испытываю глубокую благодарность участникам моего ополчения былых дней; распустить партию и отправить их с отставку, прежде всего, было бы проявлением черной неблагодарности.

Но, в конце концов, существовала гораздо более важная причина. Я считал формирование нового итальянского правительственного метода одной из первостепенных обязанностей фашизма. Он должен был утвердиться в пылу труда, посредством тщательно разработанного процесса отбора, вне риска появления слишком большого количества временных военных лидеров. Правом партии было предложить мне кандидатуру последователя нашего режима на ту или иную из ответственных позиций. В этом смысле партия шла бок о бок с правительством в процессе управления новым режимом. Она вынуждена была отказаться от политики активной борьбы, но все же сохранить неизменным характер гордой политической бескомпромиссности. Многие очевидные признаки давали мне понять, что невозможно объединить старый и новый миры. Поэтому на будущее мне был необходим людской резерв. Глава правительства с тем же успехом может быть и главой партии, точно так же, как в любой стране мира уполномоченный глава всегда является выразителем аристократии воли.

Тем временем с целью установления оснований для общественного

порядка мое правительство в декабре 1922 года обратилось с предупреждением в адрес самих фашистов. Оно состояло в следующем:

«Каждый фашист должен быть хранителем общественного порядка. Каждый его нарушитель является врагом, даже если имеет при себе партийное удостоверение».

Таким образом, в нескольких словах были обозначены позиции и обязанности партии при фашистском режиме.

В 1922 году мы столкнулись со множеством подводных камней и препятствий. Партия достигла особой чувствительности благодаря трудностям пережитого опыта. В моменты тяжелейших испытаний она проявила себя способной защищать интересы страны в целом. В сравнении с другими революциями наша не имела продолжительных, кровавых последствий, за исключением разве что непосредственного момента сражения.

Как я уже отмечал ранее, использование грубой силы находилось под моим строгим контролем.

Тем не менее позиция некоторых оппозиционных газет была довольно странной. Эти странные недоброжелатели, а именно издания социал-демократического толка, такие как «Карьеры дела Сера», или социалистического направления, как «Аванти», с неизменным упорством продолжали критиковать слаженные и крутые меры фашизма, втайне надеясь на то, что вскоре с ним будет покончено, и намекая на это же на своих страницах. Согласно этим политическим диагностам, это было делом непродолжительного отрезка времени, в течение которого фашизм разобьется либо о парламентские рифы, либо об очевидную невозможность побороться с проблемами итальянской действительности. Позднее мы стали свидетелями плачевного конца подобных пророков; но чтобы достичь каких-то определенных результатов, особенно в первый год, я считал своей обязанностью неусыпно контролировать партию. Она всегда должна была находиться в состоянии абсолютной готовности, выше всех оппозиционных критиков с их ловушками, в ожидании приказов и команд.

Партии грозила одна серьезная опасность: это была чересчур вольная процедура привлечения новых членов. Наши крошечные отряды исходного военного периода теперь разрослись до таких масштабов, что необходимо было просто вешать на дверь замок во избежание проникновения новых членов. Поскольку однажды фашизм уже доказал свою твердость, то весь старый мир захотел как можно быстрее попасть в его ряды. Если бы такое произошло, то мы неизбежно возвратились бы к прежней ментальности, старым недостаткам, к опрометчивым фальсификациям, вместо того чтобы

избирательно поддерживать рост посредством образования и почтения. Иначе под давлением всех этих перебежчиков в последнюю минуту партия утратит свою подвижную и самобытную душу. На старый мир должны быть наложены ограничения. Они могли идти куда угодно и ожидать чего бы то ни было, даже не снимая комнатных тапочек, но не отравляя при этом движения молодежи за возрождение Италии.

После того в 1926 году я приостановил партийную регистрацию, мне пришлось положить все силы, усердие и средства на отбор и обучение молодежи. Авангардия была создана совместно с Национальной организацией Балилла. Эти организации включали в себя юношей и девушек, которые благодаря своим многочисленным достоинствам и высоким результатам в учебе были даже совсем недавно удостоены мной чести называться «неоценимой надеждой фашистского режима».

Эта программа принесла с собой ни с чем не сравнимые результаты; благодаря ей партия никогда не подвергалась по-настоящему серьезным кризисным ситуациям. Я уверен, что среди своих достоинств могу назвать способность действовать в соответствии с обстоятельствами и в надлежащий момент могу без ложной сентиментальности наносить удар там, где проявляются признаки слабости или скрыта западня.

В требующей бдительности и осторожности работе по предотвращению кризисных моментов со мной рядом всегда находились расторопные партийные секретари, оказывавшие мне неоценимую помощь. Микеле Бьянчи еще до похода на Рим умело руководил партией. Он смог привести чрезвычайно воинственный характер движения в соответствие с потребностями политической ситуации, которая была вполне реальна и требовала мудрого разрешения. Именно по этой причине Микеле Бьянчи являлся превосходным секретарем. Он и по сей день работает в правительстве в качестве моего неоценимого соратника в вопросах международной политики. Он наделен политическим мышлением наивысшей степени, это по-настоящему мыслящий человек, и к тому же он остается верным в любой ситуации. Этот режим всегда может рассчитывать на него.

Досточтимый Сансанелли, храбрый участник последней войны, а сегодня президент Международной федерации ветеранов войны, также занял свое место. Он смог противостоять тайным сепаратистским движениям, которые, несомненно, имели корни в специфическом, профашистском итальянском масонстве.

Именно в этот период начались возмущения со стороны антифашистских сил. Старый либеральный мир, побежденный, но претерпеваемый великодушным режимом, не был абсолютно уверен в новом порядке вещей. Он вернулся к своей прежней надменности; итальянское масонство все еще развивалось, запуская повсюду свои бесконечные и бесконтрольные щупальца, утопая в коррупции и разложении. Эти силы отрицания даже вооружили остатки коммунистов, находящихся в засаде и отсиживающихся по подвалам. Уже после выборов, до сентября 1924 года, была сформирована новая «директория», которую возглавил досточтимый секретарь Джунта. Я уже упоминал о профашистской деятельности этого всеми уважаемого человека. Во второй половине года антифашистское движение, вызванное тайными силами национального и международного характера, повело активное наступление по всем фронтам. Я нанес им прямой удар своей речью от 3 января 1925 года. Но также вслед за этим я определил, что наша партия должна преследовать более воинственную и непреклонную линию поведения. Имея это в виду, 12 февраля 1925 года я назначил достопочтенного Роберто Фариначчи Генеральным секретарем партии.

Фариначчи знал, как проявить себя, чтобы показать себя достойным той миссии, которую я доверил ему. Его достижения, рассматриваемые в своей целостности и в свете достигнутых результатов, обнаруживают в нем

заслуженного секретаря. Он повел сокрушительную борьбу с остатками «авантюнизма», проявлявшими себя то там то здесь по стране; он придавал всей партии высокий и острый дух непримиримости, как политической, так и моральной, а также ввел против нарушителей порядка и интриганов такие исключительные меры, которые я открыто провозгласил после того, как антифашистскими силами было совершено четыре преднамеренных убийства, продемонстрировавших их преступный характер. Я строго придерживался данного репрессивного курса партии и вовремя подготовил необходимые условия. Синьор Фариначчи является одним из основателей фашизма, преданно следовавшим за мной с 1914 года.

Справившись со своей миссией, Фариначчи сложил с себя обязанности Генерального секретаря в пользу почтенного Аугусте Турати, храброго ветерана Мировой войны, человека с чистым рассудком и аристократическим складом характера, который смог придать партии соответствующее новому времени и новым потребностям направление. Он провел большую и неоценимую работу по просвещению фашистских масс. Кроме этих высокочтимых партийных деятелей современности следует также отметить усилия Ренато Риччи, организатора «Балилла», Мельхиорри, учредителя отрядов милиции, Маринелли, мужественного правительственного секретаря, Стараче, доблестного ветерана, а также Арпинати, преданного чернорубашечника с марта 1919 года и организатора фашистской группировки в Болонье.

Партия взрастила новых префектов фашистской Италии, элементы синдикалистской организации и консулов, в то время как многие депутаты были назначены министрами и их заместителями. Мало-помалу, продвигаясь вверх по ступенькам, я придавал всему правительственному миру более цельную и непоколебимую политическую линию. Практически все ведущие позиции в правительстве на сегодняшний день занимают фашисты. Таким образом, после четырех лет существования режима мы сделали актуальной формулу: «Всеобъемлющую власть всеобъемлющему фашизму», заявленную мной на фашистском митинге в июне 1925 года в Риме.

Я сдерживал свое нетерпение. Я избегал прыжков в темноту. Я не шел лишь путем умозаключений, а смешивал существующие нужды с формированием нового будущего. Естественно, придав государству исключительно фашистский характер и наполнив все жизненно важные артерии национальной жизни жизненной силой и обновленным мужеством черных рубашек, я не только не приуменьшил, но даже прибавил значимости Национальной фашистской партии, как движущей силе

режима. Этот переход от политической организации к устойчивой государственной организации является наиболее солидной гарантией будущего этого режима. Я своими руками заложил краеугольный камень представительской реформы, основанной на интересах итальянской общественности и национального порядка, а также добился того, чтобы Высший фашистский совет стал упорядоченным конституционным органом, преданным интересам государства. Таким образом Фашистская партия, оставаясь независимой, стальными путами связала себя с самой сущностью фашистского государства.

Темой, всегда вызывающей интерес и зачастую непонятной как для итальянцев, так и для иностранцев, являются отношения между Церковью и Государством в Италии. Закон о гарантиях, принятием которого в 1870 году проблема считалась разрешенной, олицетворяет собой ту форму взаимоотношений, которая со времен расцвета фашизма не привела ни к каким значительным изменениям. По правде говоря, Святейший Престол в Ватикане время от времени возобновляет протесты против воображаемых прав, узурпированных итальянским правительством в Риме, но не существует ни существенных оснований для опасений, ни глубоких противоречий.

Безмятежное спокойствие в отношениях служит данью фашистскому режиму. В прошлом вокруг разногласий исторического характера, провоцирующих фанатичную ненависть, ходили настоящие легенды; антиклерикальная деятельность на протяжении долгого времени развивалась в различных проявлениях и посредством многочисленных секций так называемых группировок «свободной мысли» служила для усиления низменного политического влияния итальянского масонства. Распространялась идея о том, что религия — «личное дело каждого» и не должна иметь ничего общего с действиями и политикой правительства.

Однако, если антиклерикализм был поверхностен и груб, то, с другой стороны, Церковь, не понимающая новой Италии и с фанатичным усердием придерживающаяся своих непреклонных позиций, только лишь приводила в ярость своих оппонентов. Антиклерикальные силы зашли настолько далеко, что даже запретили использование католических символов и понятий христианской доктрины в школах. Это были времена социалистско-масонского разгула. Было просто необходимо внести в идеи ясность. Мы должны были дифференцировать и отделить принципы политического клерикализма от основополагающей сути католической веры. Сложившаяся ситуация привела Италию к угрожающим отклонениям, от политики «воздержания», проводимой между 1870 и 1900

годами, до навевающей мрачные воспоминания Народной партии, которой суждено было вплоть до 1925 года постепенно деградировать, приняв, в конце концов, форму клерикального большевизма, которую я решительно ликвидировал и довел до полного политического и интеллектуального банкротства.

Тревожная атмосфера, наполненная поверхностными суждениями и непониманием, была разряжена фашизмом. Я не обманывался насчет серьезности кризиса, который всегда открывался между Церковью и Государством. Я не позволял себе думать, будто смогу побороть противостояние, в котором сплетаются высочайшие интересы и принципы, но я основательно изучил все те установившиеся направления и неизменные настроения, которые могли бы, при должной гармонизации, вновь заставить расцвести принципы религиозной веры, религиозной обрядовости и уважения ко всем проявлениям культа, независимо от политических разногласий. Фактически они являются основными факторами морального и гражданского развития в обновляющейся стране.

Чтобы быть до конца откровенным, должен добавить, что, как известно, высшие круги Ватикана не всегда одобряли мою работу, возможно по политическим причинам, и не оказывали мне содействия в тех шагах, которые всем остальным представлялись разумными. Мой труд не был ни легким, ни простым. Итальянское масонство сплело наиболее замысловатые сети из своей антирелигиозной активности; оно доминировало над основными направлениями мысли; оно распространило свое влияние на издательские дома, сферу образования, судебную систему и даже на некоторые ведущие подразделения вооруженных сил.

Чтобы можно было без труда понять, как далеко все зашло, просто необходим данный конкретный пример. Когда 16 ноября 1922 года, по окончании фашистской революции, я произнес свою первую речь в парламенте, я завершил свое выступление упоминанием о том, что в моих трудных свершениях мне помогал Господь. Признаюсь, эта моя фраза казалась совсем не к месту! В итальянском парламенте, представлявшем собой поле действий для местного масонства, имя Бога было запрещено к упоминанию долгое время. Даже Народная, или так называемая Католическая, партия никогда даже не думала о том, чтобы говорить здесь о Боге. В Италии политик даже не задумывается о божественном. Но даже если он когда-либо и думал о том, чтобы сделать это, политическое приспособленчество и трусость сдержали бы его порыв, в особенности в присутствии законодательного собрания. Эта дерзкая инновация была на моей совести! Да к тому же в напряженный революционный период! В чем

истина? Да в том, что открыто исповедуемая вера является признаком силы.

Я вновь наблюдал расцвет религиозного духа; церкви снова были переполнены, а наместники Бога на Земле были окружены новым почетом. Фашизм выполнил и продолжает выполнять свои обязательства.

Как я упоминал ранее, некоторые церковные круги не смогли оценить и понять всю важность политического и морального перерождения новой Италии.

Первые симптомы отсутствия понимания заявили о себе в самом начале фашистского правления: сначала Католическая партия изъявила желание сотрудничать с новым режимом путем внедрения своих представителей в правительство. Однако это сотрудничество начало приводить к ряду недомолвок и противоречий, и через полгода я вынужден был указать на дверь министрам, принадлежащим к этой партии.

Я был свидетелем того, как Народная партия вступила в альянс с масонством. Но когда партии избежали столкновения на итальянской политической арене, раздоры между Церковью и Государством отразились на состоянии внешней политики. Римский вопрос снова стоял на повестке дня. Обе исторические силы подкрепляли свои концепции. Журналистские перебранки и объективная полемика обнаружили, что проблема еще не вызрела и может стать неразрешимой. Вероятно, два менталитета и два разных мира противостояли друг другу в многовековой исторически неразрешимой оппозиции. Одна уходила корнями в религиозную веру отцов и жила этическими нормами Римского права; другая носила универсальный характер равенства в братстве перед Богом.

Сегодня фашизм с высочайшим почтением относится к Церкви и ценит ее силу; такой же является и обязанность каждого гражданина-католика. Но политика, защита национальных интересов, борьба за других и за себя должны стать задачами современных итальянских фашистов, которые желают видеть бессмертную и незаменимую Церковь Святого Петра уважаемой и не желают никогда более связывать себя с любыми политическими силами, не имеющими четких позиций и не разделяющими чувства патриотизма. Какие бы ошибки ни допускали эти самые представители, никто не вправе лишать Церковь ее универсального характера, но каждый имеет право указать на определенные отрицательные черты в действиях некоторых итальянских католиков и с полной ответственностью отвергнуть политическое признание некоторых центральноевропейских течений, на которые даже сейчас Италия возлагает свои наиболее пространственные ожидания. Позиции веры в Италии

укрепились. Фашизм придал импульс и новые силы религиозной жизни страны. Но она никогда и ни по каким причинам не сможет опровергнуть суверенные права государства и его основные функции.

Глава XIII

В пути

Некоторые из читателей моих записок могут приписать этим страницам характер законченной жизненной истории. Но они ошибаются, если полагают, что история завершена. Абсурдно считать, что кто-то может подвести итог полной битв и сражений жизни в сорокапятiletнем возрасте.

Подробные воспоминания глубоко личного характера присущи старости и креслу у камина. Я не намерен писать каких бы то ни было «мемуаров». Они лишь представляют осознанность определенной завершенности жизненного цикла. Они не имеют никакой ценности для человека, который находится в самом пылу деловой активности!

Я был революционным лидером и главой правительства в тридцать девять лет. Поэтому я не только не думаю, что уже закончил свою работу, но часто у меня возникает чувство, будто я ее даже не начинал.

Я вхожу в лучшую пору своей жизни. Я движусь к ней и в данный момент. Но я не без гордости могу заявить, что заложил прочный фундамент в основание фашизма. Многие задают вопрос, какой будет моя будущая политика и в чем заключаются мои окончательные цели.

Все ответы здесь. Я ничего не прошу для себя: ни материального достатка, ни наград, ни почестей, ни признания моих деяний в историческом масштабе. Моя цель проста: я хочу, чтобы Италия стала великой, уважаемой и грозной; я хочу сделать свою нацию достойной своих славных древних традиций. Я хочу довести ее эволюцию до высочайших форм проявления национального сотрудничества; я желаю, чтобы более стабильное процветание навечно стало доступным моему народу. Я хочу создать политическую организацию, которая будет выражать, гарантировать и охранять наше развитие. Я неутомим в своем стремлении увидеть заново рожденных и перерожденных итальянцев. Со всей присущей мне силой и энергией, без пауз и промедлений я хочу предоставить им как можно более полные возможности. Я не упускаю из виду опыт других народов, но строю государство на присущих нам

элементах, в согласии с нашими возможностями, нашими традициями и со всей присущей итальянцам энергией. Я провел детальное изучение интересов, чаяний и тенденций, распространенных среди масс. Я двигался вперед по направлению к наилучшим проявлениям жизни и прогресса. Я взвешивал их, я пробовал их, я управлял ими. Я страстно желаю того, чтобы моя нация, со всем присущим фашизму пылом, наверстала те последние несколько десятилетий или даже столетие потерянной истории. Наш оплот в партии, продемонстрировавшей свою незаменимую силу. Я верю в молодежь. В своей духовной и материальной жизни она руководствуется внимательным, живым умом и пылким сердцем. Я не отвергаю советов даже от своих оппонентов, когда они искренни. Моего презрения заслуживают нечестные и лживые оппоненты, клеветники и отступники, а также те, кто потерял всякое чувство достоинства и ощущение национальной и человеческой солидарности в зловонной сточной канаве из низменной алчности и злобы. Поверженные, чьи слова улетают на ветер, уцелевшие среди руин строения, которое пало навеки, соучастники развала и позора, в который была втянута страна, иногда не имеют совести даже для того, чтобы просто молчать.

Я строг даже с самыми преданными своими последователями. Я всегда вникаю в ситуации, в которых имели место преувеличения и злоупотребления. Я близок к сердцу масс и прислушиваюсь к его биению. Я читаю в нем их чаяния и интересы. Мне известны все достоинства моей расы. Я испытал их во всей присущей ей чистоте и твердости. Я буду бороться с подлостью и упадком, пока не одержу над ними победу. Так называемые «либеральные организации», созданные в прежние времена, исходя из ложных представлений о безопасности, уничтожены и лишены присущей им демагогии и фальшивого идеализма новыми усилиями фашизма, использовавшего подкрепленный реальностью идеализм.

Воздух и свет, сила и энергия, сияние и движение в бескрайнем небе Италии! Сегодня самое возвышенное видение гражданских и национальных проблем ведет людей к их цели; людей, живущих в этой новой и прекрасной весне. Это вдыхает новую жизнь в мои продолжительные труды. Мне сорок пять, и я ощущаю всю действенность своей работы и всю силу своей мысли. Я подавил в себе все эгоистичные интересы. Подобно многим наиболее преданным идее гражданам, я обрекаю себя на служение итальянскому народу до последнего удара своего сердца. Я объявляю себя его слугой. Я чувствую, что все итальянцы понимают и любят меня. Я знаю, что достоин любви только тот, кто не обременен слабостью, противоречиями, а также наделен объективностью и

полнотой веры.

Поэтому, снова возвращаясь к уже проделанной мной работе, я знаю, что фашизм, являясь порождением итальянской расы, удовлетворяет и будет удовлетворять историческую необходимость, а посему в своей непобедимости должен будет произвести неизгладимое впечатление на историю XX столетия.

ДОКТРИНА ФАШИЗМА

Глава первая

Основные идеи

Философия фашизма

Как всякая цельная политическая концепция, фашизм есть одновременно действие и мысль: действие, которому присуща доктрина, и доктрина, которая, возникнув на основе данной системы исторических сил, включается в последнюю и затем действует как внутренняя сила.

Поэтому эта концепция имеет форму, соответствующую обстоятельствам места и времени, но вместе с тем обладает идейным содержанием, возвышающим ее до значения истины в истории высшей мысли.

Нельзя действовать духовно на внешний мир в области велений человеческой воли без понимания преходящей и частичной реальности, подлежащей воздействию, и реальности вечной и универсальной, в которой первая имеет свое бытие и жизнь.

Чтобы знать людей, нужно знать человека, а чтобы знать человека, нужно знать реальность и ее законы. Не существует понятия государства, которое, в основе, не было бы понятием жизни. Это есть философия или интуиция, идейная система, развивающаяся в логическую конструкцию или выражающаяся в видении или в вере, но это всегда, по крайней мере, в возможности, органичное учение о мире.

Духовное понятие жизни

Таким образом, фашизм не понять во многих его практических проявлениях — как партийную организацию, как воспитательную систему, как дисциплину, — если не рассматривать его в свете общего понимания жизни, то есть понимания духовного.

Мир для фашизма есть мир не только материальный, манифестирующий себя лишь внешне, в котором человек, являющийся независимым индивидом, отдельным от всех других, руководится естественным законом, инстинктивно влекущим его к эгоистической жизни и минутному наслаждению.

Для фашизма человек — это индивид, единый с нацией, Отечеством, подчиняющийся моральному закону, связующему индивидов через традицию, историческую миссию и парализующему жизненный инстинкт,

ограниченный кругом мимолетного наслаждения, чтобы в сознании долга создать высшую жизнь, свободную от границ времени и пространства. В этой жизни индивид путем самоотрицания, жертвы частными интересами, даже подвигом смерти осуществляет чисто духовное бытие, в чем и заключается его человеческая ценность.

Позитивное понятие жизни как борьбы

Итак, фашизм есть духовная концепция, возникшая также из общей реакции века против ослабляющего материалистического позитивизма XIX века. Концепция антипозитивистская, но положительная; не скептическая, не агностическая, не пессимистичная, не пассивно оптимистическая, каковыми являются вообще доктрины (все негативные), полагающие центр жизни вне человека, который может и должен своей свободной волей творить свой мир.

Фашизм желает человека активного, со всей энергией отдающегося действию, мужественно сознающего предстоящие ему трудности и готового их побороть. Он понимает жизнь как борьбу, помня, что человеку следует завоевать себе достойную жизнь, создавая прежде всего из себя самого орудие (физическое, моральное, интеллектуальное) для ее устройства. Это верно как для отдельного человека, так и для нации и для человечества вообще.

Отсюда высокая оценка культуры во всех ее формах (искусство, религия, наука) и величайшее значение воспитания. Отсюда же основная ценность труда, которым человек побеждает природу и создает собственный мир (экономический, политический, моральный, интеллектуальный).

Моральное понятие жизни

Это положительное понимание жизни есть, очевидно, понимание этическое. Оно объемлет всю реальность, а не только человека, властвующего над ней. Нет действия, не подчиненного моральной оценке; нет ничего в мире, что могло бы быть лишено своей моральной ценности.

Поэтому фашист представляет себе жизнь серьезной, суровой, религиозной, полностью включенной в мир моральных и духовных сил. Фашист презирает "удобную жизнь".

Религиозное понятие жизни

Фашизм — концепция религиозная; в ней человек рассматривается в его имманентном отношении к высшему закону, к объективной Воле,

которая превышает отдельного индивида делает его сознательным участником духовного общения. Кто в религиозной политике фашистского режима останавливается на чисто оппортунистических соображениях, тот не понял, что фашизм, будучи системой правительства, также и прежде всего есть система мысли.

Этическое и реалистическое понятие жизни

Фашизм — концепция историческая, в которой человек рассматривается исключительно как активный участник духовного процесса в семейной и социальной группе, в нации и в истории, где сотрудничают все нации. Отсюда — огромное значение традиции в воспоминаниях, языке, обычаях, правилах социальной жизни.

Вне истории человек — ничто. Поэтому фашизм выступает против всех индивидуалистических на материалистической базе абстракций XIX века; он против всех утопий и якобинских новшеств. Он не верит в возможность "счастья" на земле, как это было в устремлениях экономической литературы XVIII века, и поэтому он отвергает все телеологические учения, согласно которым в известный период истории возможно окончательное устройство человеческого рода. Последнее равносильно поставлению себя вне истории и жизни, являющейся непрерывным течением и развитием.

Политически фашизм стремится быть реалистической доктриной; практически он желает разрешить только задачи, которые ставит сама история, намечающая или предугадывающая их решение. Чтобы действовать среди людей, как и в природе, нужно вникнуть в реальный процесс и овладеть действующими силами.

Антииндивидуализм и свобода

Фашистская концепция государства антииндивидуалистична; фашизм признает индивида, поскольку он совпадает с государством, представляющем универсальное сознание и волю человека в его историческом существовании.

Фашизм против классического либерализма, возникшего из необходимости реакции против абсолютизма и исчерпавшего свою задачу, когда государство превратилось в народное сознание и волю. Либерализм отрицал государство в интересах отдельного индивида; фашизм утверждает государство как истинную реальность индивида.

Если свобода должна быть неотъемлемым свойством реального человека, а не абстрактной марионетки, как его представлял себе

индивидуалистический либерализм, то фашизм — за свободу. Он — за единственную свободу, которая может быть серьезным фактом, именно — за свободу государства и свободу индивида в государстве. И это потому, что для фашиста все в государстве и ничто человеческое или духовное не существует и тем более не имеет ценности вне государства. В этом смысле фашизм тоталитарен и фашистское государство, как синтез и единство всех ценностей, истолковывает и развивает всю народную жизнь, а также усиливает ее ритм.

Антисоциализм и корпоративизм

Вне государства нет индивида, нет и групп (политических партий, обществ, профсоюзов, классов). Поэтому фашизм против социализма, который историческое развитие сводит к борьбе классов и не признает государственного единства, сливающего классы в единую экономическую и моральную реальность; равным образом фашизм против классового синдикализма.

Но в пределах правящего государства фашизм признает реальные требования, из которых берут начало социалистическое и профсоюзное движения, и реализует их в корпоративной системе интересов, согласованных в единстве государства.

Демократия и нация

Индивиды составляют: классы соответственно категориям интересов, профсоюзы — соответственно различным, объединенным общим интересом сферам экономической деятельности, но прежде и главное всего они составляют государство. Последнее не является числом в виде суммы индивидов, образующих большинство народа. Поэтому фашизм против демократии, приравнивающей народ к большинству, и снижающей его до уровня многих.

Но он сам является настоящей формой демократии, если народ понимать, как должно, качественно, а не количественно, то есть как наиболее мощную, моральную, истинную и последовательную идею. Эта идея осуществляется в народе через сознание и волю немногих, даже одного, и, как идеал, стремится осуществить в сознании и воле всех.

Именно тех, кто сообразно этнической природе и истории, образует нацию, будучи направляемы единым сознанием и волей по одной линии развития и духовного склада.

Нация не есть раса или определенная географическая местность, но длящаяся в истории группа, то есть множество, объединенное одной идеей,

каковая есть воля к существованию и господству, то есть самосознание, следовательно, и личность.

Понятие государства

Эта высшая личность есть нация, поскольку она является государством. Не нация создает государство, как это провозглашает старое натуралистическое понимание, легшее в основу национальных государств XIX века. Наоборот, государство создает нацию, давая волю, а следовательно, эффективное существование народу, сознающему собственное моральное единство.

Право нации на независимость проистекает не из литературного и идейного сознания собственного существования, и тем меньше из фактического более или менее бессознательного и бездеятельного состояния, но из сознания активного, из действующей политической воли, способной доказать свое право. Государство, именно как универсальная этическая воля, является творцом права.

Этическое государство

Нация в форме государства есть этическая реальность, существующая и живущая, поскольку она развивается. Остановка в развитии есть смерть. Поэтому государство есть не только правящая власть, дающая индивидуальным волям форму закона и создающая ценность духовной жизни, оно есть также сила, осуществляющая вонне свою волю и заставляющая признавать и уважать себя, то есть фактически доказывающая свою универсальность во всех необходимых проявлениях своего развития. Отсюда — организация и экспансия, хотя бы в возможности. Таким образом, государственная воля уравнивается по природе с человеческой волей, не знающей в своем развитии пределов и доказывающей своим осуществлением собственную бесконечность.

Содержание государства

Фашистское государство, высшая и самая мощная форма личности, есть сила, но сила духовная. Она синтезирует все формы моральной и интеллектуальной жизни человека. Поэтому государство невозможно ограничить задачами порядка и охраны, как этого хотел либерализм. Это не простой механизм, разграничивающий сферы предполагаемых индивидуальных свобод.

Государство есть внутренняя форма и норма, дисциплинирующая всю личность и охватывающая как ее волю, так и разум. Его основное начало

— главное вдохновение человеческой личности, живущей в гражданском обществе, проникает в глубину, внедряется в сердце действующего человека, будь он мыслитель, артист или ученый: это душа души.

Авторитет

В результате фашизм — не только законодатель и создатель учреждений, но воспитатель и двигатель духовной жизни. Он стремится переделать не форму человеческой жизни, но ее содержание, самого человека, характер, веру.

Для этой цели он стремится к дисциплине и авторитету, проникающему в дух человека и в нем бесспорно властвующему. Поэтому его эмблема — ликторская связка, — символ единения, силы и справедливости.

Глава вторая

Политическая и социальная доктрина

Происхождение доктрины

Когда в далекий теперь месяц март 1919 года через газету "Пополо ди Италия" я созвал в Милане оставшихся участников войны, следовавших за мной с момента учреждения дружин (fascio) революционного действия, что произошло в январе 1915 года, — я в мыслях не имел никакого конкретного доктринального плана.

Живой опыт я сохранил от одной доктрины, именно — социализма, за время от 1903–1904 года до зимы 1914 года — около десяти лет. В этом опыте я постиг и подчинение, и главенство, но он не представлял собой опыта доктринального. И в этот период моя доктрина была доктриной действия. С 1905 года не существовало больше единой, всеми признаваемой социалистической доктрины. Тогда в Германии началось ревизионистское движение с Бернштейном во главе, а по контрасту в смене тенденций образовалось лево-революционное движение, которое в Италии не пошло дальше слов, между тем как в русском социализме оно стало прелюдией большевизма.

Реформизм, революционизм, центризм, — не осталось и отзвуков ото всей этой терминологии, между тем как в мощном потоке фашизма вы найдете струи, берущие начала от Сореля, Пеги, Лагарделя из Mouvement Socialiste, и от которых когорты итальянских синдикалистов, которые между 1904 и 1914 годами с Paganì Libere Оливетти, La lupa Орано, Divenire Sociale Генриха Леоне привнесли новую ноту в обиход итальянского социализма, уже расслабленного и захлороформированного блудодействием Джиолитти.

По окончании войны в 1919 году социализм как доктрина был мертв; он существовал лишь в форме ненависти и имел еще одну возможность, особенно в Италии, отомстить тем, кто желал войны и кто должен ее "искупить".

"Пополо ди Италия" печатала в подзаголовке: "Ежедневник участников войны и производителей". Слово "производитель" было уже показателем умственного направления. Фашизм не был во власти заранее за столом выработанной доктрины; он родился из потребности действия и был действием; он не был партией, но в первые два года он был антипартией —

движением. Имя, данное мной организации, определяло ее характер.

Во всяком случае, кто перечтет на помятых уже страницах той эпохи, отчет об учредительном собрании итальянских боевых дружин (*fascio*), тот не найдет доктрины, а только ряд положений, предвосхищений, намеков, которые впоследствии, через несколько лет, освобожденные от неизбежного нароста преходящего, должны были развиться в ряд доктринальных установок, превращающих фашизм в самостоятельную политическую доктрину по отношению ко всем другим, прошлым и современным.

"Если буржуазия, — говорил я тогда, — надеется найти в нас громоотвод, она ошибается. Мы должны идти навстречу труду... Мы хотим приучить рабочий класс к искусству управления, даже чтобы только убедить его, что вовсе не легко вести вперед промышленность или торговлю... Мы будем бороться с техническим и духовным ретроградством... Перед открывающимся наследством после существующего строя мы не должны быть трусами. Мы должны торопиться! Если строй будет преодолен, мы должны занять его место. Право наследования принадлежит нам, ибо мы подвигли страну на войну и мы повели ее к победе. Настоящее политическое представительство нас не удовлетворяет, мы хотим прямого представительства отдельных интересов. Против этой программы можно сказать, что это — возврат к корпорациям. Не важно!.. Я хотел бы, чтобы собрание приняло с экономической точки зрения требования национального синдикализма".

Разве не удивительно, что с первого дня собрания на площади Святой Гробницы звучит слово "корпорация", которая в ходе революции должна обозначать одно из законодательных и социальных творений, лежащих в основе режима?

Развитие доктрины

Годы, предшествовавшие походу на Рим, были годами, когда необходимость действия не допускала исследования и подробных доктринальных разработок. Шли битвы в городах и деревнях. Спорили, но, что более свято и значительно, умирали. Умели умирать. Разработанная с подразделением на главы и параграфы и с тщательным обоснованием доктрина могла отсутствовать; для ее замены имелось нечто более определенное: вера...

Однако, кто восстановит прошлое по массе книг, статей, постановлений конгрессов, больших и малых речей, кто умеет исследовать и выбирать, тот найдет, что в пылу борьбы основы доктрины были набросаны. Именно в

эти годы фашистская мысль вооружается, заостряется и формируется.

Разрешались проблемы индивида и государства; проблемы авторитета и свободы; политические, социальные и особенно национальные проблемы; борьба против либеральных, демократических, социальных, масонских, народно-католических (popolari) доктрин велась одновременно с "карательными экспедициями".

Но так как отсутствовала "система", то противники недобросовестно отрицали всякую доктринальную способность фашизма, а между тем, доктрина создавалась, может быть, бурно, сначала под видом буйного и догматического отрицания, как это бывает со всеми возникающими идеями, а затем в форме положительной конструкции, находящей свое воплощение последовательно в 1926, 1927 и 1928 годах в законах и учреждениях режима.

Ныне фашизм отчетливо обособлен не только, как режим, но и как доктрина. Это положение должно быть истолковано в том смысле, что ныне фашизм, критикуя себя самого и других, имеет собственную самостоятельную точку зрения, а следовательно и линию направления во всех проблемах, которые материально или духовно мучают народы мира.

Против пацифизма: война и жизнь как долг

Прежде всего фашизм не верит в возможность и пользу постоянного мира, поскольку в общем дело касается будущего развития человечества, и оставляются в стороне соображения текущей политики. Поэтому он отвергает пацифизм, прикрывающий отказ от борьбы и боязнь жертвы.

Только война напрягает до высшей степени все человеческие силы и налагает печать благородства на народы, имеющие смелость предпринять таковую. Все другие испытания являются второстепенными, так как не ставят человека перед самим собой в выборе жизни или смерти. Поэтому доктрина, исходящая из предпосылки мира, чужда фашизму.

Также чужды духу фашизма все интернациональные организации общественного характера, хотя они ради выгоды при определенных политических положениях могут быть приняты. Как показывает история, такие организации могут быть развеяны по ветру, когда идейные и практические чувства взбаламучивают сердца народов.

Этот антипацифистский дух фашизм переносит и в жизнь отдельных индивидов. Гордое слово дружинника "Меня не запугать" (me ne frego), начертанное на повязке раны, есть не только акт стоической философии, не только вывод из политической доктрины; это есть воспитание к борьбе, принятие риска, с ней соединенного; это есть новый стиль итальянской

жизни.

Таким образом фашист принимает и любит жизнь; он отрицает и считает трусостью самоубийство; он понимает жизнь как долг совершенствования, завоевания. Жизнь должна быть возвышенной и наполненной, переживаемой для себя самого, но главное — для других, близких и далеких, настоящих и будущих.

Демографическая политика и наш "ближний"

Демократическая политика режима выводится из этих предпосылок.

Фашист любит своего ближнего, но этот "ближний" не есть для него смутное и неуловимое представление; любовь к ближнему не устраняет необходимой воспитывающей суровости и тем более разборчивости и сдержанности в отношениях.

Фашист отвергает мировые объятия и, живя в общении с цивилизованными народами, он не дает обмануть себя изменчивой и обманчивой внешностью; бдительный и недоверчивый, он смотрит им в глаза и следит за состоянием их духа и за сменой их интересов.

Против исторического материализма и классовой борьбы

Подобное понимание жизни приводит фашизм к решительному отрицанию доктрины, составляющей основу так называемого научного социализма Маркса, доктрины исторического материализма, согласно которой история человеческой цивилизации объясняется исключительно борьбой интересов различных социальных групп и изменениями средств и орудий производства.

Никто не отрицает, что экономические факторы — открытие сырьевых ресурсов, новые методы работы, научные изобретения — имеют свое значение, но абсурдно допускать, что их достаточно для объяснения человеческой истории без учета других факторов.

Теперь и всегда фашизм верит в святость и героизм, т. е. в действия, в которых отсутствует всякий — отдаленный или близкий — экономический мотив.

Отринув исторический материализм, согласно которому люди представляются только статистами истории, появляющимися и скрывающимися на поверхности жизни, между тем как внутри движутся и работают направляющие силы, фашизм отрицает постоянную и неизбежную классовую борьбу, естественное порождение подобного экономического понимания истории, и прежде всего он отрицает, что классовая борьба является преобладающим элементом социальных

изменений.

После крушения этих двух столпов доктрины от социализма не остается ничего, кроме чувствительных мечтаний, — старых, как человечество, — о социальном существовании, при котором будут облегчены страдания и скорби простого народа. Но и тут фашизм отвергает понятие экономического "счастья", осуществляющегося в данный момент экономической эволюции социалистически, как бы автоматически обеспечивая всем высшую меру благосостояния. Фашизм отрицает возможность материалистического понимания "счастья" и предоставляет его экономистам первой половины XVIII века, т. е. он отрицает равенство "благосостояние — счастье", что превратило бы людей в скотов, думающих об одном: быть довольными и насыщенными, то есть ограниченными простой и чисто растительной жизнью.

Против демократических идеологий

После социализма фашизм борется со всем комплексом демократических идеологий, отвергая их или в их теоретических предпосылках, или в их практических применениях и построениях.

Фашизм отрицает, что число — просто как таковое — может управлять человеческим обществом; он отрицает, что это число посредством периодических консультаций может править; он утверждает, что неравенство неизбежно, благотворно и благодетельно для людей, которые не могут быть уравнены механическим и внешним фактом, каковым является всеобщее голосование.

Можно определить демократические режимы тем, что при них время от времени народу дается иллюзия собственного суверенитета, между тем как действительный, настоящий суверенитет покоится на других силах, часто безответственных и тайных. Демократия — это режим без короля, но с весьма многочисленными, часто более абсолютными, тираническими и разорительными королями, чем единственный король, даже если он и тиран.

Вот почему фашизм, занимавший до 1922 года, в виду преходящих соображений, республиканскую, в тенденции, позицию, перед Походом на Рим от нее отказался в убеждении, что ныне вопрос о политической форме государства не является существенным и что при изучении образцов бывших и настоящих монархий или республик явствует, что монархия и республика не должны обсуждаться под знаком вечности, но представляют собой формы, в коих выявляются политическая эволюция, история, традиция и психология определенной страны.

Теперь фашизм преодолел противопоставление "монархия — республика", в котором завяз демократизм, отягощая первую всеми недостатками и восхваляя последнюю как совершенный строй. Теперь видно что бывают по существу реакционные и абсолютные республики и монархии, приемлющие самые смелые политические и социальные опыты.

Ложь демократии

В одном из своих "философских размышлений" Ренан, имевший предфашистские просветы, говорит:

"Разум, знание — продукты человечества, но это химера — желать разума непосредственно для народа и через народ".

"Для существования разума вовсе нет необходимости, чтобы он был общим достоянием. Во всяком случае, если бы подобное приобщение к разуму, нужно было проделать, не следует его начинать с низшей демократии, которая привела бы к уничтожению всякой труднодостижимой культуры и всякой высшей дисциплины".

"Принцип, что общество существует только для благополучия и свободы индивидов, его составляющих, не представляется согласным с планами природы, где принимается во внимание только вид, а индивид приносится в жертву. Нужно весьма опасаться, что последним словом так называемой (спешу прибавить, что ее можно понимать и иначе) демократии станет такое социальное общество, в котором выродившаяся масса будет заниматься одним: предаваться гнусным наслаждениям грубого человека".

Так говорит Ренан. Фашизм отвергает в демократии абсурдную ложь политического равенства, привычку коллективной безответственности и миф счастья и неограниченного прогресса. Но, если демократию можно понимать иначе, то есть если демократия обозначает "не загонять народ на задворки государства", то автор этих строк может определить фашизм как "организованную, централизованную и авторитарную демократию".

Против либеральных доктрин

По отношению к либеральным доктринам фашизм находится в безусловной оппозиции, как в области политики, так и экономики. В целях текущей полемики не следует преувеличивать значение либерализма в прошлом веке и делать из одной из многочисленных доктрин, расцветших в том столетии, религию человечества для всех времен, настоящих и будущих.

Либерализм процветал лишь в течение 15 лет. Он родился в 1830 году,

как реакция против Священного Союза, желающего отодвинуть Европу к периоду до 1789 года, и имел свой год особого блеска, именно 1848-й, когда даже папа Пий IX прослыл либералом.

Сразу же за этим начался упадок. Если 1848 год был годом света и поэзии, то 1849-й стал годом мрака и трагедии. Римская республика была убита другой, а именно Французской республикой. В том же году Маркс выпустил евангелие социалистической религии в виде знаменитого Коммунистического манифеста. В 1851 году Наполеон III совершает нелиберальный государственный переворот и царствует над Францией до 1870 года, когда он был низвергнут народным восстанием, но вследствие военного поражения, считающегося в истории одним из самых крупных. Победил Бисмарк, никогда не знавший, где господствует религия свободы, и какие пророки ей служат.

Симптоматично, что немецкий народ, народ высшей культуры, в течение XIX века совершенно не знал религии свободы. Она проявилась только в переходный период, в виде так называемого "смешного парламента" во Франкфурте, просуществовавшего один сезон.

Германия достигла своего национального единства вне либерализма, против либерализма, доктрины, чуждой немецкой душе, душе исключительно монархической, между тем как либерализм есть логически и исторически преддверие анархии. Этапы немецкого объединения — это три войны 1864, 1866 и 1870 годов, ведомые такими либералами, как Мольтке и Бисмарк.

Что касается Итальянского объединения, то либерализм привнес в него абсолютно меньшую долю, чем Маццини и Гарибальди, которые не были либералами. Без вмешательства нелиберального Наполеона мы не имели бы Ломбардии; и без помощи нелиберального Бисмарка при Садова и Седане, весьма возможно, мы не имели бы в 1866 году Венеции и в 1870 году не вошли бы в Рим.

С 1870 по 1915 год идет период, когда сами жрецы нового исповедания признают наступление сумерек своей религии, — побиваемой в литературе декадентством, в практике — активизмом; то есть национализмом, футуризмом, фашизмом.

Накопив бесконечное количество гордиевых узлов, либеральный век пытается выпутаться через гекатомбу мировой войны. Никогда никакая религия не налагала такой громадной жертвы. Боги либерализма жаждут крови? Теперь либерализм закрывает свои опустевшие храмы, так как народы чувствуют, что его агностицизм в экономике, его индифферентизм в политике и в морали ведут государство к верной гибели, как это уже

было раньше.

Этим объясняется, что все политические опыты современного мира — антилиберальны, и чрезвычайно смешно поэтому исключить их из хода истории. Как будто история является охотничьим парком, отведенным для либерализма и его профессоров, а либерализм есть окончательное непреложное слово цивилизации.

Фашизм не пятится назад

Фашистское отрицание социализма, демократии, либерализма не дает, однако, права думать, что фашизм желает отодвинуть мир ко времени до 1789 года, который считается началом демо-либерального века.

Нет возврата к прошлому! Фашистская доктрина не избирала своим пророком де Местра. Монархический абсолютизм отжил свое, и также, пожалуй всякая теократия. Как отжили свой век феодальные привилегии и разделение на "замкнутые", не сообщающиеся друг с другом касты. Фашистское понятие о власти не имеет ничего общего с полицейским государством. Партия, управляющая тоталитарно нацией, — факт новый в истории. Всякие соотношения и сопоставления невозможны.

Из обломков либеральных, социалистических и демократических доктрин фашизм извлекает еще ценные и жизненные элементы. Он сохраняет так называемые завоевания истории и отвергает все остальное, то есть понятие доктрины, годной для всех времен и народов. Допустим, что XIX век был веком социализма, демократии и либерализма; однако это не значит, что и XX век станет веком социализма, демократии и либерализма. Политические доктрины проходят, народы остаются. Можно предположить, что этот век будет веком авторитета, веком "правого" направления, фашистским веком. Если XIX век был веком индивида (либерализм равнозначен с индивидуализмом), то можно предположить, что этот век будет веком "коллектива", следовательно веком государства.

Совершенно логично, что новая доктрина может использовать еще жизненные элементы других доктрин. Ни одна доктрина не рождается целиком новой, никогда не виданной и неслыханной. Ни одна доктрина не может похвастаться абсолютной оригинальностью. Всякая хотя бы исторически связана с другими бывшими и будущими доктринами. Так, научный социализм Маркса связан с утопическим социализмом Фурье, Оуэна, Сен-Симона. Так, либерализм XIX века связан с Просвещением XVIII века. Так, демократические доктрины связаны с идеями энциклопедистов.

Всякая доктрина стремится направить деятельность людей к

определенной цели, но человеческая деятельность в свою очередь воздействует на доктрину, изменяет ее, приспособливает к новым потребностям или преодолевает ее. Поэтому сама доктрина должна быть не словоупражнением, а жизненным актом. В этом прагматическая окраска фашизма, его воля к мощи, стремление к бытию. Отношение к факту "насилия" и значению последнего.

Ценность и миссия государства

Основное положение фашистской доктрины — это учение о государстве, его сущности, задачах и целях. Для фашизма государство представляется абсолютным, по сравнению с которым индивиды и группы — только "относительное". Индивиды и группы "мыслимы" только в государстве. Либеральное государство не управляет игрой и материальным и духовным развитием коллектива, а ограничивается учетом результатов.

Фашистское государство имеет свое сознание, свою волю, поэтому и называется государством "этическим". В 1929 году на пятилетнем собрании режима я сказал: "Для фашизма государство — не ночной сторож, занятый только личной безопасностью граждан, также — не организация с чисто материалистическими целями для гарантии известного благосостояния и относительного спокойствия социального сосуществования, для осуществления чего было бы достаточно административного совета; и даже не чисто политическое создание без связи с ложной материальной реальностью жизни отдельных людей и целых народов".

"Государство, как его понимает и осуществляет фашизм, является фактом духовным и моральным, так как оно выявляет собой политическую, юридическую и экономическую организацию нации; а эта организация в своем зарождении и развитии есть проявление духа. Государство является гарантией внешней и внутренней безопасности, но оно также есть хранитель и блюститель народного духа, веками выработанного в языке, обычаях, вере. Государство есть не только настоящее но также прошедшее, но главное — оно есть будущее".

"Превышая границы краткой индивидуальной жизни, государство представляет неизменное сознание нации. Внешняя форма государства меняется, но его необходимость остается. Это государство воспитывает граждан в гражданских добродетелях, оно дает им сознание своей миссии и побуждает их к единению, гармонизирует интересы по принципу справедливости; обеспечивает преемственность завоеваний мысли в области знания, искусства, права, солидарности; возносит людей от

элементарной, примитивной жизни к высотам человеческой мощи, то есть к империи; хранит для будущих веков имена погибших за его неприкосновенность и во имя повиновения его законам; ставит примером и возвеличивает для будущих поколений вождей, увеличивших его территорию; гениев, его прославивших".

"Когда чувство государственности ослабевает и берут верх разлагающие и центробежные устремления, тогда нации склоняются к закату".

Единство государства и противоречия капитализма

С 1929 года по сегодняшний день всеобщая экономическая и политическая эволюция еще усилила значение этих доктринальных установок. Государство становится великаном. Только государство способно разрешить драматические противоречия капитализма. Так называемый кризис может быть разрешен только государством и внутри государства.

Где теперь тени Жюль-Симонов, возвещавших на заре либерализма, что "государство должно работать, чтобы сделать себя бесполезным и приготовить свою отставку?" Тени Мак-Кулохов, утверждавших во второй половине прошлого века что государство должно воздерживаться от излишнего управления?

Перед непрерывно требуемым неизбежным вмешательством государства в экономические отношения что теперь сказал бы англичанин Бентам, по мнению которого промышленность должна бы просить государство об одном: оставить ее в покое; или немец Гумбольдт, по мнению которого "праздное" государство должно почитаться наилучшим?

Правда, что вторая волна либеральных экономистов была не такая крайняя, как первая, и уже сам Адам Смит — пусть очень осторожно, — приоткрыл дверь для вмешательства государства в экономику.

Кто говорит "либерализм", говорит "индивид"; кто говорит "фашизм", тот говорит "государство". Но фашистское государство — единственное и представляется оригинальным творением. Оно не реакционно, но революционно, поскольку предвосхищает решение определенных универсальных проблем, поставленных во всех областях: в политической сфере — раздроблением партий, самоуправством парламента, безответственностью законодательных собраний; в экономической сфере — все более обширной и мощной профсоюзной деятельностью, как в рабочем секторе, так и в промышленном, их конфликтами и соглашениями; в области моральной — необходимостью порядка, дисциплины,

повиновения моральным заповедям Отечества.

Фашизм желает сильного, органичного и в то же время опирающегося на широкую народную базу государства. Фашистское государство потребовало в свою компетенцию также и экономику, поэтому чувство государственности посредством корпоративных, социальных и воспитательных учреждений им созданных, проникло до крайних разветвлений, и в государстве все политические, экономические и духовные силы нации выявляются, будучи введены в соответствующие организации. Государство, опирающееся на миллионы индивидов, которые его признают, чувствуют, готовы ему служить, не может быть тираническим государством средневекового владыки. Оно не имеет ничего общего с абсолютными государствами до или после 1789 года.

В фашистском государстве индивид не уничтожен, но скорее усилен в своем значении, как солдат в строю не умален, а усилен числом своих товарищей. Фашистское государство организует нацию, но оставляет для индивидов достаточное пространство; оно ограничило бесполезные и вредные свободы и сохранило существенные. Судить в этой области может не индивид, а только государство.

Фашистское государство и религия

Фашистское государство не остается безразличным перед религиозным явлением вообще и перед положительной религией, в частности, каковой в Италии является католицизм. Государство не имеет своей теологии, но оно имеет мораль. В фашистском государстве религия рассматривается, как одно из наиболее глубоких проявлений духа, поэтому она не только почитается, но пользуется защитой и покровительством.

Фашистское государство не создало своего "Бога", как это сделал Робеспьер в момент крайнего бреда Конвента; оно не стремится тщетно, подобно большевизму, искоренить религию из народных душ. Фашизм чтит Бога аскетов, святых, героев, а также Бога, как его созерцает и к нему взывает наивное и примитивное сердце народа.

Империя и дисциплина

Фашистское государство есть воля к власти и господству. Римская традиция в этом отношении есть идея силы. В фашистской доктрине империя является не только территориальным, военным или торговым институтом, но также духовным и моральным. Можно мыслить империю, то есть нацию, управляющую прямо или косвенно другими нациями, без необходимости завоевания даже одного километра территории.

Для фашизма стремление к империи, то есть к национальному распространению является жизненным проявлением; обратное, "сидение дома", есть признаки упадка. Народы, возвышающиеся и возрождающиеся, являются империалистами; умирающие народы отказываются от всяких претензий.

Фашизм — доктрина, наиболее приспособленная для выражения устремлений и состояния духа Итальянского народа, восстающего после многих веков заброшенности и иностранного рабства. Но могущество требует дисциплины, координации сил, чувства долга и жертвенности; это объясняет многие проявления практической деятельности строя, ориентацию государственных усилий, необходимую суровость против тех, кто хотел бы противодействовать этому фатальному движению Италии в XX веке; противодействовать, потрясая преодоленными идеологиями XIX века, отвергнутыми повсюду, где смело свершаются грандиозные опыты политических и социальных перемен.

Никогда подобно настоящему моменту народы не жаждали так авторитета, ориентации, порядка. Если каждый век имеет свою доктрину жизни, то из тысячи признаков явствует, что доктрина настоящего века есть фашизм. Что это живая доктрина, очевидно из того факта, что она возбуждает веру; что вера эта охватывает души, доказывает факт, что фашизм имел своих героев, своих мучеников. Отныне фашизм обладает универсальностью тех доктрин, которые в своем осуществлении представляют этап в истории человеческого духа.